

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЯКУТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ОСВОЕНИЕ АРКТИКИ: ТРИ ВЕКА ПОИСКОВ И ОТКРЫТИЙ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЯКУТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И
ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ОСВОЕНИЕ АРКТИКИ: ТРИ ВЕКА ПОИСКОВ И ОТКРЫТИЙ

Сборник тезисов
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
26-28 сентября 2024 г., г. Якутск

Ответственный редактор д.и.н. С. И. Боякова

Якутск 2024

Утверждено к печати Ученым советом Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Составители:

к.и.н. *В.В. Филиппова*

к.и.н. *Я.М. Санникова*

к.и.н. *А.А. Сулейманов*

С.И. Федоров

Т.П. Максимова

0-72 Освоение Арктики: три века поисков и открытий. Сборник тезисов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 26–28 сентября 2024 г., г. Якутск / [Электронный ресурс]. Ответственный редактор С. И. Боякова ; составители : В. В. Филиппова, Я. М. Санникова, А. А. Сулейманов и др. ; Якутский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2024. – 178 с.

Сборник тезисов подготовлен на основе материалов Всероссийской научно-практической конференции «Освоение Арктики: три века поисков и открытий», состоявшейся 26–28 сентября 2024 г., в ходе которой обсуждались проблемы стратегического значения арктического региона для Российской Федерации, необходимости актуализации накопленного опыта и анализа его современных проблем.

Издание адресовано специалистам, интересующимся историей и современным состоянием арктических регионов России. Тексты публикуются в авторской редакции.

DOI: 10.25693/Arktica2024-sb

УДК 908(98)(082)
ББК 26.89(00)я43

ISBN 978-5-902198-70-3

© Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2024
©Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Боякова С.И.</i> Предисловие	6
<i>Алексеева С.А.</i> К проблеме эвенкийско-эвенских контактов на Охотском побережье: результаты Тунгусского этнографического подотряда КЯР В.Н. Васильева (1926–1928 гг.)	7
<i>Алексушин Г.В.</i> Демилитаризация атомных ледоколов	11
<i>Андреева Т.Е., Стручков К.Н., Саввинова А.Н.</i> О проекте ИПМНС СО РАН, Университета СБК и ЯГУ им. М.К. Аммосова «Аборигенное землевладение и самоуправление эвенков пос. Тяня Олекминского улуса РС(Я)»	14
<i>Астахова И.С.</i> Арктические поселки Якутии: формирование досуговых практик в 1960–1980-е гг.	20
<i>Базегский Д.В., Васильева А.В.</i> Перспективы использования опыта реализации экологических проектов программы приграничного сотрудничества «Карелия» в регионах Российской Арктики	22
<i>Балабейкина О.А., Ивашко Д.О.</i> Поселки городского типа в демоэкономической системе Чукотского автономного округа	24
<i>Боякова С.И.</i> Научные исследования Якутской Арктики: история, достижения, перспективы	27
<i>Бравина Р.И.</i> Арктическая этнография: сбор мамонтовой кости на островах Северного Ледовитого океана (XIX – начало XX в.)	34
<i>Бучек А.А.</i> Потенциал образовательной модели «школа полного дня» для развития малокомплектных школ (на примере кочевых школ народов Арктики)	38
<i>Васильев В.Е. Г.Ф.</i> Миллер о разнообразии якутских «сект» на примере пантеона божеств XVIII века	41
<i>Васильева Р.И.</i> Особенности формирования этноязыковой ситуации у есеевских якутов (на материале полевых исследований в Красноярском крае)	44
<i>Винокурова Л.И.</i> Пространство повседневности сельской Якутии: гендерные аспекты адаптации к климатическим условиям	48
<i>Гонина Н.В.</i> Норильские экспедиции 1920-х гг.: начало советского освоения Таймыра	52
<i>Данилова Н.И.</i> Российская академия наук и исследование арктических говоров якутского языка	56

<i>Данилова Р.А.</i> Языковая жизнь арктического города (на материале полевых исследований в городах Анадырь и Билибино)	62
<i>Егоров П.М.</i> Осуществление политики научного освоения Арктической зоны Якутии в 1960–1980 гг.	65
<i>Жукова Л.Н., Скрипин В.Г.</i> Григорий Андреевич Попов – один из организаторов исследований Арктической Якутии	69
<i>Исаков А.В.</i> Чингисхан в исторической памяти современной Якутии	72
<i>Ищенко О.В.</i> Развитие образования в Якутской области в контексте вовлечения окраин в имперское пространство в конце XIX – начале XX в.	75
<i>Краснопольский Б.Х.</i> Инверсионные процессы в развитии отраслей специализации северо-арктических территорий Дальнего Востока и формирование инфраструктурно-инновационного «мезокластера»	78
<i>Кузьмина Р.П.</i> Концептосфера «времена года» в языковой картине мира эвенов	82
<i>Кушнарева М.Д.</i> Роль якутского купца В.И. Фефилова в торгово-хозяйственном освоении арктических районов и северо-восточного побережья Охотского моря в начале XX в.	87
<i>Леонов С.Н., Заостровских Е.А.</i> Водный транспорт Сибири и Дальнего Востока как база развития Северного морского пути	91
<i>Михайлов А.Г.</i> Особый правовой статус образовательных учреждений Арктической зоны как фактор развития школьного образования	96
<i>Николаев Д.А.</i> Роль Ленского объединенного речного пароходства в развитии севера Якутии во второй половине XX в. ..	99
<i>Николаев Е.Р.</i> Диалектологическая экспедиция в Момский улус (2024 г.): предварительные результаты по момскому говору якутского языка	101
<i>Поварешкин Л.В., Булыгин О.М.</i> Сравнительный анализ региональных социо-культурных особенностей кочевых ненцев Большеземельской тундры, Ямала и Гыданского полуострова	104
<i>Полянский Е.В.</i> Главное управление Северного морского пути в системе управления Севером Центральной Сибири (1930-е гг.)	107
<i>Саввинова А.Н., Филиппова В.В., Андреева Т.Е.</i> Сравнительный анализ изменений в традиционном природопользовании лесных юкагиров	116

<i>Санникова Я.М.</i> Земельные ресурсы Якутии и специфика арктических земель в традиционном хозяйствовании коренного населения в последнее десятилетие социализма	123
<i>Урожаева Т.П.</i> Последствия маловодья 2014–2016 гг. в Прибайкалье и Приангарье	126
<i>Федоров Р.Ю.</i> Социально-экологические аспекты формирования зеленой инфраструктуры городов в субарктическом климате Западной Сибири	132
<i>Федоров С.И.</i> Использование криогенных ресурсов в промысловой деятельности Якутии	136
<i>Федорова А.Р.</i> Традиционные хтонические образы в современном якутском кино: репрезентация и социокультурный контекст	138
<i>Филиппова В.В.</i> К вопросу об оценке уязвимости локальных сообществ Якутии к наводнениям	141
<i>Филиппова Д.Н.</i> Перспективы и вызовы развития арктических территорий: мнение студенческой молодежи Республики Саха (Якутия)	145
<i>Фролов И.В.</i> Проблема локализации сооружений Якутского острога кон. XVII–XVIII вв. в современном городском ландшафте по предварительным результатам раскопок 2024 г.	151
<i>Чарина О.И.</i> Особенности фольклора русских старожилов Северо-Востока Якутии: влияние аборигенного фольклора	155
<i>Шарина С.И.</i> Вербальные традиции эвенов Якутии	160
<i>Шилигина А.Н.</i> Научное изучение Сибири и Якутии в XVIII в.: природные условия и ресурсы как фактор развития	163
Сведения об авторах	170

Предисловие

В настоящем сборнике публикуются тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Освоение Арктики: три века поисков и открытий», состоявшейся 26–28 сентября 2024 г. в г. Якутске.

Целью конференции являлось осмысление исторических процессов, связанных с открытием, научным изучением и освоением Арктики, а также определение перспектив и приоритетных направлений развития дальнейших исследований. Организаторы и участники конференции исходили из понимания стратегического значения Арктики для Российской Федерации, необходимости актуализации накопленного опыта и современного состояния ее освоения и развития. Научный форум предоставил площадку для обзора и анализа отечественного приоритета в изучении арктических и северных территорий, освещения длительной истории хозяйственного и культурного их освоения народами России.

Конференция проходила в очном формате, включая возможность онлайн-участия, и объединила профессиональных исследователей – представителей различных отраслей социогуманитарного и естественнонаучного направлений. Основными направлениями исследований, вынесенными на рассмотрение и обсуждение 120 участниками научного форума, стали: интеллектуальное освоение высоких широт: исследователи, учреждения и проекты; арктическое пространство: государственная политика, управление и экономика; коренные народы Арктики: традиционное хозяйство, расселение и реализация человеческого потенциала; социальные и урбанизационные процессы в арктических регионах; языковое и культурное многообразие Арктики: региональные особенности; изменение климата: последствия для населения Арктики и Субарктики, сохранность традиционных культур и систем жизнеобеспечения.

В работе конференции приняли участие исследователи из России, США, Канады, Франции и Турции. Российские участники представляли исследовательские центры Архангельска, Иркутска, Красноярска, Москвы, Нефтеюганска, Новосибирска, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Тюмени, Улан-Удэ, Хабаровска, Южно-Сахалинска и Якутска. Состоялся заинтересованный обмен мнениями, где участники представили собственные и ознакомились с результатами изысканий коллег, затрагивающих широкий круг вопросов актуальной проблематики прошлого, настоящего и будущего Арктики и Севера.

С.И. Боякова, доктор исторических наук

**К проблеме эвенкийско-эвенских контактов на Охотском побережье:
результаты Тунгусского этнографического подотряда КЯР
В.Н. Васильева (1926–1928 гг.)**

Аннотация. Тунгусские родовые названия и территориальные подразделения широко представлены в документах, которые относятся к открытию и освоению Дальнего Востока в XVII–XVIII вв. Эти вопросы затрагиваются в историко-этнографических исследованиях, однако необходимо отметить, что названия родов эвенов, как и культура этого родственного эвенкам этноса в целом, изучены гораздо хуже. Готовя авторскую рукопись В.Н. Васильева «Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов» (около 1500 машинописных листов) автор задалась вопросом: почему о В.Н. Васильеве принято считать как об исследователе исключительно эвенкийского народа, хотя как в объект его изучения во время экспедиции Тунгусского этнографического подотряда 1926–1928 гг. входил и эвенский этнос. Обращение к материалам А.А. Бурыкина, относящихся к изучению топонимики Западного Приохотья и прилегающих к нему регионов, позволило пролить свет на этот вопрос в части разграничения непосредственно эвенкийских (собственно тунгусские) и эвенских (ламутские) этнонимов. Авторская расшифровка написанного от руки черновика раздела 3 «Расселение и численность населения» данной монографии В.Н. Васильева, подготовленной по результатам данных поездок, позволила также выделить названия эвенских и эвенкийских родов на территории Охотского побережья.

Ключевые слова: тунгусы (эвены и эвенки), территории традиционного расселения, родовые названия, Тунгусский этнографический подотряд, В.Н. Васильев, Охотское побережье.

Sardaana Alekseeva, PhD

**On the problem of the Evenk-Even contacts on the Okhotsk coast:
the results of the Tungus ethnographic suborder of V.N. Vasiliev's KYAR
(1926–1928)**

Abstract. Tungus generic names and territorial divisions are widely represented in documents that relate to the discovery and development of the Far East in the XVII–XVIII centuries. These issues are addressed in historical and ethnographic studies, however, it should be noted that the names of the clans of the Evens, as well as the culture of this ethnos related to the Evenks as a whole, have been studied much worse. Preparing the author's manuscript by V.N. Vasiliev «Tungus of the Aldano-May and Ayano-Okhotsk districts» (about 1,500 typewritten sheets) I wondered why V.N. Vasilyev is considered to be a researcher exclusively of the Evenki people,

although the Evenki ethnos was also included in the object of his study during the expedition of the Tunguska ethnographic suborder of 1926–1928. The appeal to the materials of A.A. Burykin allowed to shed light on this issue in terms of the differentiation of the Evenk (Tungus proper) and Even (Lamut) ethnonyms, which he made on the basis of studying the toponymy of the Western Okhotsk and the surrounding regions. Deciphering the handwritten draft of section 3 «Settlement and population» of this monograph by V.N. Vasiliev, written based on the results of these trips, also allowed me to identify the names of the Even and Evenk clans on the territory of the Okhotsk coast.

Keywords: Tungus (Evens and Evenks), territories of traditional settlement, generic names, Tungus ethnographic suborder, V.N. Vasiliev, Okhotsk coast.

При подготовке автором данных строк фундаментальной рукописи Виктора Николаевича Васильева «Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов» (Новосибирск: Наука, 2024, объем 55,5 п.л.) было поставлено несколько задач: во-первых, разграничение собственно эвенкийских и эвенских родовых территориальных названий на Охотском побережье. Чем это было продиктовано? Готовя предисловие к данной рукописи, возник вопрос, почему в историко-этнографической литературе, в научных статьях, посвященных жизни и деятельности В.Н. Васильева, его рукописном наследии, принято говорить о нем как об исследователе исключительно эвенкийского народа, хотя как в объект его изучения входил и эвенский этнос.

Ответ на свой вопрос автор получила при расшифровке черновика, написанного от руки (переведен в ворд) раздела три авторской монографии В.Н. Васильева (в архивных документах СПбФ АРАН написано, что «раздел этот автором представлен не был и неизвестно, написал ли он его»). Однако он был обнаружен автором еще в 2009 г. в недрах этого архива и окончательно расшифрован и введен в научный оборот в 2024 г.

Анализ данного раздела показал, то в нем приведены данные по территориям традиционного расселения родов двух крупных этнолокальных групп полуоседлых и бродячих алдано-майских и аяно-охотских тунгусов. Выявлено, что в тексте работы наряду с названиями эвенкийских родов упоминаются также названия эвенских родов, к примеру: Горбиканский, Годниканский, Дельянский, Киларский, Уяганский и др., которые ясно свидетельствует о том, что в районы изучения В.Н. Васильева входили не только эвенкийские роды, но и эвенские, поскольку суффикс = нкан характерен только для эвенских названий родов, восходящих к наименованиям территориальных групп. По другим же источникам «эвенкийские территориальные названия с суффиксами –ган, –чен, –нкан, –кан, попав в другой район, стали названиями кровных родов» [Василевич, 1946].

И чтобы разобраться в этом, безусловно сложном вопросе, автор обратилась к материалам А.А. Бурыкина, посвященным разграничению непосредственно эвенкийских (собственно тунгусские) и эвенских (ламутские) этнонимов, которые он сделал на основе изучения топонимики Западного Приохотья и

прилегающих к нему регионов, по существу являющихся единственно корректной возможностью интерпретации всех тунгусских родовых названий. Работа его основана на материалах обстоятельной статьи Н.Н. Степанова по русским экспедициям в XVII в. на Охотском побережье и их материалах о тунгусских племенах, изданных в Ученых записках ЛГПИ имени А.И. Герцена в 1959 году [Бурыкин, 2000].

Как подчеркивал А.А. Бурыкин, «родовым названиям эвенков посвящена обширная литература, эти вопросы затрагиваются и в этнографических исследованиях, и при изучении исторических источников. Названия родов эвенов, как и культура этого родственного эвенкам этноса в целом, изучены гораздо хуже» [Бурыкин, 2000, с. 245].

В качестве примера приведем название реки Иня на севере современного Хабаровского края вблизи границы с Магаданской областью, которое происходит от эвенского слова ин’а «галька, песок», что соответствует характеру местности в устье реки – то есть перед нами надежное свидетельство того, что на этой реке жили оседлые, «пешие» эвены. То же самое про р. Охота, впадающей в Охотское море – окат – река; Уега – река в бассейне реки Охоты – от него происходит название эвенского рода Уяганкан – и производных от этого родового названия эвенских фамилий Уяган и Уяганский.

Итак, как пишет А.А. Бурыкин, среди родовых названий Охотского побережья, названия родов эвенов (ламутов) и эвенков (тунгусов) достаточно надежно отделяются друг от друга: практически нет сомнительных или спорных случаев. Названия, традиционно рассматриваемые историками и этнографами как названия родов эвенов и эвенков, неоднородны, среди них присутствуют как собственно родовые названия и патронимии, называемые по имени их глав, и иноэтничные названия – названия народов, соседствующих с эвенками и эвенами на севере Охотского побережья.

Далее мною был прослежен маршрут Тунгусского этнографического подотряда 1926–1928 гг. под руководством В.Н. Васильева в части Охотского побережья и его «Предварительный отчет среди алдано-майских и аяно-охотских тунгусов», изданный в материалах КЯР [Предварительный отчет, 1930], в результате которого было определено, что В.Н. Васильев в ходе своих долговременных экспедиционных поездок изучал также и бродячих тунгусов Арки – эвенов, кочующих по рр. Охота, Улья и Кухтуй, правда, в меньшей степени чем непосредственно эвенков.

В этом разделе также приведены интересные данные о перемещениях и перегруппировках/переконфигурациях бродячих тунгусов по Северо-Востоку России в описках новых земель и охотничьих угодий. И.С. Гурвич писал по этому поводу следующее: «Имеющиеся материалы о значительной концентрации тунгусов в бассейнах Ульи, Охоты и Тауя дают возможность полагать, что именно этот район был главным центром, из которого волны восточных тунгусов – эвенов устремлялись на запад [Гурвич, 1966, с. 33]. Стоит отметить, что районы, прилегающие к Охотскому побережью, составляют прародину

эвенского этноса и находятся сравнительно недалеко от исторической родины эвенков, которая, как показывают археологические и историко-этнографические данные, располагалась на территории современной Амурской области и северной части Хабаровского края [Бурыкин, 2000, с. 246].

Небольшая ремарка: эвены – северо-восточная ветвь собственно тунгусов; в историко-этнографической литературе вплоть до 1930-х гг. не было разграничения на эвенков и эвенов, их называли тунгусами. А этноним «ламуты» прилагался к эвенкам весьма sporadически и не ко всем их группам. Ламутами в XIX – начале XX вв. называли преимущественно камчатских, анадырских и колымских эвенов.

К приходу русских эвены («ламутки») занимали горную область Верхоянского хребта, а также район Охотского побережья – приблизительно от р. Ульи на юго-западе до р. Тауй – на северо-востоке. К юго-западу от Ульи соседями эвенов были аяно-майские тунгусы (эвенки), а к северо-востоку – оседлые коряки. Большинство эвенов сосредоточивалось в XVII в. на Охотском побережье, где существовали не только оленные, но и безоленные группы («пешие тунгусы») [Туголуков, 1985].

Б.О. Долгих писал про охотскую группировку, что в южной части «по рекам Ульи, Охота и Кухтуй пешие тунгусы, как правило, входили в одни кровные роды с оленными «тунгусами» (эвенками), образуя в них как бы особые оседлые подразделения. Такими смешанными родами были Бояшинский, Годниканский, Горбиканский, Гулюгирский, Дельянский, Евьянский, Киларский, Кукугирский, Лелтягирский, Ненигирский, Тугочерский, Уяганский, Шолганский, Эдиган, и Эдян [Долгих, 1960, с. 164].

Как пишет В.А. Туголуков «Пешие тунгусы, занимавшие более северную часть (северо-восточную часть) побережья, почти не имели сородичей среди оленных эвенов. Эта группировка пеших тунгусов (тауйская) включала роды Абдарский, Булюкагирский, Инганский, Нахтагирский, Немнегирский, Тауйский, Укчирский и др.

Судя по имеющимся данным, формирование пеших тунгусов было делом сравнительно недавнего прошлого, когда их оленные предки вышли на Охотское побережье. Как пишут исследователи, на Охотском побережье предки эвенов и эвенков появились по источникам советского времени около 500 лет назад. А.П. Окладников датировал время выхода тунгусоязычных охотников и оленеводов к Охотскому морю XV–XVI вв. Русские, пришедшие в первой половине XVII в. наблюдали на побережье картину интенсивных межэтнических связей. Об активных и постоянных контактах жителей этого региона свидетельствуют записи И.И. Редовского, сделанные им в начале XIX в. Он отмечал, что эвены, живущие в районе Охотска, в конце лета, во время массового хода рыбы, регулярно перекочевывают к устью р. Алдома, на территории, заселенные эвенками.

Итак, «традиционным ареалом проживания эвенов в Хабаровском крае является побережье Охотского моря, и территории в районе рек Охота, Ульи, Кухтуй, Ульбея, Кетанда. Далеко за пределами края известно национальное эвен-

ское село Арка. О происхождении эвенов среди исследователей нет единого мнения. Это связано, в первую очередь, с наличием в их среде двух различных по образу жизни и хозяйственной деятельности групп – «оленные» и «пешие» эвены, а также делением их на многочисленные родовые и территориальные подразделения, у каждого из которых была своя этническая история. Наиболее крупными родовыми образованиями эвенов были Годниканский, Горбиканский, Долганский, Киларский, Уяганский и др. рода» [Оленные люди, 2013, с. 2].

В целом, необходимо отметить, что географические названия в ареале к востоку от реки Алдан и на Охотском побережье представляют особый интерес в историко-этнографической и не только литературе, поскольку с этим районом связаны маршруты выдающихся географических открытий русских землепроходцев в 40–50-е годы XVII в.

Подытоживая вышесказанное: безусловно, тема очень сложная, дискуссионная, требует отдельного исследования, коллеги-этнографы со мной согласятся и автор рада, что сделала хотя бы первые шаги в этом направлении.

Литература и источники

Бурыкин А.А. Эвенкийские и эвенские этнонимы Охотского побережья // Традиционная культура востока Азии: вып. 3. – Благовещенск, 2001. – С. 246–253.

Васильев В.Н. Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов / отв. редактор и составитель С.А. Алексеева. – Новосибирск: Наука, 2024. – 688 с.

Василевич Г.М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // Советская этнография. – 1946. – №4. – С. 34–49.

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. – М., 1966. – 269 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М., 1960. – 534 с.

Оленные люди. Каталог эвенской коллекции. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2013. – 161 с.

Предварительный отчет о работах среди алдано-майских и аяно-охотских тунгусов в 1926–1928 годах. В.Н. Васильев / Акад. наук Союза Совет. Социал. Респ. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1930. – 86 с.

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М., 1985.

Алексушин Г.В., д.и.н.

Демилитаризация атомных ледоколов

Аннотация. В статье исследован процесс постепенного снижения степени вооруженности атомных ледоколов СССР и РФ. Изучены как атомные ледоколы, так и их вооружение. Проведена попытка выявить причины отказа от

этого вооружения и сформулирована актуальная потребность в новых видах вооружения.

Ключевые слова: атомный ледокол, демилитаризация, СССР, Россия, вооружение.

**Gleb Aleksushin,
Doctor of Historical Sciences**

Demilitarization of nuclear icebreakers

Abstract. The article examines the process of gradual decrease in the degree of armament of nuclear icebreakers of the USSR and the Russian Federation. Both nuclear icebreakers and their armament have been studied. An attempt has been made to identify the reasons for the abandonment of these weapons and the urgent need for new types of weapons has been formulated.

Keywords: nuclear icebreaker, demilitarization, USSR, Russia, armament.

Все атомные ледоколы построены в СССР и РФ. Первые из них имели довольно серьезное вооружение. Сложно сказать, опасались ли советские власти нападений на подобные суда или считали, что атомные ледоколы должны быть вспомогательными боевыми кораблями флота.

В СССР построили за 32 года (1959–91 гг.) 7 атомных ледоколов 3-х проектов: 1 проекта 92М «Ленин» (3.12.1959) [Атомный ледокол «Ленин»], 4 – проекта 1052.0 – «Арктика» (25.4.1975), «Сибирь» (28.12.1977), «Россия» (21.12.1985), «Советский Союз» (30.12.1989) и 2 – проекта 1058.0 – «Таймыр» (30.6.1989) и «Вайгач» (25.7.1990) [Ушаков].

В РФ за те же 32 года (1991-2023 гг.) построили 5 атомных ледоколов 2-х проектов: 2 – проекта 1052.0 – «Ямал» (27.10.1992) и «50 лет Победы» (23.3.2007) и 3 – проекта 2222.0 ЛК-60Я – «Арктика» (21.10.2020), «Сибирь» (25.1.2022) и «Урал» (22.11.2022).

Сейчас строят еще 4 атомных ледокола 2-х проектов: 3 – проекта 2222.0 ЛК-60Я: уже спущенный на воду «Якутия» (12.2024?) и строящиеся на стапелях «Чукотка» (12.2026?) и «Ленинград» (12.2028?), и 1 – «Россия» (12.2027?) проекта 1051.0 ЛК-120Я. Закладка еще 1-го ледокола проекта 2222.0 ЛК-60Я планируется в ближайшее время: «Сталинград» (10.2025-2030?). Возможно строительство еще 2-х ледоколов проекта 1051.0 ЛК-120Я до 2034 г. [Алексушин, 2023].

Уже первый проект 92М имел существенное вооружение: на ледокол «Ленин» при необходимости могли поставить 9×4 45-мм зенитных артиллерийских автоматов СМ-20-ЗИФ, позже – 9×2 57-мм автоматов СМ-24-ЗИФ в 3-х батареях по всей длине судна. 3 стояли, видимо, на баке (носу). С ними работали системы приборов управления стрельбой (ПУС) малокалиберной зенитной артиллерии «Фут-Б-92» и 3 комплекта радиолокационной станции (РЛС) «Фут-Б» [Алексушин, 2020].

4×2 АУ 76,2 мм АК-726 (1×1 76,2 мм АК-176 на проекте 1052.1) с РЛС МР-105 (на крыше рубки) устанавливали при необходимости, есть фото, которые это доказывают. Зенитно-артиллерийские комплексы (ЗАК) – 4×6 АК-630 (на 1052.0 – на 4-х спонсонах по бортам, на 1052.1 2 спереди перед рубкой, 2 – на боковых спонсонах ближе к корме). Для их обеспечения на баке перед рубкой установлена РЛС управления огнем МР-123 «Вымпел». Зенитно-ракетные комплексы – 2×2 «Оса-М» (боекомплект 40 ракет) с РЛС «Фрегат-МА» (на фото «Советского Союза» сверху на мачте), возможно, устанавливали побортно под палубой. Хотя, скорее всего, имеется путаница с пусковыми установками пассивных помех ЗИФ-121 «Терция», которых на ледоколе ставили 2.

На построенных в Финляндии атомных ледоколах проекта 1058.0 «Таймыр» в силу их строительства за границей, не могло быть вооружения. На современных атомных ледоколах 2222.0 ЛК-60Я, построенных уже всей серией в РФ, также нет подготовленных мест под вооружение. Также нет информации о вооружении на строящемся атомном ледоколе проекта 1051.0 ЛК-120Я «Лидер».

Таким образом, первые атомные ледоколы имели ячейки под вооружение и возможность и средства для его срочной установки. Дальнейшие и современные уже не делают с подобной возможностью. На кораблях планировали ставить артиллерийские орудия и зенитные автоматы. Из ракетного вооружения были только зенитные ракеты, ударные или противолодочные не предполагались. Но ракетные комплексы – под сомнением. Скорее всего, речь идет исключительно об артиллерийском вооружении для атомных ледоколов. Основной причиной демилитаризации атомного ледокольного флота, скорее всего, стало полное отсутствие за десятки лет конкретных ситуаций, в которых возникала бы потребность вооружения атомных ледоколов. Однако, сейчас возникла ситуация с БПЛА, которая даже в отсутствие конкретных военных действий оставляет серьезную угрозу терроризма. Потому сейчас необходимо вернуть на атомные ледоколы побортно 2-4 дистанционно управляемых револьверных пулемета ГШГ калибра 7,62 мм, ЯкБ калибра 12,7 мм, или как минимум, боевых модулей «Управа-Корд» калибра 14,5 мм.

Литература и источники

Алексушин Г.В. Атомные ледоколы. – Самара, 2023.

Алексушин Г.В. Советские атомные ледоколы все были с пушками! Наш бронепоезд (бронеледокол) стоит на запасном пути! // Тайны и мифы истории. Дзен. – 2020. – 23 октября (<https://dzen.ru/a/X5E5YMKynSKU0WPt>).

Атомный ледокол «Ленин». Морской транспорт. – Ленинград, 1960.

Ушаков А. Атомные ледоколы в арктических морях // Энергия: экономика, техника, экология. – 2009. – №5. – С. 18–22.

Андреева Т.Е., к.ф.н.,
Стручков К.Н., к.ф.н.,
Саввинова А.Н., к.г.н.

**О проекте ИПМНС СО РАН,
Университета СБК и ЯГУ им. М.К. Аммосова
«Аборигенное землевладение и самоуправление эвенков
пос. Тяня Олекминского улуса РС(Я)»**

Аннотация. Работа посвящена анализу социально-экономических изменений у эвенков. Полевые исследования проведены в Олекминском улусе путем опроса, интервью и др. Результаты могут быть использованы для рекомендаций по устойчивому развитию эвенков.

Ключевые слова: республика, эвенки, улус, землевладение, самоуправление, кочевая родовая община.

**Tamara Andreeva, PhD,
Kirill Struchkov, PhD,
Antonina Savvinova, PhD**

**On the project of IPMNS SB RAS, SBK University and M.K. Ammosov
YaSU «Aboriginal Land Tenure and Self-Governance of Evenks of Tyanya
settlement of Olekminsky ulus of RS(Ya)»**

Abstract. The work is devoted to the analysis of socio-economic changes among Evenks. Field research was carried out in Olekminsky ulus by means of surveys, interviews and others. The results can be used for recommendations on the sustainable development of Evenks.

Keywords: republic, Evenks, ulus, land ownership, self-government, nomadic clan community.

Введение. Проблемы Севера и его народов все больше привлекают внимание как российских, так и зарубежных исследователей, появляется новый взгляд на место и роль Арктики и Севера в мировых процессах. Было установлено тесное научное сотрудничество с Университетом Северной Британской Колумбии (г. Принц Джордж, Канада). С 1997 г. совместно с этим университетом и ЯГУ им. М.К. Аммосова проводилась реализация совместного российско-канадского проекта «Развитие аборигенного землевладения и самоуправления в РС(Я) (на материалах пос. Тяня Олекминского улуса)». В рамках указанного совместного российско-канадского проекта были определены 4 кейса для изучения самоуправления и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера – юкагиров в селе Нелемное (1997), эвенов в селе Березовка (1998), эвенков в селе Хатыстыр (1998), эвенков в селе Тяня (1999).

В данной работе мы представим результаты проведенных исследований в с. Тяня Олекминского улуса в 1999 г., где компактно проживают эвенки. Основным их производством являются охота и оленеводство. В Российской Федерации общая численность эвенков составляет 39,2 тыс. чел. (перепись 2020 г.). Территориями преимущественного проживания являются: Республика Саха (Якутия) (24,4 тыс. чел.), Красноярский край (3,6), Хабаровский край (3,7), Республика Бурятия (3,0), Амурская обл. (1,4), Забайкальский край (0,9) и Иркутская обл. (1,1). Численность эвенков Якутии по переписям населения: в 1926–1927 гг. – 13145 (10892) чел.; 1939 – 10342 чел.; 1970 – 9097 чел.; 2010 – 21008 чел.; 2020 – 24339 чел. Из них в Олекминском улусе по данным переписи 2002 г. проживало 1064 чел., в 2010 г. – 1234 чел., в 2020 г. – 1302 [Филиппова, 2023, с. 244–255]. В с. Тяня Олекминского улуса, по данным Госкомстата Олекминского улуса, в 1996 г. население села составляло 538 чел., в 1999 г. 485 [Данные Госкомстата Олекминского улуса, 1998 г.], уровень владения родным языком в с. Тяня более высок, чем в других эвенкийских поселках улуса. Титульный язык здесь сохранили лишь 44,7% опрошенных [Стручков, 2009, с. 85].

Для изучения современной динамики традиционного природопользования, была использована следующая методика исследования.

Информация о природопользовании эвенков была получена в ходе:

1. Интервью;
2. Опроса респондентов (анкетирования);
3. Изучения архивных материалов;
4. Сбора статистической информации;
5. Картографирования территорий традиционного природопользования.

Методика опроса была разработана канадскими исследователями, дополнена российскими учеными, вопросы анкеты были сформулированы коллективно. Для обеспечения репрезентативности было решено опросить в п. Тяня не менее 20% взрослого населения (как минимум 50 чел.). Из «Похозяйственной книги» была выбрана представительная группа взрослых жителей, она была зарегистрирована, согласно этносу и происхождению. При этом, использовался разработанный вопросник, состоящий приблизительно из 75 вопросов, разделенных на 6 групп (общие данные, хозяйство и традиции, жизнь в селе, местное управление, община, земля, специальные права малочисленных народов Севера и ассоциация малочисленных народов Севера), в которых проблемам традиционного природопользования отведено 16% вопросов.

Опрос проводился, в частности для того, чтобы выяснить мнение местного населения о территориальной приуроченности их традиционной хозяйственной деятельности, отмечая, при этом, соответствующими метками на карте районы различных видов этой традиционной деятельности (места охоты, рыбалки, оленьи пастбища, места сбора ягод, дикоросов). Это послужило впоследствии материалом для составления более полной карты традиционного землепользования по каждой общине.

В ходе интервью и анкетирования местное население было вовлечено в создание карт, затем вся собранная картографическая информация была введена в базу данных ГИС для пространственного анализа. Данные с этих карт были использованы для создания информационных слоев ГИС, которые включают традиционное землепользование, межрегиональную и местную коммуникационную инфраструктуру и другое. Учитывая пространственный характер традиционных культурных и экологических знаний, технология ГИС может помочь включить традиционные знания коренных народов в процесс принятия решений [А.Н. Саввинова, 2018, с. 37–43].

Экспедиционные исследования в Тяне были проведены Г. Фонда, Г. Ползер, Д. Мартин (Канада), О.А. Лазебник, А.Н. Аввакумовой (ЯГУ), Т.Е. Андреевой (ИПМНС СО РАН) в 1999 г.

Основной проблемой, как и для целого ряда других районов республики, для жителей с. Тяня является недостаточное транспортное обеспечение. Они испытывают большие неудобства от своей удаленности от основных административных центров, и прежде всего Якутска, так как постоянно сокращающиеся государственные субсидии чрезвычайно удорожали аэровоздушные сообщения, являющиеся в этих краях основными [Североведение в РС(Я), с. 29].

Традиционное землепользование и администрирование. Экономика эвенков Тяни основывается на охоте и в меньшей степени на оленеводстве. Во время полевых работ было выполнено анкетирование населения. Анализ полученных данных позволил выявить изменения в традиционном природопользовании эвенков. Большинство жителей Тяня выходцы из эвенкийских родов (кланов) западной Якутии, населяющих бассейны рек Токко, Торго и Чоруода.

Таблица 1

Население поселка Тяня (1998)*

	Мужчин	Женщин	Всего
Эвенки	137	114	251
Саха	27	39	66
Русские/другие	4	3	7
Всего	168	156	324

Эти данные из Тяня похозяйственной книги существенно отличаются от данных по населению 1998 г., предоставленных Госкомстатом Олекминского улуса, в которых указывается на население в 480 чел., где 360 эвенков (из которых 187 мужчин и 173 женщины). Население поселка существенно уменьшилось начиная с 1996 г., когда оно составляло 538 чел.

Для изучения динамики природопользования эвенков Олекминского улуса нами были исследованы основные исторические периоды изменения территорий их традиционного природопользования, описаны основные виды и назва-

*Источник: Похозяйственная книга пос. Тяня Олекминского улуса, 1998 г.

ния хозяйствующих субъектов, традиционные занятия населения. Токкинские эвенки были преимущественно охотниками, оленеводческое хозяйство для них являлось вторичным занятием. Кочевой образ жизни, связанный с охотой и подсобным оленеводством, естественно требовал от эвенков создания небольших коллективов. Эти охотничьи коллективы у эвенков строились на клановой, семейной основе, были патриархальными и часто состояли из одной или нескольких семей. Из-за малых размеров этих эвенкийских коллективов в них не было формальных авторитетных управленческих структур. Решения принимались внутри кланов путем традиционных соглашений и взаимного понимания.

Эти коллективные группы имели исторически устоявшиеся соответствующие права на определенные пастбища и охотничьи территории. Поэтому каждый клан имел свою собственную, закрепленную традицией, территорию. «Каждый кочевал по своей территории, территории клана» [ПМА №1]. Однако их границы выглядели «прозрачными» и, если требовалось, одна группа могла обратиться за разрешением на хозяйственное использование выпасных и пастбищных угодий других групп, на что обычно получала согласие. Олени были собственностью отдельных эвенков или семьи.

Советское землевладение и административная система

Наступление советской власти на токкинских эвенков началось в конце 1920-х гг.: началось утверждение первых клановых Советов, а затем и национальных Советов. В хозяйственном отношении эвенкийские семьи были организованы в два «товарищества»: «Эвенки» и «Новая жизнь». В последующем, они были реорганизованы в колхоз с центром в поселке Тяня. Другой колхоз «Первый шаг» находился на «ПОС» в 30 километрах вверх по реке Токко в месте ее слияния с рекой Торго [Фондал Г. и др. (рукопись), 2000. 123 с.].

Как и везде, в результате политики «укрупнения» колхозы «Первый шаг» и «Новая жизнь» были объединены в один колхоз «Имени Маленкова» в 1950-м г. с центром в с. Тяня. «ПОС» становится «внешней» базой нескольких семей и сенокосной площадью для нового колхоза. В этом месте была установлена ПОС (Промыслово-Охотничья Станция). В 1940 г. 46 хозяйств были зарегистрированы в поселке Тяня, 30 в ПОС. Однако только 18 и 3 соответственно проживали здесь в течение круглого года; остальные продолжали кочевать.

В отчете 1960 г. написано: «До утверждения межфермерского землеустройства не существовало жестких границ». Официальные лица, инициирующие такое объединение, понимали, что новые формы хозяйствования в пределах новых территориальных границ, могут снизить ответственность оленеводов за сохранность пастбищ и их эффективную эксплуатацию, что в свою очередь, может привести к их деградации. Тем не менее, процесс советизации здесь был по сравнению с другими регионами страны относительно не долг.

В середине 1980-х гг. использование охотничьих угодий токкинскими эвенками несколько изменилось в связи с тем, что их соседи на востоке, киндигирские эвенки, потеряли большой участок их охотничьих земель в целях формирования Олекминского заповедника в 1984 г. Развитие угольных разработок,

которые развернулись на реке Торго, имело определенный успех у эвенков, так как льготы и прочие выгоды, оказались более значимыми для местных жителей, чем неизбежные потери в их традиционном хозяйствовании. К концу 1980-х гг. произошло отделение поселка Тяня от Токкинского совхоза. В этом была и положительная сторона – возврат центральной администрации обратно в п. Тяня. [Фондал Г. и др. (рукопись), 2000. 123 с.].

В 1989 г. произошла очередная реорганизация: был сформирован совхоз «Тяня». Однако эта организационное мероприятие оказалось краткосрочным, и вскоре было расформировано под влиянием новых реформ рыночной ориентации.

Процессы освоения и распределения земельных территорий между общинами поселка Тяня имели как схожие, так и особые черты по сравнению с другими изучаемыми поселками. В целом здесь отмечены две проблемы, одна из проблем связана с земельным распределением. В свое время один из жителей поселка Тяня первым предпринял попытку организовать общину. Ему был отведен большой участок земли, который, как позднее поняли другие жители, значительно сокращал возможный выбор соответствующих земельных участков для них самих в случае, если бы и они решили организовать другие новые общины.

Подобная ситуация, отличаясь в деталях от аналогичных ситуаций в других поселках, которые мы обсуждали ранее, сама по себе способствовала возникновению идентичных дискуссий вокруг очень важного, базисного вопроса формирования общин аборигенов. Это дилемма следующего характера: должна ли община создаваться на базе всего поселка, как единого целого, или в поселке могут существовать больше одной общины, функционирующие, как независимые хозяйственные структуры, базирующиеся на родовой семейной основе ее членов. Как видим, особенно болезненно данный вопрос встал перед эвенками Олекминского улуса в результате проведения новых административно-территориальных границ.

Другой круг вопросов связан с защищенностью территорий. В то время на отдельных территориях деятельность браконьеров и сторонних охотников привели в ряде случаев к оскудению природы, что инициировало среди местных жителей движение в защиту экологической среды на их землях. В качестве природоохранных мер в поселке Тяня, предлагалось создание природного заказника (резервата), под наблюдением заинтересованных международных экологических организаций.

Таблица 2

Какие самая основная проблема вашей общины?

Проблема	Число	Процент, %
Социальные условия	30	47.6
Безработица	8	12.7
Выплата зарплат	0	0.0

Поставка товаров и продуктов питания	7	11.1
Алкоголизм	0	0.0
Прочее/не знают	18	28.6
Итого	63	100.0

Как видно из таблицы самый большой процент проблем составляет категория: «социальные условия», включающие в себя как физическое состояние поселка, так и вопросы социального положения семьи. Сравнивая с типичным северным поселком в республике, становится очевидно, что социальные условия здесь хуже. На второе место выступает проблема, связанная с безработицей. Проблема выплат зарплат связана с безработицей. Наши интервью также показали, что 11% респондентов обозначили эту проблему, с которой столкнулась община.

Другая важная составная часть жизнедеятельности эвенков – это защита традиционного уклада жизни коренного населения. Жителей спрашивали насколько это важно для них – поддержание традиционной деятельности. Результаты 1999 г.: 94.2% «очень важно» сохранить свой традиционный образ жизни.

Таким образом, по нашему мнению, знание динамики землепользования низового административного деления имеет особое значение для организации территориальной информации, без восстановления истории системы административно-территориального деления невозможно проведение пространственного анализа информации по территории за достаточно длительный период. Результатом работы является составление реальной картины традиционного расселения, коммуникаций и локальной мобильности эвенков Олекминского улуса РС(Я), которая может быть использована для формирования рекомендаций по дальнейшему устойчивому развитию мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера в Якутии.

Литература и источники

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Олекминский р-н респ., с. Тяня, август 1999.

Похозяйственная книга пос. Тяня Олекминского улуса, 1998 г. (из материалов экспедиции совместного российско-канадского проекта «Развитие аборигенного землевладения и самоуправления в РС(Я)»).

Саввинова А.Н., Филиппова В.В., Федорова А.С., Гейл Фонда. Картографирование экологических проблем на территориях традиционного землепользования коренных малочисленных народов севера в Южной Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия «Науки о Земле». – 2018. – №4 (12). – С. 37–43.

Североведение в Республике Саха (Якутия): [Пробл. развития малочисленных народов Севера Респ. Саха (Якутия)] / Департамент по высш. шк. и науке при Правительстве Респ. Саха (Якутия); Сост. П.З. Тобуков; отв. ред. В.Х. Иванов. – Якутск: Полиграфист, 2000. – 127 с.

Статистические сборники и материалы полевых исследований Данные Госкомстата Олекминского улуса, 1998 г.

Стручков К.Н. Функционирование эвенкийского языка в сфере образования. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 85.

Филиппова В.В. Эвенки Якутии в XX–XXI веках: пространственно-временная дифференциация численности и расселения // ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: Материалы Междунар. конф. – М: Географический факультет МГУ, 2023. – Т.29. – Ч.2. – С. 244–255. DOI: 10.35595/2414-9179-2023-2-29-244-255.

Фондал Г., Лазебник О.А., Ползер Г, Роббек В.А. Аборигенное землевладение и самоуправление. Изд-во Университета Северной Британской Колумбии (рукопись), 2000. – 123 с.

Астахова И.С.

Арктические поселки Якутии: формирование досуговых практик в 1960–1980-е гг.

Аннотация. Рассмотрен процесс формирования досуговых практик в арктических городских поселениях Якутии в советский период. Досуговым практикам придавалось огромное значение для привлечения населения на Крайний Север и повышения производительности труда.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, городские поселения, повседневность, праздничная культура, досуг.

Irina Astakhova

Arctic settlements of Yakutia: the formation of leisure practices in the 1960s and 1980s.

Abstract. The process of formation of leisure practices in the Arctic urban settlements of Yakutia during the Soviet period is considered. Leisure practices were given great importance for attracting the population to the Far North and increasing labor productivity.

Keywords: Arctic, Yakutia, urban settlements, everyday life, festive culture, leisure.

В 1960–1980-е гг. происходило активное освоение арктических районов Якутии. Развитие добывающей промышленности предполагало привлечение

значительных трудовых ресурсов в регион. Ставка на закрепление населения на данной территории способствовало развитию сети городских поселений с развитой социальной инфраструктурой. В поселках старались организовать все условия для переселения всей семьей, создания новых семей и рождения детей. Строились медицинские учреждения, школы и детские сады, библиотеки, клубы, учреждения общественного питания. В некоторых поселках, в силу их удаленности сложилось особое жизненное пространство, со своими правилами поведения.

В изучаемый период повседневная жизнь рабочих поселков была не только полна бытовых трудностей, но и насыщена общественной и творческой деятельностью. Формировались региональные особенности проведения праздников, где особую роль играли традиции коренных народов. Праздник рассматривается как неотъемлемая составляющая повседневности, так как подготовка занимала значительное время, задействовались немалые человеческие ресурсы. Положительное эмоциональное восприятие праздника, складывалось на контрасте с тяжелыми условиями труда и быта на Крайнем Севере, оторванностью от «большой земли». Учитывая, что поселения создавались для функционирования конкретного промышленного или транспортного предприятия, поощрялось общественное времяпровождение, так как это сплачивало коллектив. Отсутствие досуга, особенно в рабочей среде, воспринималось как одна из причин проявления социальных болезней общества, в первую очередь алкоголизма. Государство прикладывало все усилия для борьбы с «антисоциальными» видами досуга. Особое распространение среди которых получило картежничество.

Необходимо отметить, что жизнедеятельность жителей поселков была тесно связана с природой. Любимым хобби для мужчин являлись охота и рыбалка, для женщин сбор дикоросов. Дары природы вносили разнообразие в питание, компенсировали недостаток белка и витаминов в рационе. Местными властями и руководством предприятий поощрялось огородничество, что помогало обеспечить население сезонными овощами. При выращивании зелени и овощных культур на Севере население проявляло неподдельный азарт и смекалку, получая урожай, казалось бы, с совершенно непригодных почв и в непредсказуемых климатических условиях. Поощрялось также разведение комнатных культур. В домах и на предприятиях создавались зеленые зоны, что способствовало снижению эмоциональной перегрузки и стрессов, вызванных тяжелыми условиями труда, отсутствием естественного света.

Присутствию разнообразных досуговых практик в жизни арктических поселений придавалось огромное значение, прежде всего для привлечения населения в районы Крайнего Севера и повышения производительности труда. Придавалось огромное значение развитию праздничной культуры в арктических поселениях, как способу формирования положительного эмоционального фона и корпоративного духа. Праздничная культура всегда тесно связывалась с производством.

Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. – М.: Наука, 1977. – 359 с.

Ломакин А.В. «Конструируя праздник»: ленинградские власти и организация праздничных мероприятий (1956–1957 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2023. – №2 (47). – С. 100–105. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.2(47).100-105.

Муниципальный архив Верхоянского района. Ф. «Эге-Хайский поселковый Совет (администрация)», Ф. «Батагайский поселковый Совет (администрация)», Ф. «Лазовский поселковый Совет (администрация)».

Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 50. Оп. 64. Д. 271. Л. 6.

НА РС(Я). Ф. 1557. Оп. 1. Д. 204. Л. 24.

Полевой материал автора. пп. Эсе-Хая и Батагай, апрель 2022 г.

Рольф М. Советские массовые праздники. – М.: РОССПЭН, 2009. – 439 с.

Базегский Д.В., к.и.н.,
Васильева А.В., к.э.н.

**Перспективы использования опыта реализации экологических
проектов программы приграничного сотрудничества «Карелия»
в регионах Российской Арктики**

Аннотация. В работе исследован опыт реализации экологических проектов Программ приграничного сотрудничества Россия-ЕС в период 2014–2020 гг. на примере программы «Карелия». Проанализированы результаты проектной деятельности на территории России, выявлены наиболее успешные примеры применения «зеленых» решений и технологий в целях решения локальных экологических проблем. Сформулирована идея о дальнейшем использовании опыта, полученного в рамках приграничного сотрудничества для других регионов России, в первую очередь относящихся к Арктической Зоне Российской Федерации. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Тема № 124053000099-7 «Вопросы обеспечения экологической безопасности в Арктике»).

Ключевые слова: Северо-Запад России, Республика Карелия, программы приграничного сотрудничества Россия-ЕС, экологические проекты, Арктическая зона Российской Федерации.

Prospects of using the experience of implementing environmental projects of the Karelia cross-border cooperation program in the Russian Arctic regions

Abstract. The article is devoted to studying the experience of implementing environmental projects of Russia-EU Cross-border Cooperation Programs for the period 2014–2020. Using the example of the Karelia CBC Program, the results of project activities on the Russian area were analyzed, the most successful examples of the use of “green” solutions and technologies to solve local environmental problems were identified. The issue of further use of the experience acquired within the framework of cross-border cooperation in other regions of Russia, primarily those related to the Arctic zone of the Russian Federation, was raised. The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (theme No. 124053000099-7 Ensuring environmental safety in the Arctic).

Keywords: North-West of Russia, Republic of Karelia, Russia-EU CBC Programs, environmental projects, Arctic zone of the Russian Federation.

Программы приграничного сотрудничества Россия-ЕС выступали в качестве одной из наиболее эффективных форм взаимодействия между регионами Северо-Запада России и странами Европейского Союза в области охраны окружающей среды, развития особо охраняемых территорий, циркулярной экономики, экологического туризма и сохранения биоразнообразия. Реализация программ была приостановлена Брюсселем на неопределенное время в марте 2022 года, когда после начала СВО на Украине все контакты с Россией, в том числе, и приграничное сотрудничество были заморожены¹. При этом полученные результаты и опыт реализации совместных проектов требуют осмысления с точки зрения возможности дальнейшего его использования и тиражирования.

В работе анализируются результаты экологических проектов ППС «Карелия» на российской территории (Республика Карелия). Выявлены наиболее успешные примеры применения «зеленых» решений и технологий для решения локальных экологических проблем. Часть проектов была реализована в районах края, относящихся к Арктической зоне России, что позволяет говорить об успешной апробации наработок в арктических условиях. Для достижения поставленной цели в работе сформирован подход, включающий в себя гармонизированный набор научных методов: сравнительный и контент анализ, статистический анализ и картографический метод, социологический опрос и интервьюирование. Информационной базой исследования стали данные Рос-

¹Commission suspends cross-border cooperation and transnational cooperation with Russia and Belarus. 4 March 2022. Press-release. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_1526

стата, ведомственные данные Минприроды и Росприроднадзора, результаты опросов и интервью. При этом анализ статистических данных подтвердил существующие негативные тренды для арктических территорий по таким показателям как динамика выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников и автомобильного транспорта, динамика показателей по сбросу сточных вод, а также показатель по количеству несанкционированных свалок отходов. Анализ отчетов, представленных в открытых источниках информации и результаты опроса российских организаций, участвовавших в реализации экологических проектов программы «Карелия» позволили сформулировать некоторые значимые для настоящего исследования выводы:

1. Участие в ППС «Карелия» для российских организаций стало хорошей «школой» проектного управления, знакомства с экологической повесткой северных соседей и успешной попыткой применения передового опыта для решения местных экологических проблем.

2. Наиболее активно новые технологии и инженерно-технические решения применялись в области ресурсосбережения, энергоэффективности, водоснабжения и водоотведения, улучшения системы утилизации твердых бытовых отходов, развития экологического просвещения.

3. Полученные в ходе реализации проектов «зеленые» технологические наработки были успешно внедрены и, что немаловажно, апробированы в условиях карельской Арктики, а значит, могут быть тиражированы и на других территориях Арктической зоны России.

Использование «зеленых» наработок корреспондируется с задачами по освоению и развитию территорий Арктики в рамках стратегических документов Российской Федерации и может ускорить выполнение поставленных задач по переходу на новые виды топлива, внедрению энергоэффективных технологий и поможет сохранить уязвимую северную природу.

**Балабейкина О.А., к.г.н.,
Ивашко Д.О.**

Поселки городского типа в демозэкономической системе Чукотского автономного округа

Аннотация. В данной статье представлено описание пгт Чукотского автономного округа, изложены причины, факторы и история их формирования. Также выявлено место каждого пгт в демозэкономической системе региона.

Ключевые слова: Чукотский автономный округ, поселки городского типа, освоение Арктики, система расселения, пгт Беринговский.

**Urban-type settlements in the demo-economic system of the
Chukotka Autonomous Okrug**

Abstract. This article presents a description of the urban-type settlements of the Chukotka Autonomous Okrug, outlines the reasons, factors and history of their formation. The place of each urban-type settlement in the demo-economic system of the region is also determined.

Keywords: Chukotka Autonomous Okrug, urban-type settlements, Arctic development, settlement system, urban-type settlement Beringovsky.

Демозэкономическая система регионов Арктики и Севера в силу природных, климатических, транспортных и иных социальных условий характеризуется высокой степенью нестабильности. Этот факт неоднократно отмечался специалистами, акцентировавшими внимание в исследованиях на пространственно-временных факторах формирования населенных пунктов в отдельных регионах [Кумо, Литвиненко, 2016; Губина, Проворова, 2018] или на процессе и причинах ликвидации поселений, расположенных в их пределах [Балабейкина, 2024; Балабейкина, Геталова, 2024]. Кроме того, система расселения Арктики и Севера характеризуется рядом отличительных особенностей. Среди таковых чаще всего называют очаговый характер концентрации населения и хозяйства, наличие временных поселений для вахтовых или сезонных работ, высокая доля хозяйственно незадействованных площадей, крайняя неравномерность и диспропорция распределения населения с высокой степенью сосредоточенности в крупных городах.

Что касается последнего, то действительно, по данным, актуальным на 2023 г., в административных центрах Мурманской обл., Республики Якутия, Чукотского а. о. доля населения составляет 40%, 36,2%, 27,1% от общей численности в регионе соответственно. Однако хозяйственная, социальная и демографическая значимость сохраняется и за другими видами поселений. В их перечне особого внимания заслуживают поселки городского типа (пгт), учрежденные в 1924 г. и сохраняющиеся в российской системе расселения по сей день. Детально в представленной работе они будут рассмотрены на примере Чукотского а. о.

В пределах названного субъекта РФ насчитывается 5 действующих пгт (в скобках указаны год основания и численность населения (кол-во чел.) на 01 января 2023 г.): Беринговский (1946; 1162), Мыс Шмидта (1962; 34), Провидения (1946; 2212), Угольные Копи (1968; 3654), Эгвекинот (1954; 3348).

В совокупности людность пгт Чукотского а. о. на начало 2023 г. составляет 10410 чел. (21,7%). Самым небольшим на текущий момент является пгт Мыс Шмидта, а самым крупным – Угольные Копи. Разница в численности населения между ними примерно в 100 раз.

Основным фактором и предпосылкой для основания населенных пунктов рассматриваемого типа на территории Чукотского а. о. послужило активное промышленное освоение региона в первые советские десятилетия. Когда в 1930-е гг. там были открыты месторождения руд редких и ценных цветных металлов, на их разработку привлекались, в основном, заключенные, отбывавшие уголовное наказание в системе исправительных учреждений ГУЛАГа.

В конце 1950-х гг. стала развиваться добыча золота, в 1960-е гг. хозяйственно организованная как сеть приисков. Освоение минерально-сырьевой базы требовало возведения ГОКов, электростанций, строительства транспортных магистралей, логистической инфраструктуры. Все это вызывало необходимость привлечения трудовых ресурсов, и соответственно, миграционный приток населения. В качестве пунктов, где сосредоточивалось хозяйственное освоение территории, создавались пгт, в основном, монопрофильные.

Необходимо отметить, что большая часть пгт (13 из 18), основанных в период активного развития региона 1950–1970-х годов, были ликвидированы после распада СССР. Причиной этому послужила утрата их хозяйственного значения и экономической рентабельности при переходе от плановой к рыночной экономической системе.

Пгт Беринговский (первоначальное название Угольный) был основан в 1946 г. на базе рудника «Бухтуголь», переименованного в 1966 г. в шахту «Беринговская». Эта шахта послужила градообразующей базой и для расположенного в 7 км от пгт Беринговский пгт Нагорный [Чучкалов, Алексеев, 2019, с. 27]. В 2000 г. последовало их объединение. В 1990-е – начале 2000-х гг. проходило резкое сокращение численности населения пгт Беринговский по причине сокращения добычи угля. Населенный пункт был на грани ликвидации, однако австралийская компания Tigers Realm Coal приняла решение инвестировать проект развития угледобычи на Чукотке для экспорта сырья в страны Азии. Усилиями компании ООО «Берингпромуголь», за 2023 г., извлечено 1,600 млн тонн сырья. Если российско-австралийское сотрудничество продолжится, то у пгт Беринговский сохранится потенциал для дальнейшего существования.

Пгт Провидения находится на побережье одноименной бухты Берингова моря. Этот фактор – расположение на Северном морском пути, и послужил ключевым для развития населенного пункта. Портовое хозяйство стало основой для него еще с 1934 г., за 12 лет до официального основания самого пгт.

Пгт Эгвекинот также выступает примером поселения, где портовое хозяйство выступает основой развития. Порт имеет федеральный статус и обеспечен правом захода иностранных судов, экипажи которых состоят из граждан РФ. Основу грузооборота составляет уголь.

Мыс Шмидта – самый маленький пгт Чукотского а. о., который по причине бесперспективности был на грани ликвидации и переселения населения в более благоприятные места жительства. Но возможные перспективы его сохранения в качестве населенного пункта связываются с восстановлением военной инфраструктуры.

Угольные Копи – наиболее крупный по численности населения пгт Чукотского а. о. Помимо добычи бурого угля, его основное хозяйственное значение – транспортное. Причем, за счет главного окружного аэропорта «Угольный». Единственный постоянный дорожный участок в Чукотском а. о. связывает именно Угольные Копи с Анадырем, но и он прерывается Анадырским лиманом, оборудованном ледово-паромной переправой.

На данный момент во всех пгт Чукотского а. о. в совокупности сосредоточено более 20% населения административно-территориального субъекта РФ. Более половины из них выступают в качестве важнейших транспортных узлов, а некоторые торгово-портовых. Сохраняет значение градообразующего фактора и добыча полезных ископаемых. Намечены также перспективы, связанные с восстановлением военной инфраструктуры. Все эти факторы в совокупности позволяют сохраняться пгт Чукотского а. о. в своем статусе.

Литература и источники

Балабейкина О.А. Эволюция факторов ликвидации поселений Мурманской области за период 1939–2023 гг. // Проблемы Арктики и Антарктики, 2024. – С. 117–131.

Балабейкина О.А., Геталова А.С. Упраздненные поселения в системе расселения и туристско-рекреационном хозяйстве Архангельской области // Псковский регионологический журнал, 2024. – С. 107–120.

Губина О.В., Проворова А.А. Современные подходы к хозяйственному освоению арктических территорий РФ в аспекте перспективного пространственного развития // Фундаментальные исследования, 2018. – С. 46–51.

Кумо К., Литвиненко Т.В. Население Чукотки в пространстве и времени // Российские регионы: взгляд в будущее, 2016. – С. 50–66.

Чучкалов А.С., Алексеев А.И. «Новые» сельские населенные пункты – бывшие поселки городского типа // Известия Российской академии наук. Серия географическая, 2019. – С. 18–34.

Боякова С.И., д.и.н.

Научные исследования Якутской Арктики: история, достижения, перспективы

Аннотация. Рассмотрены историография и основные этапы научного изучения якутского сегмента российской Арктики. Отмечена ведущая роль в этом процессе Академии наук. Выявлены и обобщены направления исследования Заполярья, особенно в досоветский период и в первой половине XX века. Обозначены перспективы дальнейшего комплексного изучения арктической зоны Якутии.

Ключевые слова: наука, Якутская Арктика, периодизация, результаты, перспективы.

Scientific research of the Yakut Arctic: history, achievements, prospects

Abstract. The historiography and the main stages of scientific study of the Yakut segment of the Russian Arctic are considered. The leading role of the Academy of Sciences in this process was noted. The directions of research of the Arctic are identified and generalized, especially in the pre-Soviet period and in the first half of the XX century. The prospects for further comprehensive study of the Arctic zone of Yakutia are outlined.

Keywords: science, the Yakut Arctic, periodization, results, prospects.

С созданием в 1724 г. отечественного научного центра началось планомерное исследование арктических территорий. С первых дней работы Академии наук, первых ее научных экспедиций началось плодотворное исследование и якутского сегмента Российской Арктики.

В настоящее время имеется уже солидная историографическая база изучения истории интеллектуального освоения Полярной Якутии. Прежде всего, это фундаментальные труды Д.А. Шириной, исследовавшей деятельность Академии наук по научному изучению Северо-востока Азии и Северо-запада Америки на протяжении XVIII – начала XX столетий. Научному исследованию Арктики посвящена ее монография, вышедшая в 2001 году [Ширина, 2001]. В ней впервые определены этапы в изучении арктических территорий, выделены в деятельности Академии наук направления изучения ареала, проанализированы историко-этнографические свидетельства о традиционных культурах арктических народов Азии и Америки. Особое внимание исследовательница уделила формированию научных представлений о единстве этносов Арктики, об этнических областях, о полярной и приполярной культуре, впервые выделенной Владимиром Германовичем Богоразом в 20-е годы прошлого столетия. Также впервые Ширина обратила внимание на развитие международного научного сотрудничества в Арктике, этой теме посвящена ее еще одна монография и ряд крупных статей [Ширина, 2005; 2013; Ширина, Максимова, 2015 и др.].

Исследования Д.А. Шириной были продолжены ее учениками: А.Н. Шишигина защитила диссертацию, затем издала монографию, в которой осветила научное изучение Якутии в XVIII в. по материалам второй Камчатской экспедиции [Шишигина, 2005]. Плодотворно трудится и другой ее ученик – А.А. Сулейманов, который сосредоточил свои усилия на изучении вклада Академии наук в развитие арктических территорий Якутии в советский период, а также исследовал международное научное сотрудничество в Арктике в конце XX столетия [Сулейманов, 2012; 2020; 2021 и др.].

В контексте моего доклада также следует отметить историографические работы д.и.н., проф. В.Н. Иванова [Иванов, 1978; 1989], посвященные отече-

ственным исследователям истории и культуры народов Северо-востока Азии, монографию Т.Н. Оглезневой [Оглезнева, 1994], отражающей историю изысканий РГО в Якутии в дореволюционный период. В трудах петербургской исследовательницы О.А. Красниковой, изучающей деятельность Полярной комиссии АН (1914–1936), рассмотрены некоторые аспекты работы этой комиссии по изучению территории Якутии [Красникова, 2006; 2013 и др.]. История северных отрядов Комплексной академической экспедиции по развитию производительных сил ЯАССР 1925–1930 гг. представлена в обобщающих монографиях Ю.Н. Ермолаевой [Ермолаева, 2001] и Е.П. Виттенбург [Виттенбург, 2008].

Резюмируя вышесказанное можно обобщить, что история научного изучения, интеллектуального освоения Якутской Арктики, особенно в дореволюционный период, изучена достаточно неплохо.

Д.А. Ширина выделила три этапа в арктических исследованиях досоветского периода [Ширина, 2001, с. 165–168]:

1 этап. XVIII век. Практически с момента основания Российской академии наук началось экспедиционное изучение арктических территорий. Отмечу, что в это время территория Якутского уезда, затем Якутской области охватывала огромный ареал и включала всю Северо-восточную Азию до Тихого океана. Тогда же определилась география наблюдений – Северный Ледовитый океан и его побережье, северная часть Тихого океана, северо-западное побережье Северной Америки. Одним из основных направлений столетия стало определение взаимоположения Азии и Америки. Значительные усилия были направлены на поиски Северо-восточного прохода из Ледовитого в Тихий океаны. Напомню, что именно по материалам Якутского архива, где им впервые были найдены «отписки» С. Дежнева, Г.Ф. Миллер сделал вывод о наличии пролива между Азией и Америкой и возможности плавания вдоль арктического побережья.

Заметное место в исследованиях XVIII в. заняли материалы о народах арктических территорий. Отличительной чертой деятельности Академии наук с момента ее образования была целенаправленная деятельность в этом направлении, а именно разработка программ историко-этнографических исследований. Бесспорна заслуга в этом первого руководителя Академического отряда Второй Камчатской экспедиции – Г.Ф. Миллера.

2 этап изучения Арктики охватывает 1-ю пол. XIX века. Продолжались исследования побережья, началось изучение островов Северного Ледовитого океана экспедициями М.М. Геденштрома, Ф.П. Врангеля–П.Ф. Анжу. С развитием деятельности Российско-американской компании в Северной Америке были организованы ряд научных экспедиций, проведены сравнительные изыскания, позволившие сделать заключение о некогда существовавшем единстве Азии и Америки, сходстве их арктических этносов.

3 этап научного исследования Арктики (2-я пол. XIX – начало XX в.) отмечен всесторонним изучением Северного Ледовитого океана, интенсивным исследованием географии и геологии Восточной Арктики, особенно ее островной части, завершением картографирования арктического побережья Якутии.

Внимание исследователей было уделено теме формирования климата на планете, атмосферным явлениям, природным ресурсам региона. Заметным итогом историко-этнографических исследований 2-я пол. XIX – начала XX в. явилось положение о существовании особой этнографической области, которая была названа «полярной», поскольку объединяет ее Северный полярный круг. Эта область имеет замкнутый характер, сформировалась путем взаимодействия культур различных этносов в единых условиях приспособления к окружающей среде.

Следует отметить, что научные исследования арктической зоны Якутии не прерывались в последующем и в годы революционных и постреволюционных потрясений. Так, гидрографическое изучение устьев рек бассейна Северного Ледовитого океана, экономики близлежащих территорий проводило правительство А.В. Колчака, затем они были продолжены в 1920–1921 гг. Сибирским ревкомом. В этих экспедициях в качестве научных сотрудников работали и первые представители якутской национальной интеллигенции.

Новый этап научных исследований Якутской Арктики, бесспорно, связан с деятельностью Комиссии по развитию производительных сил Якутской АССР АН СССР (1925–1930 гг.). Одним из специализированных отрядов Якутской экспедиции был гидрологический, который включал в себя речной и морской отряды, гидрометеорологические станции и водомерные посты. В основном гидрологические исследования были связаны с решением проблемы развития транспорта в Якутии.

Согласно пятилетнему плану работ Якутской экспедиции, к изучению северных рек – бассейнов рек Яны и Индигирки – предполагалось приступить на третий год ее деятельности. В 1927 г. для работы на реке Яне был организован Янский гидрологический отряд во главе с П.К. Хмызниковым. В том же 1927 г. был создан морской отряд. Его организация была обусловлена необходимостью изучения возможности каботажного плавания вдоль северного морского побережья Якутии. Задача данного подотряда заключалась в производстве гидрологических разрезов, метеорологических и ледовых наблюдений, подготовке и организации аэрометеорологической станции на острове Большой Ляховский. В 1928–1930 гг. на Индигирке работал гидрологический отряд Ю.Д. Чирихина, изучавший вопрос судоходности реки Индигирки. Итогом работ этих гидрологических отрядов КЯР явилось то, что реки Яна, Индигирка, Колыма были признаны судоходными с моря и могли быть использованы для снабжения населения продуктами и предметами первой необходимости Северным морским путем. Составленные по итогам экспедиционных исследований лоции и атласы рек Яны и Индигирки позволили начать в середине 1930-х гг. судоходное освоение этих рек, что, в свою очередь, позволило приступить к промышленной разработке полезных ископаемых зоны [Виттенбург, 2008, с. 63–67].

Уникальность, бесценность опыта Якутской экспедиции АН СССР состоит и в том, что в её исследованиях впервые применительно к Северу были комплексно изучены проблемы жизнедеятельности и жизнеобеспечения в экстре-

мальных природных условиях, возможности модернизации традиционных хозяйства и образа жизни. Эти проблемы ставились и решались сквозь призму изучения Человека, как составной части производительных сил и важнейшего ресурса развития северных территорий. Поэтому первоначально самостоятельного этнографического отряда выделено не было, изучением быта и хозяйства населения республики занимались медико-санитарный и статистико-экономический отряды. Наиболее продуктивным для этнографических исследований стал 1927 г. Полевые работы были расширены в северном направлении. В этом году работали сразу 4 подотряда: вышеназванные Якутский и Тунгусский, Верхоянский (руководитель Д.Д. Травин) и Колымский (руководитель С.Н. Стебницкий). В 1928 г. совместными усилиями КЯР и научно-исследовательского общества «Саха кэскилэ» была организована Хатанго-Анабарская экспедиция под руководством П.В. Слепцова. Важное значение для модернизации традиционного хозяйства народов Арктики имели работы и других отрядов КЯР – в первую очередь, ихтиологического и охотничье-промыслового [Боякова, 2018, с. 12–13].

В 1930-е гг. начинается активное научное изучение Арктики, связанное с деятельностью Главного управления Северного морского пути при СНК СССР (ГУСМП, Главсевморпуть).

Координирующим центром научных работ в Заполярье стал Всесоюзный Арктический институт (ВАИ), переданный в ведение ГУСМП в декабре 1932 г. С этого времени исследования ВАИ стали носить комплексный характер и включали работы по геологическому, гидрологическому, гидрографическому, геодезическому, геофизическому, промыслово-биологическому, экономическому изучению всей территории Крайнего Севера. В Якутии открылось отделение этого института (май 1933 г.), развернувшее, в том числе, планомерное исследование криолитозоны. По всему арктическому побережью и на островах была развернута сеть полярных станций [Боякова, 1995, с. 38–51; Емелина, Савинов, Филин, 2020].

Задачи введения в промышленный оборот природных ресурсов Севера интенсифицировали процесс научного изучения арктической зоны Якутии. Этому способствовало также создание в 1947 г. Якутской базы (с 1949 г. – филиала) Академии наук СССР. В 1950-е–1980-е гг. проводилась систематическая разработка комплексов вопросов североведческого характера, в соответствии с которыми формировались направления работ академических институтов республики. Весомый вклад в приращение знаний об Арктике внесли участники Северной и Юкагирской экспедиций 1950-х–1970-х гг. [Сулейманов, 2021]. Ввиду ограниченности объема данной публикации обобщенный обзор достижений советского периода научного изучения Якутской Арктики автор вынужден опустить.

В настоящее время ФИЦ ЯНЦ СО РАН инициировал программу «Фундаментальные и прикладные исследования, направленные на развитие регионов арктической зоны российской федерации», которая призвана объединить все арктические (северные) научные центры.

Основная цель Программы – разработка комплекса мероприятий и технологических решений, необходимых для оптимизации и гармонизации социально-экономического и научно-технологического развития Арктической зоны Российской Федерации как стратегически значимого макрорегиона до 2035 года.

Структурообразующими элементами Программы являются мероприятия и исследования по следующим направлениям:

- ❖ Фундаментальные научные исследования (физика, химия, технологии, прогнозирование долговечности), направленные на моделирование пространственного развития экономики Арктической зоны (АЗ) РФ, создание новых материалов с заданными свойствами для расширенного использования в АЗ РФ;

- ❖ Исследования минерально-сырьевой базы, экономических и технологических аспектов освоения, обогащения и комплексной переработки и создания продукции глубокого передела из полезных ископаемых в АЗ РФ с учётом дисперсного размещения потребителей энергоресурсов и использования различных энергоносителей;

- ❖ Исследования устойчивости природных и технических систем и разработка мер по ликвидации экологических последствий антропогенной деятельности, сохранению и защите природной среды Арктики в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата; прикладные научные исследования негативных проявлений космической погоды, грозовой активности на Северо-Востоке России и ее последствий на возникновение лесных пожаров, гарей и выбросов парниковых газов;

- ❖ Обоснование мер по обеспечению защиты населения и территорий АЗ РФ от угрозы чрезвычайных ситуаций природного, техногенного и антропогенного характера;

- ❖ Исследования и разработки для сохранения видового разнообразия флоры и фауны, повышения эффективности сельскохозяйственного производства в интересах обеспечения продовольственной безопасности АЗ РФ;

- ❖ Решение медико-биологических, социально-экономических и этнокультурных проблем населения АЗ РФ с учетом пространственного развития экономики.

Реализация Программы исследований направлена на повышение качества жизни населения. Полученные результаты станут научной основой стратегического планирования социально-экономического и научно-технологического развития Арктической зоны Российской Федерации и повышения обороноспособности страны.

Литература и источники

Боякова С.И. Главсевморпуть в освоении и развитии севера Якутии (1932 – июнь 1941 г.). – Новосибирск: Наука, 1995. – 128 с.

Боякова С.И. Материалы северных отрядов Якутской экспедиции АН СССР 1925–1930 гг. как источник по истории научного освоения Арктики // Арктика и Се-

вер в современных социогуманитарных исследованиях : сб. науч. ст. : [электронный ресурс]. – Якутск, 2018. – С. 8–17. – Режим доступа : https://igi.vsn.ru/?page_id=2238.

Виттенбург Е.П. Комиссия Академии наук по изучению производительных сил Якутской АССР (1925–1930 гг.): организация и методика работы: ист. очерк. – Якутск: Бичик, 2008. – 200 с.

Емелина М.А., Савинов М.А., Филин П.А. Летопись Арктического института: от Севэкспедиции до ГНЦ РФ ААНИИ. 1920–2020: История полярных исследований. В 2 т. Том 1. – М.: Паулсен, 2020. – 824 с.

Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг.: развитие науки в Якутии. – Новосибирск: Наука, 2001. – 162 с.

Иванов В.Н. Русские учёные о народах Северо-Востока Азии (XVII – нач. XX вв.). – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 328 с.

Иванов В.Н. Историческая мысль в России XVIII – сер. XIX вв. о народах Северо-Востока Азии. – М.: Наука, 1989. – 242 с.

Красникова О.А. Академия наук и исследования в Арктике: деятельность Полярной комиссии в 1914–1936 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. – 2006. – Т.27. – №4. – С. 64–81.

Красникова О.А. Полярная комиссия Академии наук (1914–1936 гг.) // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: Исторические очерки / Редакторы-составители: Г.И. Смагина, Э.А. Тропп; отв. редактор Ю.М. Батулин. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. – С. 383–449.

Оглезнева Т.Н. Русское географическое общество: изучение народов Северо-востока Азии. 1845–1917. – Новосибирск: Наука, 1994. – 176 с.

Сулейманов А.А. Якутия и международное научное сотрудничество в Арктике в конце XX столетия. – Новосибирск: Наука, 2012. – 166 с.

Сулейманов А.А. Познавая Арктику: социогуманитарные исследования Академии наук СССР в северных районах Якутии в 1980-е – 1991 годы // Научный диалог. – 2020. – №4. – С. 434–448.

Сулейманов А.А. Академия наук СССР и исследование арктических районов Якутии в конце 1940-х – 1991 гг. Книга 1. Социогуманитарные исследования. – Новосибирск: Наука, 2021. – 348 с.

Ширина Д.А. Россия: Научное исследование Арктики. XVIII в. – 1917 г. – Новосибирск: Наука, 2001. – 191 с.

Ширина Д.А. Международное сотрудничество: к новому мышлению в Арктике // Современная Арктика: опыт изучения и проблемы : сборник научных статей / отв. редактор С.И. Боякова. – Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2005. – С. 7–33.

Ширина Д.А. Международное сотрудничество в Арктике в 80-90-х годах XX века. – Новосибирск: Наука, 2013. – 188 с.

Ширина Д.А., Максимова Т.П. Арктика: коренные народы и международное сотрудничество 80–90-х годов XX века // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – №1 (10). – С. 86–98.

Шишигина А.Н. Научное изучение Якутии в XVIII веке (по материалам Второй Камчатской экспедиции). – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2005. – 297 с.

**Арктическая этнография: сбор мамонтовой кости на островах
Северного Ледовитого океана (XIX – начало XX в.)**

Аннотация. Рассмотрен сбор ископаемой мамонтовой кости как вида традиционного природопользования народов Якутии. Показаны способы, условия и сроки артельного промысла на островах Северного Ледовитого океана.

Ключевые слова: Арктика, народы Якутии, традиционное природопользование, северо-восточные моря, острова, ископаемая мамонтовая кость.

**Rozalia Bravina,
Doctor of Historical Sciences**

Arctic ethnography: collection of mammoth bone on the islands of the Arctic ocean (XIX – early XX century)

Abstract. The collection of fossil mammoth bones as a type of traditional environmental management of the peoples of Yakutia is considered. The methods, conditions and terms of artel fishing on the islands of the Arctic Ocean are shown.

Keywords: Arctic, peoples of Yakutia, traditional environmental management, northeastern seas, islands, fossil mammoth bone.

О следах присутствия древних людей на морских островах Арктики свидетельствуют археологические памятники, открытые на островах Ляховские, Анжу и Де-Лонга Новосибирского архипелага, омываемых водами морей Лаптевых и Восточно-Сибирского Северного Ледовитого океана. Древние люди, по всей вероятности, осваивали эти территории, следуя за промысловыми животными, чему благоприятствовали особенности гидрологического и ледового режима северо-восточных морей, которые лежат на материковой отмели и отличаются небольшими глубинами. «Великие стада лосей переходят со Святого Носа по льду на Ляховские острова, – писал П.С. Паллас во второй половине XVIII в. – Их следы простираются в ширину от 5 и даже до 10 верст» [Иванов, 1979, с. 75]. Лосями академик называл диких северных оленей (якут. *таба*; диал. *кыыл*). По рассказам северных якутов, на морских островах весной собирались многотысячные стада оленей, что нашло отражение в названиях рек: Таба-Юрях, Кыллах на о. Котельный, залив Кыл-Муостаах (якут. муос – рога) в юго-восточной части дельты р. Лены и т.д.

Издавна аборигенные племена практиковали на островах индивидуальный, попутный во время охоты, сбор ископаемых костей для своих хозяйственных нужд. В 1687 г. французский иезуит Ф. Авриль свидетельствовал, что из Сибири, помимо пушнины вывозится «особенный род кости, белее и глаже слоновой, получаемой из Индии... Кость эту... обыкновенно находят в реке Лене

или на берегах Татарского (Ледовитого – Р.Б.) моря. Открытие бегемотовой кости сделано было жителями острова, откуда вышли, по словам москвитян, первые колонии, населившие Америку» [Алексеев, 2006, с. 377–378]. В начале XIX в. М.М. Геденштром писал об омоках-юкагирах, что они «удалились толпою на острова Ледовитого моря, против устьев Яны и Индигирки. На сих островах находил и я еще следы их кочевьев, но неизвестно, перемерли ли они все, или перешли на лучшие острова близь Америки» [1830, с. 97, 98].

В XVIII в. с формированием «костяной» казны Московского государства, на острова стали снаряжаться «ватаги» (артели) русских купцов на основах «покруты», т.е. найма малосостоятельных промышленных людей. Со временем, в условиях проникновения товарно-денежных отношений в Якутию, в артели по добыче бивня мамонта начали включаться и якуты, издавна промышлявшие на островах. В описании населения и земель северного междуречья Лены и Енисея от 1743 г. участник Второй Камчатской экспедиции лейтенант Х.П. Лаптев сообщал: «На островах около тех протоков (устья Лены – В.И.) кочуют в летних юртах якуты, которые довольствуются рыбою, оленями, гусями, лебедями и утками дикими» [Иванов, 1992, с. 121]. Особый расцвет промысел достиг в середине XIX в., когда «московская слонобая кость» вышла на мировой рынок.

Людей, промышляющих бивень в морских артелях, якуты называли «островник» *арыысыт* (як. *арыы* – остров). По свидетельству И.А. Худякова, в 1830-х гг. жители Верхоянского округа ходили за костью на остров Новая Сибирь, где, «по рассказам, мамонтов много, как дров, и есть много сохранившихся с кожей и шерстью, и шерсть-де эта походит на шерсть коровьего хвоста. Однако по отдаленности и опасности пути на Новую Сибирь ездят очень редко» [1969, с. 55]. В начале XX в. главным районом добычи мамонтовой кости являлись Новосибирские острова, которые из-за обилия мамонтовых бивней якуты называли «Муостуур арыы» (букв. острова, где промышляют мамонтовые бивни). Основной промысел велся на так называемых «ближних» островах – Большом и Малом Ляховских, реже на «дальних» – Котельном и Фаддеевском. «Костяные» ресурсы последних были богаче, но путь туда пролегал через морские перешейки, что было рискованно и опасно.

В середине XIX в. местные жители ездили на острова партиями от 12 до 20 чел. По зимнему пути расстояние от с. Казачьего до ближайшего острова Большой Ляховский составляло приблизительно 600 верст по тундре и морскому льду. Особенно трудной была ледовая дорога с труднопроходимыми торосами и полыньями. «Островники» выезжали в конце апреля – первых числах мая и добирались до места в первых числах июня. «Туманы, как бы ни были густы, не останавливают их дорогой, но ветра задерживают иногда ден до четырех; когда едут на острова – восточный ветер, когда возвращаются на материк – западный. Во время этих ветров они останавливаются, раскинув кожаные ламутские юрты, и варят пищу захваченными с собою дровами. Каждый седок имеет обыкновенно по 12 собак» [Худяков, 1969, с. 56].

По данным В.М. Зензинова, в начале XX в. на море ездили артелью от 40 до 50 чел., к ним часто примыкали промышленники из Якутского округа [Зензинов, 1915]. Добравшись до угодий, промысловики отдыхали, ремонтировали «станы» или поварни, в которых и жили. Некоторые из их названий вошли в топонимику островов: Етех (як. старое жилье), Урасалах (як. с жилищем юрты ураса), Юс Балаганнах (як. имеющая три балагана) и т.д. [Ленско-Колымская экспедиция ..., 1930, с. 358–362]. Начинали поиски рогов, разбившись на небольшие партии по 4–5 чел. На добытой кости каждый промышленник вырезал ножом свою метку – тамгу. А верхнеколымские юкагиры, у которых сохранились «древние картинные письма», оставляли письма на бересте, рисуя кончиком ножа форму бивня и фигуры людей по количеству промышленников, нашедших его [Иохельсон, 1898, с. 105]. Считалось, что мамонтовые клыки лучше сохраняются в глине, чем в песке. «У оседлых северян, – писал А.Ф. Миддендорф, – общий обычай беречь свои запасы слоновой кости в земле закрытыми». Сохраненный таким образом бивень долго не терял первоначальный цвет, оставался мягким, и из него можно было вырезать любые изделия даже «дурным» ножом инородцев [1860, с. 274].

По сортности бивень подразделялся на «гребельную» и «торговую». Под «гребельной» подразумевался первосортный бивень без трещин, сердцевина которого «под защитой ледяного футляра, мало или совсем не подвергалась разрушительному действию воды и воздуха» и кость была «чиста, бела и плотна». Второй сорт – «торговый», лежавший «долго в воде или на воздухе» обычно имел трещины, из-за чего «наружные концентрические слои могли отставать и крошиться», а внутри кость «не плотна..., не чиста, желтоватого цвета» [Иохельсон, 1898, с. 107]. Каждый из этих сортов имел еще два подсорта, в зависимости от размеров бивней – чем больше «рог», тем он был дороже. По данным В.И. Иохельсона, вес самого большого «клыка» мог дотянуть до 7 пудов при среднем весе в 3 пуда. Чтобы сохранить товарный вид добычи, при перевозке бивни зашивали в сыромятные мешки, не пропускающие влагу и солнце, а небольшие обломки клали в сумы с пушниной.

В конце сезона кость свозили в одно, ближайшее к материку, место. С ближних островов промышленники возвращались в ноябре, а с дальних – в декабре. Транспортировка была одной из важнейших проблем промысла, и иногда большая часть добычи оставалась нереализованной. П.В. Слепцов в 1923 г. писал, что последний раз большую партию бивней устьянцы привезли с Новой Сибири в 1918 г. Ездили артелью на 55 собаках и при осмотре песцовых ловушек попутно собрали около 900 пудов бивней, но сумели привезти только 100 пудов и больше туда не ездили [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 291. Л. 69].

В начале XX в. стремительно поднялась цена на мех песца, купцы мамонтовую кость начали скупать «лишь скрепя сердце, так как она слишком «озойна» (т.е. громоздка, неудобна) для перевозки» [Зензинов, 2001, с. 238]. На рубеже XIX–XX вв. при снижении спроса на бивень мамонта, промысел пришел в упадок.

Таким образом, промысел мамонтового бивня на побережье и островах Северного Ледовитого океана можно отнести к одному из традиционных видов арктического природопользования. В наши дни добыча ископаемой мамонтовой кости осуществляется местным населением – якутами, потомками русских старожилов и представителями коренных народов Севера, традиционным способом – сбором с поверхности земли без нарушения целостности недр и использования тяжелой техники. Возрождение добычи ископаемой кости мамонтовой фауны как вида традиционного промысла, основанного на соблюдении принципов рационального использования природных ресурсов, может обеспечить не только стабилизацию на рынке труда, но и снижение экологических и социальных рисков в арктических районах Якутии.

Литература и источники

Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 291. Л. 69.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. 3-е изд. – Новосибирск: Наука, 2006. – 504 с.

Геденштром М.М. Отрывки о Сибири. – СПб.: В типографии медицинского департамента Министерства Внутренних Дел, 1830. – 178 с.

Зензинов В.М. Добыча мамонтовой кости на Новосибирских островах // Природа. – 1915. – №7-8. – С. 979–991.

Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана: сб. трудов / сост. и авт. предисл. А.Г. Чикачев, И.А. Чикачев. 3-е изд. – Якутск: Якутский край, 2001. – 350 с.

Иванов В.Л. Архипелаг двух морей. – М.: Мысль, 1979. – 160 с.

Иванов В.Ф. Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII–начало XIX в.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 228 с.

Иохельсон В.И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе // Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М. Сибирякова. Т.10. Ч.3. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1898. – 167 с.

Ленско-Колымская экспедиция 1909 года под начальством К.А. Воллосовича // Труды Комиссии по изучению Якутской АССР. Т.15. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 395 с.

Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. В 2 ч. Ч.1: Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. – СПб.: Типография Академии наук, 1860. – 348 с.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука, 1969. – 437 с.

**Потенциал образовательной модели «школа полного дня»
для развития малокомплектных школ
(на примере кочевых школ народов Арктики)**

Аннотация. В статье рассматривается возможность внедрения образовательной модели «Школы полного дня» в малокомплектные общеобразовательные организации, анализируются условия кочевых школ Арктики с точки зрения потенциала школы полного дня.

Ключевые слова: школа полного дня, образовательная среда, развитие личности, кочевые школы.

**Albina Buchek,
Doctor of Psychological Sciences**

**The potential of the «full-time school» educational
model for the development of small schools
(using the example of nomadic schools of the peoples of the Arctic)**

Abstract. The article considers the possibility of introducing the educational model of a «full-time school» into small educational organizations, analyzes the conditions of nomadic schools in the Arctic from the point of view of the potential of a full-time school.

Keywords: full-time school, educational environment, personality development, nomadic schools.

Вопросы организации образовательного процесса в условиях деятельности кочевых школ неоднократно становились предметом исследования в научных трудах Ф.В. Габышевой, Н.И. Бугаева, А.Ф. Головина, В.Н. Егорова, З.С. Жирковой, С.Л. Зубаревой, Н.Д. Неустроева, Р.С. Никитиной, В.А. Роббека, А.М. Цирульниковой, А.С. Сакердоновой, Ю.А. Слепцова, А.Н. Терехиной и др. Подчеркивая своеобразие этнокультурных традиций народов Арктического Севера, большинство ученых признает, что современное образование северных территорий развивается в условиях перехода от унифицированных форм к гибким образовательным системам, учитывающим природно-географическую, социально-демографическую и миграционную специфику арктических территорий [Зубарева, 2004]. По данным исследований, на территории России действуют 35 кочевых школ, обучающихся около 600 воспитанников, в ряде субъектов: Ямало-Ненецком автономном округе, Республике Саха (Якутия), Таймырском муниципальном районе, Амурской области, Ханты-Мансийском автономном округе, Ненецком автономном округе, Эвенкийском муниципальном районе, Чукотском автономном округе [Терехина, 2021].

В настоящее время учеными признается, что термин «кочевая школа» применяется к разнообразным формам образовательных организаций, причем как стационарным, так и реально кочующим. Разнообразие уже существующих форм кочевого образования связано с поиском наиболее эффективных моделей функционирования кочующих школ-передвижек: кочевая школа, школа-чум, культурно-просветительный центр - красный чум, стойбищная школа, стационарная кочевая школа, сезонная кочевая школа, сезонные кочевые группы детского сада, сетевое взаимодействие опорной и кочевой школы, особая форма школы-интерната. При этом работа по созданию и апробации новых моделей кочевых школ продолжается в отдельных северных территориях [Неустроев, 2020]. Однако какое бы название не закрепилось в образовательном пространстве, неизменным остается ключевая характеристика кочевой школы – максимальное приближение к условиям жизни мобильных групп, расположенных в местах проживания кочевого и полукочевого коренного населения [Терехина, 2021]. Данный тип школы, кроме предметных, метапредметных и личностных результатов, закрепленных в федеральном государственном образовательном стандарте общего образования, направлен на сохранение уклада жизни, поддержание традиционного хозяйствования, обеспечение преемственности поколений коренных малочисленных народов Севера [Жиркова, 2020], а также нацелен на получение конкретного ожидаемого результата образования в кочевой школе – «школьник-северянин, владеющий этнокультурными знаниями и представлениями, имеющий ценностное отношение к этническим традициям, материальной и духовной культуре, осознающий и адекватно принимающий этнокультурные различия, готовый к трансляции этнокультурных традиций» [Сакердонова, 2022]. Таким образом, кочевая школа представляет собой такой тип образовательной организации, который позволяет сочетать формальное образование и повседневную жизнь кочевого сообщества, то есть интересы и потребности не только участников образовательных отношений, но и социокультурного пространства в целом.

По результатам анализа педагогических практик, внедряемых в кочевых школах, можно представить основные принципы организации образовательного процесса:

привлечение широкого этнокультурного контекста (природных условий, родных языков, фольклора, элементов этнопедагогики, традиционных способов хозяйствования, материалов краеведения, декоративно-прикладного искусства, традиционного уклада жизни, традиционных ценностей) с целью формирования ценностного отношения к культурному наследию кочевых народов;

включение во взаимодействие субъектов воспитательного процесса со всеми членами поселения (семья обучающегося, родовая община, сородичи) с передачей им ответственности за результаты обучения и включенности в образовательные события;

насыщенность урочной, внеурочной и внешкольной деятельности этнокультурным содержанием, методами и формами, способствующими эффек-

тивности деятельности в условиях «тундровой повседневности» (синтез образовательного и кочевого пространства);

организация образовательного процесса с разновозрастным контингентом;

нестандартность, гибкость в подготовке и организации деятельности педагогических кадров (преподавание нескольких учебных предметов, способности к жизнедеятельности в экстремальных условиях кочевья, вариативность графика учебного года с учетом специфики традиционного вида хозяйствования народов Севера, применение нетрадиционных форматов обучения, сочетание методов погружения с дистанционной поддержкой, применение гибких механизмов решения ситуативных проблем);

построение образовательной среды с уникальным набором организационно-содержательных компонентов, основанное на консолидации усилий триады «администрация - учитель - родители»;

ориентация при получении образования на дальнейшее трудоустройство на своей территории для занятий традиционными видами хозяйствования (превращение процесса образования в механизм развития всех других сфер регионального общества).

Формой организации образовательного процесса, позволяющей достичь такого баланса во взаимоотношениях между внедрением эффективных образовательных практик, задачами воспитания гармоничной личности и кочевой повседневностью, может, на наш взгляд, стать образовательная модель «Школа полного дня», которая позиционируется как новый тип школы, способной стать организатором всей жизнедеятельности ребенка, развить его задатки и способности, определить профессиональные ориентиры, подготовиться к адаптации в жизни [Бучек, 2024]. Полагаем, что для такого предположения есть основания. Прежде всего, отметим, что поскольку задача системы образования - создать условия для успешного обучения, воспитания и удовлетворения познавательных и жизненных потребностей каждого ребенка, целесообразно предположить, что наиболее полно отвечает этим задачам школа с небольшим количеством учащихся. Важно также подчеркнуть, что образовательная модель «Школа полного дня» представляет гибкую и адаптивную систему, которая позволяет учитывать специфику региона, его ресурсный и этнокультурный потенциал. Кроме того, успешная реализация школ полного дня требует активного участия родителей и всего окружающего сообщества, что, как показано выше, является ключевым принципом организации кочевых школ. Особое внимание в школе полного дня уделяется организации учебного процесса с акцентом на активность, вовлеченность и творчество обучающихся, но не допускающим утомления и снижения познавательного интереса. Это означает, что обязательным условием деятельности управленческого и педагогического коллектива в школе полного дня становится готовность методически и личностно принять нестандартные подходы и инновационные педагогические технологии.

Итак, потенциал образовательной модели «Школа полного дня» представляет основу организации адаптивной и развивающей среды, ориентированной на обновление методики преподавания, введения новых технологий и улучшения качества образования кочевых школ.

Литература и источники

Бучек А.А. Школа полного дня: подходы к организации и научно-методическому сопровождению деятельности педагога // Человек и образование. – 2024. – №3. – С. 44–53. [https:// doi.org/10.54884/1815-7041-2024-80-3-44-53](https://doi.org/10.54884/1815-7041-2024-80-3-44-53).

Жиркова З.С. Кочевая школа – инновационная модель в развитии системы циркумполярного образовательного пространства (на примере сетевого взаимодействия опорной Тополинской СОШ и кочевой школы «Айлик»). Монография. – СПб.: Научное издание, 2020. – 110 с.

Зубарева С.Л. Генезис образования народов Севера: дис. ... на соиск. уч. ст. доктора пед. наук. – Волгоград, 2004. – 356 с.

Неустроев Н.Д. Кочевая школа в условиях Арктики // Воспитание и обучение детей народов Севера в контексте индигенного подхода [Электронный ресурс]: сборник материалов Международной научно-практической конференции (8 октября 2020 г., г. Якутск) / [под ред. Н. Д. Неустроева]. – Киров: Изд-во МЦИТО, 2020. – 156 с.

Сакердонова А.С. Этнокультурное воспитание школьников-северян средствами педагогического потенциала образовательной среды кочевой школы: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. – Якутск, 2022. – 170 с.

Терехина А.Н. Кочевая школа в современной системе образования для народов Севера РФ: концепции, дискурсы и практики: дис. ... на соиск. уч. ст. канд. истор. н. – М., 2021. – 253 с.

Васильев В.Е., к.и.н.

Г.Ф. Миллер о разнообразии якутских «сект» на примере пантеона божеств XVIII века

Аннотация. В этой статье рассматриваются сведения Г.Ф. Миллера о якутских божествах и духах, записанные ученым у шаманов разных улусов во время проведения праздников *Ыһыах*. Ценность этих сведений заключается в том, что Г.Ф. Миллер первым подробно записал имена всех божеств, некоторые из которых в поздних записях этнографов и фольклористов были утеряны или упоминаются под другими именами. Автор статьи предлагает тезис о том, что в канун массовой христианизации божества различных улусов сохраняли свою локальность, отчего видно, что этническая консолидация якутских улусов в идеологическом плане не была завершена. Единый пантеон божеств в религии сложился в позднее время в результате научной реконструкции дохристиан-

ских верований просвещенной национальной интеллигенцией. На это указывает то, что некоторые божества, отодвинутые на второй план, образовали свой пантеон злых божеств, отдельный от светлых творцов *айыы*.

Ключевые слова: Г.Ф. Миллер, источники, якутский шаманизм, духи и божества, теонимы, тотемы, праздник *Ыһыах*.

Valeriy Vasilyev, PhD

G.F. Miller about the diversity of the yakut “sect” by the example of the pantheon of deities of the 18th century

Abstract. This article discusses information from G.F. Miller about Yakut deities and spirits, recorded by the scientist from shamans of different uluses during the *Ygyakh* holidays. The value of this information lies in the fact that G.F. Miller was the first to record in detail the names of all the deities, some of which were lost or mentioned under other names in later records of ethnographers and folklorists. The author of the article proposes the thesis that on the eve of mass Christianization, the deities of various uluses retained their locality, which makes it clear that the ethnic consolidation of the Yakut uluses was not completed ideologically. A single pantheon of deities in religion emerged at a later time as a result of the scientific reconstruction of pre-Christian beliefs by the enlightened national intelligentsia. This is indicated by the fact that some deities, relegated to the background, formed their own pantheon of evil deities, separate from the bright creators of *aiyyu*.

Keywords: G.F. Miller, sources, Yakut shamanism, spirits and deities, theonyms, totems, holiday *Yhyakh*.

Заслуга Г.Ф. Миллера в этнографии народа саха заключается в том, что он первым записал сведения о пантеоне и празднике *Ыһыах*, которые иногда различаются от материалов Г.В. Ксенофонтова, А.С. Порядина, Г.У. Эргиса и др., где были записаны *алгысы* с указанием иерархии только добрых *айыы*, без упоминания злых *абааһы* Верхнего мира. Так, Г.Ф. Миллер заметил различия в именах злых божеств у ряда пригородных родов саха, что отражало, вероятно, неприятие одними шаманами родовых божеств других шаманов.

Для яркой иллюстрации этой мысли приводим источники по переводам А.Х. Элерта с немецкого: борогонский и батулинский шаманы Кангаласского улуса Кусаган-ойун и Ыкынас-ойун сообщали Миллеру имена сильных злых духов, которым они брызгали кумыс в празднике *Ыһыах*: Улуу Тойон (он же Муна манган), три его сына Маган-Джелло, Джелло-малагай, Тенгыс-хара. Далее идут: Содуйер-сохар (он же Беги-тойон), Алла-бурай, Быллыт-джено, Кюре-хан (он же Илбис терде). Жертвоприношения им приносят после *айыы* первого и второго рангов, перед низшими божествами среднего мира. [Элерт, 2003, с. 95].

По второй записи Миллера, Намский и Одейский шаманы Намского улуса Бечен Батин и Сахтыйа Сомогин называли имена воздушных чертей, которым

приносили жертву на празднике Ыһыха: Муна-манган (Муна-манаган-тойон) и его сыновья Манган-джело (старший), Чачигир-чоур (младший), далее следуют черти Алла-бурай, Монголун-тойон, Оногой-бай, Кюре-тойон, Беги-тойон, Довун-тойон (другое имя Илбис терде) [Там же, с. 95], а шаман Оонер-ойун из Кангаласской волости добавил чертей Маган-джело, Джело-малагай и Тенгыс-хара [Там же, с. 98].

Эти тексты требуют комментария: Тенгыс-хара у хангаласских шаманов является божеством Чынгис Хаан (Тыйыс Хаан), он же божество судьбы и рока Дьылҗа Хаан. Кюре-хан (он же Илбис Хаан) соответствует Күрүө Дьүһэгэю, т.к. Илбис Хаан считался одним из семи братьев Джэсэгэй айыы [Пекарский, т. III, стб. 917]. Второе имя Илбис Хаана Довун тойон напоминает имя шамана Добун ойууна, ставшего прототипом «красного шамана» в одноименной поэме П.А. Ойунского. Заметно, что в именах божеств слышатся имена правителей древних кочевников: Куря-хан (печенежский князь во времена Святослава), Чингис-хан и его предки Довун-Сохор и Есугей. Монголун превратился в хозяина огня Түөнэ Моҗола, а Беги-тойон напоминает белого старца беги, который как святой в ставке монголов сидел направо от Чингиз-хана. Имя Беги происходит с древнетюркских титулов бег «князь», *бөгү* «мудрец» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 116]. Также странно, что в число воздушных *абааһы* был включен Омогой Баай, почитавший Улуу Тойона – отца демонов на чубарых лошадях (*чуобур сылгалаахтар*). К ним относился Чачыгыр чуобур, превратившийся в шамана Чачыгыр Тааса, который принес хозяину роковой *батас* с духом *илбис*, который отрубил голову заказавшему его Улуу Куданса.

Отдельное сообщение Г.Ф. Миллер получил от шамана Солука с реки Вилюй, который перечислил имена злых божеств: Беги-тойон, Хабюрютер-тойон, Хабюрютер-хотун, Кысстай-ол, Кысстай-кыс, Тюллер-тойон, Уулак-масси-туура-джаасибут, Орто-тойон, Околун-хотун, Манган-джело-тойон, Косон-кыс, Костой-ол [Элерт, 2003, с. 95]. Исходя из этого списка, Беги-Тойон был главным воздушным злым божеством, о чем говорил и другой информатор: Беги-тойон являлся знатнейшим духом, убивавшим людей и скот. У этого черта были сын и дочь: *Кугас-ол* и *Кугас-кюс* [Там же, с. 96]. Баксинский шаман Сотой Трекин говорил, что Беги-тойон был знатнейшим чертом, к которому, Мунга-тойону, он Сотой-ойун не смел приближаться, т.к. был плохим шаманом [Элерт, 2003, с. 98].

Судя по тому, что Улуу Тойон считался рыжелошадным, а Беги Тойон имел двух рыжих детей, становится ясно, что дети Илбис Хаана Охол Уола и Охол кыһа в источнике упомянуты как Кугас уол и Кугас кыыс. Рыжебородый Улуу Тойон в алгысе левобережных кангаласцев из рода Түмэти призывался как творец красных лошадей («улаан сылгы айыыта Улуу Тойон») [Архив ЯНЦ..., 1947 г., л. 11–12]. В олонхо «Үрүн Уолан» слово *улаан* (с монг. *улаҗан* «красный») применяется в значении «белый» (о масти лошади) [Казарян, 2012, с. 148]. Г.Ф. Миллер услышал от Солука, что Муна-тойон был отцом божеству Юрунг-аы [Элерт, 2003, с. 98]. С его слов он записал: «Бог всех богов называ-

ется у них Юссарагас-Муна-тойон... Якуты боятся называть его по имени, а тем более призывать его. Называть его может действительно хороший и благочестивый шаман. Других, если они его призывают, он наказывает и убивает» [Там же, с. 99]. А.Х. Элерт пишет, что Муна-Маган условно назывался «Улуу тойоном» (ср. як. *улахан* «большой» с монг. *улаан*, *улабан* «красный»).

К этому добавим схожесть эпитета Айыы Тойона *үүс аас бэйэлээх* («подобный белой рыси») с эпитетом Мунаа Магана – *үүс арабас* («(подобный) желтой рыси»). При этом туманно-белый конь Улуу Тойона дает повод связать имя Мунаа с *будаан*, *ыыс быдаан* «туман, дымчатый туман». Образ дыма также указывает на то, что Улуу Тойон был отцом духа огня Моҕул Хаана. По иной версии мифов саха, дух огня был сыном божества солнца Үрүн Айыы Тойона.

Таким образом, материалы Г.Ф. Миллера о «сектах» различных улусов дают богатую информацию о дохристианских культах саха. При внимательном прочтении ясно, что предки саха раньше почитали творца солнца Улуу Тойона, от которого позже откололся Үрүн Айыы Тойон – отец хозяина красного огня. Это подчеркивает важность записей ученого, по которым некоторые улусы саха не признавали Аар Тойона, т.к. не ожидали ничего доброго. Сложный образ творца Аар-Айыы Тойона появился в результате слияния божеств различных родоплеменных групп, принявших участие в этногенезе народа саха.

Литература и источники

Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 11. 21 л.

Древнетюркский словарь. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 676 с.

Казарян П.Л. Никита Семенович Горохов. Жизнь, дела, научное наследие: монография. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. – 262 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – Т. III. – 1959. – 3858 стб.

Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века (статья вторая) // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв.: сборник научных трудов / отв. ред. чл.-корр. Е.К. Ромодановская. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 94–119.

Васильева Р.И., к.ф.н.

Особенности формирования этноязыковой ситуации у есеевских якутов (на материале полевых исследований в Красноярском крае)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые факторы формирования этноязыковой ситуации у этнической группы якутов, размещенных в Эвенкийском районе Красноярского края, вопросы языкового контактирования, вопросы функционирования якутского языка в условиях инокультурной среды, а

также современное состояние и социолингвистическая ситуация сложившаяся у есеевских якутов – оленеводов в современных реалиях.

Ключевые слова: этноязыковая ситуация, этническая идентичность, диаспора, родной язык, лексемы.

Rimma Vasilyeva, PhD

Formation Features of Ethno-linguistic Situation among the Essey Yakuts (Based on Field Researches in the Krasnoyarsk Territory)

Abstract. The article discusses some formation factors of ethnolinguistic situation among Yakut ethnic group located in the Evenki region of the Krasnoyarsk Territory. It also reviews the issues of language contacts, the issues of Yakut language functioning in a foreign cultural environment, as well as the current state and sociolinguistic situation that has been formed among the Essey Yakuts- reindeer herders in modern realities.

Keywords: ethnolinguistic situation, ethnic identity, Diaspora, native language, lexical items.

В современном мире языки малочисленных народов, занимающихся традиционными промыслами, находятся под угрозой исчезновения, к ним можно отнести группу северных якутов-оленьеводов, находящихся в инокультурном окружении. Данная этническая группа сформировалась в эвенкийском национальном районе, в силу исторических и политических факторов, и расселена в Красноярском крае, на территории озера Есеев. Как считает А.И. Саввинов, история расселения северных якутов-оленьеводов берет свое начало еще в XVIII в., когда выходцы из Оленека и Виллюя, постепенно продвигаясь, заселяли северо-западные территории России [Саввинов, 2016, с. 94–100].

Как считает Н.Н. Ефремов, сохранение языкового разнообразия стало одной из приоритетных задач сегодняшнего времени. В настоящее время большое значение имеют исследования малых этнических групп, которые сохранили свою самобытность в инокультурной среде, смогли адаптироваться и развиваться как своеобразный субэтнос, сохраняя при этом язык, культуру, традиционный образ жизни [Краткий тематический словарь..., 2011, с. 7]. Якуты (саха) компактно расселены в Республике Саха (Якутия), однако, их небольшая часть, размещена в различных регионах нашей страны.

Наиболее крупные, якутские диаспоры сосредоточены, по переписи 2010 г. в: Хабаровском крае – 1417 чел., г. Москве – 1508 чел., Красноярском крае – 1468 чел., Иркутской обл. – 858 чел., Приморском крае – 766 чел., Новосибирской обл. – 629 чел., Магаданской обл. – 407 чел., Амурской обл. – 449 чел., Свердловская обл. – 284 чел., Томская обл. – 285 чел., Республика Бурятия – 272 чел. [Кондрашкина, 2016, с. 758].

Хотя, в данное время, картина миграционных процессов изменилась, но этническая группа северных якутов, есеевцев, наиболее большая группа, проживает на севере Эвенкийского района Красноярского края компактно и длительное время, примерно с XVIII в. Это подтверждают результаты фольклорно-диалектологической экспедиции Якутского института языка, литературы и истории в составе фольклориста Н.В. Емельянова и диалектологов М.С. Воронкина, созданной в 1959 г. В 1999 г. М.С. Воронкиным была издана монография «Диалектная система языка саха», в которой автор пишет: в 1959 г. будучи в экспедиции в районе озера Есей, мы ездили в ближайший эвенкийский поселок Чиринда, находящийся в 150 км к югу от Есея. В нем проживало – 261 чел., из которых якутов было только «2», а остальное население составляли эвенки. Однако 70% говорили на якутском языке. По-мнению исследователя, якуты – оленеводы добились устойчивого распространения своего языка среди аборигенов – эвенков [Воронкин]. Как считает, Н.Н. Ефремов, «язык есеевских якутов является одним из своеобразных диалектов языка саха, основной лексический фонд лексики есеевских якутов исконно якутский. Данный характерный говор имеет и контактные явления – эвенкийские слова [Краткий тематический словарь..., 2011, с. 7]. Научные исследования Н.В. Емельянова, М.С. Воронкина, А.И. Саввинова в аспекте фольклористики, диалектологии, этнографии внесли вклад в изучение есеевского говора, фольклора, культуры, традиций небольшой этнической группы – есеевских якутов. В 2011 г. был издан краткий тематический словарь есеевского говора, который был подготовлен педагогом-практиком Прасковьей Христофоровной Чорду, уроженкой пос. Есей. Словарь состоит из 14 тематических разделов, 1300 слов и выражений вошли в оборот фиксации лексического пласта есеевского говора, так как есеевские якуты жили на территории современного Эвенкийского муниципального района Красноярского края в течение трех веков, в есеевском говоре, сохранилось в большом количестве архаизмов, которые были исконными для языка саха [Там же, 2011, с. 5–55]. В монографии П.А. Слепцова «Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм», вышедшей в 1990 г., исследователь делит архаизирующуюся лексику современного якутского языка на четыре группы: историзмы, архаизирующиеся диалектизмы, бытовые слова и традиционную терминологию, архаизирующие изобразительные слова [Слепцов, 1990, с. 140–147], все данные лексические группы отражены в кратком тематическом словаре П.Х. Чорду. Например, термины родства: балыс – младший брат или младшая сестра, таай – дядя по материнской линии, ходохой уруу – женщина-родственница со стороны невесты или жениха, терминология домашнего обихода – биһилэк – перстень, буодьу – меховая опушка на шапке, анньынар – короткие до колен домашние унты на замшевой подошве, оҕуруо – бисер; в терминологическую группу традиционные верования, выявляются следующие лексемы: айыыһыт – богиня судьбы, аньыы – грех, кут – душа. Словарный состав краткого словаря есеевского говора, отражает взаимодействие, взаимовлияние есеевского говора с

эвенкийским и русским языками и культурой, которое наблюдается не только в лексике ессейского говора, но и в предметах быта и духовной культуры: в домах ессейских якутов можно найти православные иконы, хотя представители данной этнической культуры придерживаются традиционных верований. Как считает Е.М. Кузнецова-Федорова, «ессейские якуты, как северный субэтнос, сформировались на Оленьке, где они оказались в силу ряда политических и социальных причин, основной причиной их переселения на северные территории, было изменение социально-экономических условий жизни на исконных якутских землях в бассейне р. Лены и присоединение их к Российскому государству» [Кузнецова-Федорова, 2004]. Среди коренного населения оз. Ессей встречаются следующие доминирующие фамилии – Ботулу (Боотулуу), Эспек, Осогосток, Бети (Бэти), Чарду (Чорду), Уодай (Одай). Данные названия якутских родов функционировали, по данным статистики 1883 г. в Якутской области Российской империи, существовали Ботулинские наслеги в Жиганском, Усть-Янском и Верхневилуйском улусах. Эспекский наслег с многочисленным населением и поныне существует в Усть-Алданском улусе, на территории бывшего Дюпсунского улуса Республики Саха (Якутия). Маймаганский род был зафиксирован в Атамайском наслеге Намского улуса. Село с таким же названием в этом улусе существует до сих пор. Осогостохский и Одайский роды отмечены в I Жемконском наслеге Ботурусского улуса. Социально-экономические изменения в жизни якутов, миграции в XVIII в. предопределили им заниматься оленеводством и перенимать традиционный образ жизни малочисленных народов Севера, учитывая, что якутский этнос, хорошо адаптируется в условиях инокультурной среды. Как считает, Е.М. Кузнецова-Федорова, «ессейцы пришли на свою нынешнюю родину уже как вполне сформировавшийся этнос со своей материальной и духовной культурой, а затем уже, на месте, перенимали у местных тунгусских племен навыки, необходимые для проживания в условиях данной местности» [Кузнецова-Федорова, 2004]. Ессейский говор повсеместно используется в быту, производственной сфере, межличностном общении. По результатам полевого исследования в пос. Ессей, на вопрос: какую речь вы чаще слышите в населенном пункте, респонденты ответили: якутскую – 98,4%, русскую – 1,6%, в п. Тура соответственно – 17,4% и 82,6%. Респонденты являются билингвами, особенно это касается молодых респондентов, которые используют русский язык как язык обучения в средней общеобразовательной школе. Все ответившие респонденты являются уроженцами поселка Ессей. Часть респондентов обучалась на якутском языке в 50-ые годы прошлого столетия, но в данное время учительский состав сформирован из специалистов Красноярского края, которые работают по контракту. Основная часть ессейцев владеет только устной формой родного языка, использует его в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в оленеводстве. Ессейские якуты живут в трудных жизненных условиях, при низких температурах, занимаясь добычей диких оленей, занимаясь рыболовством и охотой, сохранили архаичность в языке, традиционных верованиях, фольклоре, культуре, хотя процессы

трансформации и ассимиляционные процессы идут по нарастающей, данная этническая группа представляет локальную группу, которая сохранила свою языковую и этническую идентичность, традиционный образ жизни и представляет субэтнос в полиэтническом сообществе Красноярского края.

Литература

Васильева Р.И. Путевые заметки // Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2015. – С. 103–105.

Воронкин М.С. Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. – 197 с.

Кузнецова-Федорова Е.М. Называют себя только, а не иначе, как якутами // Илин. – 2004. – №2 (37). – 146 с. Электронный ресурс. URL: <https://ilinyakutsk.narod.ru/2004-2/22.htm> (дата обращения: 15.09.2024).

Краткий тематический словарь эсеейского говора. – Якутск: Ситим, 2011. – 56 с.

Саввинов А.И. Фольклор эсеейских якутов: к истории собирания, изучения и публикации // Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2016. – №1 (14). – С. 94–100.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, Сиб.отд-ние, 1990. – 277 с.

Язык и общество. Энциклопедия. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 872 с.

Винокурова Л.И., к.и.н.

Пространство повседневности сельской Якутии: гендерные аспекты адаптации к климатическим условиям

Аннотация. В исследовании проанализирована ситуация, связанная с адаптацией сельского населения Якутии к текущим климатическим условиям. При всем богатстве разработки этой проблематики в именно гендерных аспектах она недостаточно освещена. Здесь рассмотрены специфические вызовы для повседневных традиционных занятий сельских мужчин и женщин, связанные с потеплением климата и сезонными температурным сдвигами. Предложены первичные шаги по смягчению трудностей адаптации сельского населения к меняющимся условиям климата.

Ключевые слова: сельская Якутия, повседневная жизнь, климатические изменения, традиционные хозяйственные занятия, гендер.

Everyday Space of Rural Yakutia: Gender Aspects of Adaptation to Climate Conditions

Abstract. The study analyzes the situation related to the adaptation of the rural population of Yakutia to current climatic conditions. Despite the wealth of historiography on climatic problems, gender issues are insufficiently covered. Specific challenges for everyday traditional activities of rural men and women related to global warming and seasonal temperature shifts are considered. Primary steps are proposed to mitigate the difficulties of adaptation of the rural population to changing climatic conditions.

Keywords: rural Yakutia, everyday life, climate change, traditional economic activities, gender.

Климатические изменения, включая глобальное потепление и аномально теплые зимы, сезонные «сдвиги», существенно меняют условия жизни в арктических и северных регионах России. Традиционные хозяйственные и социокультурные практики, остающиеся основным содержанием повседневной жизни в сельской Якутии, основаны на прямом взаимодействии с окружающей природной средой и зависимы от всех климатических явлений [Сулейманов и др., 2023]. Глобальное потепление приводит к уменьшению продолжительности зимнего периода, что оказывает значительное влияние на устойчивость мерзлотных почв и связанных с ними традиционных занятий. Масштабные пожары, усилившиеся за последние годы, разрушают мерзлотные экосистемы, приводя к необратимым изменениям в ландшафте Якутии. Эти процессы особенно болезненно воспринимаются сельскими жителями, чей хозяйственный уклад адаптирован к традиционному сбалансированному пользованию земельными и водными ресурсами, транспортными коммуникациями [Боякова, 2016; Ананичева и др., 2021; Григорьев, 2022 и др.]. Традиционные хозяйственные практики Якутии, основанные на взаимодействии с мерзлотой, сталкиваются с новыми вызовами, включая ускоренное заболачивание земель, разрушение транспортной инфраструктуры и угрозы локальным экосистемам. Гендерное восприятие этих изменений позволяет глубже понять их социально-экономические последствия.

Наблюдения за текущими процессами на сельских территориях в рамках научных проектов последних лет позволяет признать, прежде всего, значительное воздействие климатических изменений на человеческую жизнедеятельность. Антропология холода плодотворно разрабатывается на региональном материале [Сулейманов, 2022]. Рассмотрим на примере зимнего сезона гендерные проекции повседневных занятий как наиболее репрезентативных. В связи с обширностью территории в разных частях Якутии зима устанавливается в разное время. Так, в центральной Якутии зимний сезон отсчитывают в основном с ок-

тября, когда промерзает и покрывается снежным покровом поверхность земли и водоемов. Но отопительный сезон тоже начинается по-разному: в отдельных арктических улусах с конца августа, в сентябре – в центральных улусах. Незменной остается главная задача жизнеобеспечения сельских жителей в зимний период – организация и поддержка тепла в жилых и производственных помещениях. Эта забота традиционно возложена на мужчин: до настоящего времени на них главная зимняя обязанность: заготовка, транспортировка, подготовка к использованию топлива [Полевые материалы автора – далее ПМА. 2022 г.].

Изменения климата по-разному воздействуют на гендерные роли в сельской местности Якутии. Для важнейшей мужской повседневной занятости они выглядят следующим образом: сокращение сроков завоза необходимых для хозяйства грузов, топлива и кормов для домашнего скота из-за более позднего наступления зимы создает дополнительные нагрузки на мужчин [ПМА. 2019 г.]. В свою очередь, в теплое время года из-за обводнения, усиления эрозии почвы и заболачивания затрудняется выполнение традиционно мужских обязанностей, связанных с подготовкой хозяйственных объектов. Вне воздействия текущих экологических вызовов не остаются и сельские женщины. В частности, ухудшение состояния транспортных дорог и ограниченный доступ к ресурсам увеличивают нагрузку на женщин в уходе за домом, усадьбой и домашними животными; налицо также рост затрат времени на ведение домашнего хозяйства из-за ухудшения экологических условий [ПМА. 2023 г.].

Необходимо отметить влияние климатических изменений на сельские сезонные работы, календарь которых также претерпевает значительные изменения. Например, нарушение сложившихся за длительное время привычных сроков замерзания водоемов и грунтов создает риски для значимых аспектов повседневной жизни: затруднение для коммуникаций и использования традиционных видов транспорта; невозможность приступить к традиционному забою в животноводстве. Удлинение и потепление осеннего сезона ставит под угрозу безопасность хранения продуктов, традиционно связанного с естественными низкими температурами. Эти вызовы создают не только организационные риски, но и ведут к дополнительным, непредвиденным финансовым и материальным издержкам в домашнем хозяйстве.

Многолетние наблюдения автора в ходе полевых работ в улусах республики позволяют делать выводы о высокой сохранности традиционного содержания сезонных работ, об их природной детерминированности. При этом наиболее зримо гендерное разделение хозяйственных занятий видно на примере традиционных работ в период преобладания естественных низких температур. В этом свете возникает вопрос, возможны ли какие-либо трансформации в гендерном разделении «зимних» традиционных занятий в ходе климатических изменений.

Актуализируются также вопросы адаптации к условиям климатических изменений. Применительно к рассматриваемой теме представляются следующие шаги, облегчающие жизнедеятельность сельского населения:

-
- поддержка образовательных программ, направленных на адаптацию традиционных хозяйственных практик к новым климатическим условиям;
 - разработка технологий, снижающих физическую нагрузку на мужчин и женщин в условиях сезонных сдвигов; в частности, изменения сроков зимнего сезона;
 - изучение опыта других северных стран по минимизации последствий потепления и его влияния на гендерные роли.

Климатические изменения ставят под угрозу традиционные модели хозяйствования и гендерное разделение труда в Якутии. Однако глубокое понимание гендерных аспектов восприятия этих изменений позволит разрабатывать более эффективные адаптационные стратегии, учитывающие как социальные, так и экологические последствия.

Литература и источники

Ананичева М.Д., Литвиненко Т.В., Филиппова В.В. Изменение климата в Республике Саха (Якутия) и его влияние на население: инструментальные измерения и наблюдения местных жителей // Географическая среда и живые системы. – 2021. – №3. – С. 6–21.

Боякова С.И. Транспорт Якутии в условиях глобальных климатических изменений: риски, вызовы, возможности адаптации // Академические исследования в Якутии: «территория историка». – Якутск: Алаас, 2016. – С. 201–212.

Григорьев С.А. Температурные изменения, деградация многолетней мерзлоты и новые вызовы в системе жизнеобеспечения Амгинского улуса РС (Я): результаты полевых наблюдений // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2022. – №1. – С. 51–62.

Сулейманов А.А. «Ресурсы холода» в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии. Вторая половина XIX–XX вв. Историко-антропологический очерк. – Новосибирск: Наука, 2022. – 136 с.

Сулейманов А.А., Лыткин В.М., Винокурова Л.И., Григорьев С.А., Федоров С.И., Голомарева В.Ю., Башарин Н.И., Апросимов Д.А. Сельские сообщества Якутии в условиях деградации многолетнемерзлых пород: ключевые риски, социальные последствия, механизмы адаптации // Арктика и Север. – 2023. – №52. – С. 199–231.

Полевые материалы автор. Записи 2019 – 2023 гг. в Амгинском улусе Республики Саха (Якутия).

**Норильские экспедиции 1920-х гг.:
начало советского освоения Таймыра**

Аннотация. 1920-е гг. стали определяющими в экономическом развитии Таймыра. Потребовалось 10 лет исследований и вмешательство крупных государственных деятелей чтобы принять решение о разработке месторождения.

Ключевые слова: Арктика, Таймыр, Норильская долина, геологические экспедиции, 1920-е, Н.Н. Урванцев.

Natalya Gonina, PhD

**The Norilsk expeditions of the 1920s: the beginning
of the soviet development of Taimyr**

Abstract. The 1920s were a crucial period for the economic development of Taimyr. After 10 years of exploration and the involvement of prominent government figures, a decision was made to develop the region.

Keywords: Arctic, Taimyr, Norilsk, geological expeditions, 1920s, N.N. Urvantsev.

Тема освоения ресурсов русской Арктики не теряет своей актуальности уже более 300 лет. Сегодня стало очевидным, что вовлечение северных территорий в экономическое развитие – одна из важнейших составляющих отечественной модернизации на всем ее историческом пути. Одной из значимых географических зон реализации арктических проектов является полуостров Таймыр. Начало его включения в крупномасштабные экономические программы было положено геологическими исследованиями вековой давности.

Изучению данной темы посвящена обширная научная литература, однако Таймыр обычно рассматривается в общем контексте и ему редко уделяется много внимания [Тимошенко, 2010, с. 48–52; Комлева и др., 2017; Яньхуа, 2018]. Поэтому приоритет в изучении истории его освоения получили краеведческие и научно-популярные издания [Феномен..., 2007; Денисов и др., 2013]. В целом история исследования природных ресурсов Таймыра содержит еще много белых пятен.

В начале XX в. многие экономические и исследовательские процессы были остановлены в условиях войн и революций. Однако деятельность по освоению Северного морского пути вскоре была продолжена. В 1919 г. по решению Совета Министров Российского правительства Верховного правителя адмирала А.В. Колчака был создан Комитет Северного морского пути (КСМП), главной задачей которого стало создание устойчивой связи Сибири с западноевропейскими портами по Северному Ледовитому океану. В первую очередь требова-

лось продолжение изысканий. Дирекция маяков и лоций Северного морского пути и Сибирский геологический комитет организовали экспедицию в низовья Енисея по поиску угля для обеспечения морских судов. Горный инженер Н.Н. Урванцев, сотрудник Сибгеолкома, отвечал за научное обеспечение экспедиции. Топографом был назначен А.А. Сотников, наследник полиметаллического месторождения в долине р. Норильской. Н.Н. Урванцев обследовал угольные запасы в Норильской долине и, по предложению А.А. Сотникова, взял образцы медных руд, в которых позднее были найдены следы золота и серебра [Граммберг и др., 2002, с. 7; Феномен..., 2007, с. 44–45].

В 1920 г. власть в регионе перешла к большевикам, но курс на модернизацию экономики и освоение Арктики был сохранен. В плане ГОЭЛРО особо отмечалась необходимость развития Северного морского пути [Электрификация..., 1920. с. 23], которое было невозможно без создания топливной базы. Соответственно, исследование Норильской долины было продолжено. В процессе работы выяснилось, что олени не могут перевозить тяжелые грузы, поэтому впервые на Севере в качестве транспорта экспедиции были использованы лошади [Урванцев, 1981]. Результаты изысканий показали, что запасы угля составляют около 72 млн. т, что обеспечивало потребности Северного морского пути на долгое время. Анализ отобранных образцов полиметаллических руд выявил содержание меди 1,5%, никеля – свыше 1% [Феномен..., 2007, с. 47–48], что имело промышленные перспективы. Поэтому представленный Н.Н. Урванцевым план снаряжения новой экспедиции на 1921 г. был одобрен. Основной целью оставалось изучение угольных запасов. Это подчеркивало и наименование должности Н.Н. Урванцева – Заведующий разведкой Норильских углей. Изначально планировалось задействовать 150 чел., но позднее финансирование было сокращено и в Норильской горноразведочной партии работало только 49 рабочих и служащих [ГАКК. Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 14. Л. 101–102, 127].

В ходе экспедиции 1921 – 1922 гг. к северу от горы Рудной, между устьями ручьев Медвежий и Угольный, были построены жилой дом на 20 чел. и хозяйственные помещения, создан запас строительного леса в количестве 2000 бревен и динамита ок. 12 пудов. Для характеристики угленосного пласта были заложены первые штольни на юго-восточном склоне г. Шмидта. В отчетных документах указывалось, что видимый запас угля составляет около 1 200 000 000 пудов, вероятный трудноопределим, но достигает громадной цифры [ГАНО. Ф. 918. Оп. 1. Д. 186. Л. 53]. Было подтверждено наличие богатых залежей медно-никелевых руд с содержанием платины на северном склоне горы Рудной. Месторождение получило название Норильск I. Кроме геологического обследования, топографической съемки и составления карты местности проводились наблюдения за погодой. На зимовку осталось 8 чел., чтобы выяснить, можно ли жить и работать в Норильской долине в течение всего года [Урванцев, 1981; Граммберг и др., 2002, с. 7].

Параллельно геологическим работам в 1921 г. решался вопрос о строительстве железной дороги, соединяющей Енисей с Норильской долиной, для вы-

воза угля. Комсевморпуть выделил 20 млн. руб. и отправил изыскательскую партию для прокладки трассы от Усть-Порта или Дудинки до Норильского месторождения. Кроме изыскания пути поручалось провести телефонную и телеграфную линии Дудинка – Норильск и построить бараки в Дудинке и Норильске [ГАНО. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 239. Л. 2–10, 32–33, 49]. Обеспечить подготовительные работы для строительства железной дороги должен был житель Дудинки К.В. Пуссе, ставший агентом Комсевморпути и получивший необходимые полномочия и 20 млн. руб. [ГАКК. Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 14. Л. 4; ГАНО. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 239. Л. 6, 49.] 24 мая 1921 г. Сибирский комитет государственных сооружений принял проект железной дороги Дудинка – Норильск, но он не получил реализации, а позднее был утерян [Денисов и др., 2013, с. 193–195]. В 1923 г. вступил в строй морской порт в п. Усть-Порт, но первый же год работы показал, что такое расположение не удобно для снабжения Норильского месторождения и функция порта осталась за Дудинкой.

В Пробирной лаборатории Геолкома в 1923 г. в образцах норильских руд было выявлено высокое содержание платиноидов [Высоцкий, 1933, с. 232], а также меди и никеля. Это способствовало повышению внимания к месторождению и привлечению средств. Руководство экспедицией, ее финансирование и снабжение было передано в Центральный комитет промышленных разведок ВСНХ (ЦПКР). Н.Н. Урванцеву поставили задачу вести комплексную круглогодичную разведку с подземными работами и бурением. Теперь главное внимание геологов сосредотачивалось на цветных металлах [Феномен..., 2007, с. 52–54].

Однако переход в столичное управление не гарантировал стабильного решения вопросов. Организовать экспедицию в условиях жесточайшего дефицита ресурсов и постоянных административных реорганизаций и смешанного снабжения удалось только к осени. Уже в ходе экспедиции выяснилось, что в ЦПКР забыли перечислить необходимую сумму для расчетов с рабочими и только личное вмешательство И.М. Губкина, которому тогда были подчинены все геологические и геологоразведочные работы в Союзе, помогло решить проблему. В 1924 г. в Ученом Совете Геологического комитета возникли сомнения в экономической целесообразности разработки месторождения. Однако, председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский, к которому обратился Н.Н. Урванцев, с решением комиссии не согласился и постановил исследование Норильского месторождения продолжить с весны 1925 г. Возглавил экспедицию П.С. Аллилуев [Урванцев, 1981].

В 1925 г. Норильская экспедиция, кроме проведения изысканий, построила базу для дальнейших работ. По Енисею было сплавлено несколько разобранных жилых домов из Енисейска и построенных там же буровых вышек. Один дом поставили в Дудинке, два около месторождения Норильск-1. Геологическое обследование проводили на большой территории, включив верховья р. Норильской [Феномен..., 2007, с. 55].

Важно указать, что 10 ноября 1925 г. заместитель председателя ВСНХ Г.Л. Пятаков подал Ф.Э. Дзержинскому докладную записку об организации поселе-

ний заключенных в перспективных экономических районах, среди которых называл район устья Енисея между Полярным кругом и 70-й параллелью северной широты [Иванова, 2015, с. 215–216]. Таким образом, в ВСНХ уже не только знали о богатствах Таймыра, но даже обсуждали вопрос о способах реализации этой сложной задачи. Причем это не было единичным случаем. Изыскания и создание инфраструктуры охватывали все территории Советской Арктики, где находились удобные пристани или запасы полезных ископаемых [Тимошенко, 2010, с. 48–52].

Собранные данные по Норильскому полиметаллическому месторождению можно было трактовать неоднозначно. Н.Н. Урванцев считал месторождение перспективным, хоть и оговаривал, что его освоение потребует значительных ресурсов, а П.С. Аллилуев, напротив, высказал сомнения в экономической целесообразности его разработки. Начальник геологоразведочного комитета Геолкома А.К. Гидовиус изучил материалы и в 1926 г. сам посетил Норильск. Он подтвердил перспективность месторождения и рентабельность производства. Немалую роль в этом сыграло открытие в том же году крупнейшего в стране нового полиметаллического месторождения на Медвежьем ручье у подножия горы Гудчихи, которое называли Норильск-2 [Урванцев, 1981; Феномен..., 2007, с. 58–61].

В конце 1920-х гг. геологические исследования в Норильской долине в основном объеме были закончены, промышленные перспективы месторождения обоснованы. В 1928 г. ВСНХ СССР постановил передать производство дальнейших разведочных работ на Норильском месторождении и его пробную эксплуатацию в ведение «Главцветмета», так как считалось, что основную ценность составляют запасы платины [Блохин и др., 2003, с. 5].

Норильские экспедиции 1920-х гг. и судьба полиметаллического месторождения хорошо отражают дух эпохи и советской системы в целом. В кратчайшие сроки был совершен переход от полной разрухи к организованному управлению, заложены основы нового этапа индустриализации. При минимуме средств ставились и решались сложнейшие задачи. Большую роль в этом играл административный ресурс. Изыскательские работы в Норильской долине затянулись на десятилетие, при этом обследована была только часть значительной территории. Многие вопросы приходилось решать опытным путем, что влекло за собой затраты и потери.

Литература и источники

Блохин П.Г., Бровкова Е.В., Лолаев А.Б., Сетков В.Ю., Хлопук Л.Ю., Шкляров Н.Д. История строительства Норильского комбината и города Норильска // Строительство и эксплуатация зданий и сооружений на Крайнем Севере. Сб. науч. ст. – Норильск, 2003. – С. 4–50.

Высоцкий Н.К. Платина и районы ее добычи: академия наук СССР. Часть пятая. Обзор месторождений платины вне Урала. – Ленинград, 1933. – 258 с.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р-1303. Оп. 1. Д. 14.
Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.Р-41. Оп. 1. Д. 239; Ф. 918. Оп. 1. Д. 186.

Грамберг И.С., Додин Д.А. Выпускник Томского технологического института 1918 г. – великий полярный исследователь Николай Николаевич Урванцев (1893–1985 гг.) // Известия Томского политехнического университета. – 2002. – Т. 305. – Вып. 6. – С. 6–21.

Денисов В., Стрючков С., Стрючкова Л. История Норильска: сборник краеведческих очерков. – Норильск: «Апекс», 2013. – 432 с.

Иванова Г.М. История ГУЛАГа: 1918–1958. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 415 с.

Комлева Е.В. и др. Россия в Арктике: государственная политика и проблемы освоения. – Новосибирск: ФГБУН, Институт истории СО РАН, 2017. – 494 с.

Рябов В.В. Платина сибирских траппов. – Новосибирск, 1994. – 31 с.

Тимошенко А.И. Советские инициативы в Арктике в 1920-е гг. (К вопросу о стратегической преемственности) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – №2. – С. 48–52.

Урванцев Н.Н. Открытие Норильска. – М., 1981 // readli.net/chitat-online/?b=1276974&prg=12 (дата обращения: 18.07.2024).

Феномен Норильска. История развития Норильского промышленного района: Научно-популярное издание. – М.: «Студия «Полярная звезда», 2007. – Кн.1. – 520 с.

Электрификация Западной Сибири. – М., 1920. – С. 23.

Яньхуа Е. Советские исследования Арктики в 1920-х годах // Вестник гуманитарного образования. – 2018. – №4 (12). – С. 16–22.

Данилова Н.И., д.ф.н.

Российская Академия наук и исследование арктических говоров якутского языка

Аннотация. Появление первых достоверных научных сведений и дальнейшее научное изучение якутского языка и его диалектов напрямую связано с деятельностью Российской академии наук. Большое значение для развития отечественного востоковедения имела экспедиция в Сибирь во главе с А.Ф. Миддендорфом. Собранный лингвистический материал стал важнейшим источником первой академической грамматики якутского языка О.Н. Бетлингга «О языке якутов». РАН сыграла безусловно огромную роль в разработке и издании «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского. Диалектологическое исследование якутского языка приняло фундаментальный характер со вхождением НИИЯЛИ при СНК ЯАССР в состав Академии наук СССР. По принятой научной программе работали экспедиции в арктических районах республики, были изданы монографии по северным говорам. Под руководством советского комите-

та тюркологов при Академии наук СССР стало развиваться картографирование данных говоров. По полученным данным говоры арктических районов были разделены на северо-западную и северо-восточную диалектные зоны. Изучение северных говоров якутского языка должна активно включаться в междисциплинарную академическую повестку, в том числе в планы изучения Арктической зоны России.

Ключевые слова: Академия наук, якутский язык, диалект, северный говор, арктическая зона.

**Nadezhda Danilova,
Doctor of Philology Sciences**

The Russian Academy of Sciences and the Study of the Arctic Dialects of the Yakut Language

Abstract. The scientific study of the Yakut language and its dialects is associated with the activities of the Russian Academy of Sciences. The expedition to Siberia led by A.F. Middendorf was of great importance for the development of Russian Oriental studies. The collected linguistic material became the most important source of the first academic grammar of the Yakut language by O.N. Betlingk «On the language of the Yakuts». The Russian Academy of Sciences undoubtedly played a huge role in the development and publication of the «Dictionary of the Yakut Language» by E.K. Pekarsky. In 1947, the Institute became part of the USSR Academy of Sciences. Expeditions in the Arctic regions of the republic worked according to the academic program, monographs on northern dialects were published. Under the leadership of the Soviet Committee of Turkologists at the Academy of Sciences of the USSR, mapping of these dialects was carried out. The dialects of the Arctic regions were divided into northwestern and northeastern dialect zones. The study of the northern dialects of the Yakut language should be actively involved in the interdisciplinary study of the Arctic zone of Russia.

Keywords: Academy of Sciences, Yakut language, dialect, northern dialect, Arctic zone.

Появление первых достоверных научных сведений и дальнейшее научное изучение якутского языка и его диалектов напрямую связано с деятельностью Российской академии наук. Как известно, в год ее открытия, в 1725 году, была организована первая академическая экспедиция, которая положила начало целенаправленному изучению северо-восточных окраин России. Изучение особенностей жизни и быта народов края, в том числе их языка, было одним из важных задач экспедиций, и в ходе их был собран значительный объем материала. Но особенно продуктивной в отношении якутского языка оказалась Вторая Камчатская экспедиция, которую возглавлял Г.Ф. Миллер. Известно, что ее участники не только собрали сведения о языке якутов, но и составили

маленькие рукописные словарики [Кононов, 1982, с. 65]. Накопленный материал послужил для написания Г.Ф. Миллером «Истории Сибири». В ней он изложил свою концепцию, согласно которой самым важным фактором для определения родства народов должен служить их язык. По отношению якутского языка он придерживался мнения о древнем происхождении их носителей и их родстве с татарами. Кроме того, он заметил наличие в якутском языке большого количества монгольских (мунгальских) слов, что дало ему право утверждать об обоснованности преданий о совместном проживании якутов с монголами и бурятами. Значительный вклад в исследование Северо-Востока России внес Я.И. Линденау.

Как отмечают многие исследователи, большое значение для развития отечественного востоковедения имел лингвистический материал, собранный экспедицией Академии наук во главе с А.Ф. Миддендорфом, и ставший одним из источников труда О.Н. Бетлингга «О языке якутов». Уже в этом выдающемся академическом труде были отмечены некоторые различия в фонетике и морфологии якутского языка. Правда, в тот период определение конкретной диалектной принадлежности этих явлений было невозможно, тем не менее, значимость их для возникновения и становления научного изучения якутского языка переоценить трудно.

РАН сыграла безусловно огромную роль в разработке и издании «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского. Видные деятели Академии наук, крупнейшие специалисты-тюркологи и монголисты организовали практическую работу по публикации Словаря. Так, академик В.В. Радлов, председатель Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии, непосредственно участвовал и привлек известного востоковеда К.Г. Залемана, академика В.В. Бартольда, монголиста Б.Я. Владимирцова, академика, неперменного секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбурга, академика-востоковеда А.Н. Самойловича к непосредственной работе над сравнительным материалом и корректурой в соответствии с академическими требованиями к лексикографическим изданиям.

Что касается диалектизмов, по словам Е.И. Убрятовой, словарь Э.К. Пекарского «представляет собой богатейшее собрание диалектного материала» [Убрятова, 1960, с. 4]. Подтверждением этому может служить то, что «в общей сложности 2239 лексических единиц, зафиксированные в «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского, были включены в «Диалектологический словарь якутского языка» [ДСЯЯ, 1976] с пометой Пек.» [Иванов, 2021, с. 18]. Словарь «захватывает главным образом говоры Ботурусского, Баягантайского, Мегинского и Дюпсинского улусов Якутского округа и говоры Верхоянского и, отчасти, Виллойского и Олекминского округов». Но в тот период в состав Верхоянского округа входил Жиганский улус, занимавший территории современных Булунского и Жиганского улусов республики. Поэтому можно утверждать, что говор населения арктических районов был в какой-то степени зафиксирован.

Все работы по подготовке к печати и изданию Словаря были организованы на средства комплексной экспедиции, организованной РАН в 1925–1930 гг. по ходатайству Правительства ЯАССР. Завершение в 1930 г. издания «Словаря

якутского языка» Э.К. Пекарского в 13 выпусках, которое было начато еще в конце XIX в., является выдающимся итогом деятельности РАН не только в области якутской лексикографии, но и значительным достижением сравнительного изучения якутского языка.

Начало систематическому научному изучению говоров якутского языка положила организация в 1935 г. НИИЯиК при СНК ЯАССР. В 1938–1941 гг. Институтом были организованы экспедиции для сбора материала по специально разработанному вопроснику среди жителей разных районов республики, в том числе, в северных. Как отмечают исследователи, «неоценимый вклад в аккумулярование фольклорных материалов в ее арктической части внесли участники Северной экспедиции Института языка и культуры при СНК ЯАССР (1939–1940 гг.) С.И. Дьячковский (Боло) и А.А. Саввин. Исследователи тогда посетили Оймяконский, Момский, Среднеколымский, Нижнеколымский и Аллаиховский районы» [Сулейманов, 2021, с. 93]. А.А. Саввин собрал не только богатый фольклорный и этнографический материал, он обратил внимание и на особенности языка населения обследуемых арктических районов. Написанная им статья «Особенности говора якутов Верхоянского, Абыйского и Аллаиховского говоров», хранившаяся ранее в Рукописном фонде Архива ФИЦ «ЯНЦ СО РАН», была опубликована в 2022 г. сотрудниками ИГиП СНС СО РАН в издании «Верхоянские якуты: материалы Северной экспедиции (1939–1940 гг.)». А.А. Саввин отметил своеобразие говора населения обследованных районов в фонетике, морфологии и лексике.

Диалектологическое исследование якутского языка приняло фундаментальный характер со вхождением НИИЯЛИ при СНК ЯАССР в состав Академии наук СССР. Исследование якутских говоров среди населения арктических районов республики продолжилось работой экспедиции ИЯЛИ ЯФ АН СССР 1956 г. в Верхоянский район по руководством П.С. Афанасьева. Он «проводил исследования в северных и восточных наслегах района (Эльгесский, 1-й Эгинский, Адычинский, Табалахский)» [Сулейманов, 2021, с. 95]. В это же время Н.К. Антонов провел обследование языка населения Среднеколымского и Верхоянского районов, «в 1957 г. изучение говоров якутского языка специалистами ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР продолжилось в Абыйском, Момском и Аллаиховском районах» [Сулейманов, 2021, с. 98]. Далее в поле внимания диалектологов попали Булунский, Саккырырский, Жиганский, Анабарский, Оленекский районы республики. Итогом научного анализа полевого материала стали монографии П.С. Афанасьева «Говор верхоянских якутов» (1965) и М.С. Воронкина «Есейский говор якутского языка» (1966). Особенности языка населения Верхоянского района П.С. Афанасьев охарактеризовал как язык «якутов, вышедших из центральной Якутии и живших в течение столетий обособленно, поддерживая все-таки связь со своей первоначальной родиной» [Афанасьев, 1965, с. 154]. Под центральной Якутией здесь подразумеваются бывшие «Чериктяйская, Ботуруская, Намская, Мегинская, Борогонская и другие волости» [Иванов, 2021, с. 236]. Особенности есейского говора автор объяснил его «самостоятельным

развитием в условиях иноязычного влияния (эвенков, русских)» [Воронкин, 1966, с. 18].

Стали активно проводиться исследования в рамках комплексных экспедиций по различным академическим программам. Так, в 1966–1968 гг. говоры якутского языка изучались по программе социолингвистических исследований, «посвященных изучению взаимодействию языков Сибири» [Сулейманов, 2021, с. 171]. По данной программе была организована Долганская экспедиция по сбору материала по диалектам и фольклору.

В конце 60-х гг. XX в. в тюркоязычных республиках СССР «в научно-исследовательские планы соответствующих академических учреждений было включено составление диалектологических атласов национальных языков» [Ширалиев, 1979, с. 3]. Как известно, инициатором его создания был В.М. Жирмунский, который изложил теоретические принципы создания атласа и конкретные рекомендации к его составлению на V региональном совещании по тюркской диалектологии в г. Фрунзе в 1965 г. и далее в ряде статей. Далее «составление программы и инструкции для сбора диалектологических материалов, выработка единой транскрипции для атласа были поручены сектору тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР» [Ширалиев, 1979, с. 4]. В 1972 г. ДАТЯ был включен в план НИР тюркоязычных регионов. В 1973 г. общее руководство программой взял на себя Советский комитет тюркологов, созданный Постановлением Президиума Академии наук СССР. Говоры якутского языка по плану составляли часть обобщенной карты по сибирской зоне, координатором которой была научный сотрудник Института филологии СО РАН Н.Н. Широбокова. Якутские диалектологи активно включились в эту академическую программу, выполнили картографирование языковых особенностей отдельных диалектных зон по ранее заданным параметрам. Из арктических говоров в карты попали данные северо-восточной, северо-западной диалектных зон якутского языка.

Диалектологические карты по этой тематике, которые впоследствии послужили основой сравнительных исследований, составили П.П. Барашков и С.А. Иванов.

В 80-х гг. XX столетия в связи с задачей фронтального обследования всех говоров республики, поставленной ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, арктическая зона вновь вошла в круг интересов ученых-диалектологов. Так, сбор полевого материала был проведен практически во всех северных районах. В результате, было выполнено монографическое исследование говоров северо-западной и северо-восточной диалектной зон. Известный диалектолог М.С. Воронкин в монографии «Северо-западная группа говоров якутского языка» (1984), проанализировав особенности данной группы, пришел к выводу, что «эвенкийский язык оставил значительные следы в составе языка якутского населения, проживающего на территории изучаемой зоны» [Воронкин, 1984, с. 193]. Северо-восточная диалектная зона вошла в круг научных интересов выдающегося якутского языковеда Е.И. Коркиной. Собственные полевые материалы автора,

а также материал других исследователей позволили ей сделать вывод о наличии в говорах зоны «с одной стороны, многих архаических тюркских черт во всех областях языка, с другой – большого количества элементов, заимствованных из той иноязычной среды, в которой она формировалась» [Коркина, 1992, с. 260]. В данном случае, под иноязычной средой подразумевалось соседство с эвено- и эвенкязычными этносами. Автор отметила также «довольно значительное количество монгольских лексических заимствований, которые сегодня вышли из употребления в языке якутов центральных районов и в литературном языке» [Коркина, 1992, с. 259].

Фронтальное обследование говоров якутского языка послужило основой для общего вывода об этапах исторического диалектного членения якутского языка. Первым этапом было разделение его на северный и южный ареалы, «потомки носителей первого ареала сегодня проживают за полярным кругом – от есейско-анабарского региона на западе до усть-янских якутов на востоке, к ним позже присоединились носители говора индигирских и колымских якутов» [Иванов 2021, с. 224]. Южный диалектный ареал противопоставлен северному и охарактеризован как новообразованный. Далее, по классификации, основанной на сравнительно-историческом принципе, предложена классификация арктических говоров якутского языка. Согласно ей, говоры арктических районов были разделены на северо-западную и северо-восточную группы. В первую группу вошли анабарский (с юрюнг-хаинским подговором), оленекский (с зйикским подговором), булунский и жиганский. Эта группа включает также долганский диалект и есейский говор якутского языка. Северо-восточную группу составляют верхоянский (с саккырырским подговором), усть-янский, индигирский, колымский, оймьяконский [Воронкин, 1999, с. 154].

В целом, изучение арктических говоров якутского языка по различным академическим программам дало конкретные результаты сравнительно-исторического плана. Перед якутской диалектологией стоят задачи и перспективы, соответствующие современным тенденциям развития гуманитарной науки. Они исходят из понимания того, что диалектология, опираясь на уже имеющийся богатый опыт описания, должна активно включаться в междисциплинарную академическую повестку, в том числе в планы изучения Арктической зоны России. Этот аспект и взаимодействие с этнолингвистикой, культурологией, мифологией, этнографией, этнической историей, лингвогеографией должны дать импульс новым поискам.

Литература

Афанасьев П.С. Говор верхоянских якутов. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1965. – 176 с.

Предисловие // Я.И. Линденау. Описание народов Сибири. Первая половина XVIII века. Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.; ил.

Воронкин М.С. Есейский говор якутского языка. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Баку, 1966. – 18 с.

Воронкин М.С. Северо-западная группа говоров якутского языка. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1984. – 220 с.

Воронкин М.С. Диалектная система якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.

Иванов С.А. Образование диалектной системы якутского языка. – Новосибирск: СО РАН, 2021. – 256 с.

Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1992. – 270 с.

Сулейманов А.А. Академия наук СССР и исследование арктических районов Якутии в конце 1940-х – 1991 гг. – Новосибирск: Наука, 2021. – 348 с.

Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 148 с.

Ширалиев М.Ш. О подготовке диалектологического атласа тюркских языков СССР // Советская тюркология. – 1979. – №2. – С. 3–8.

Данилова Р.А.

**Языковая жизнь арктического города
(на материале полевых исследований в городах Анадырь и Билибино)***

Аннотация. В аннотации рассматриваются особенности языковой ситуации в арктических городах Анадырь и Билибино, анализируются взаимодействия местных языков с русским на основе полевых социолингвистических данных.

Ключевые слова: арктическая урбанизация, языковая ситуация, сферы общения, Анадырь, Билибино, языковое разнообразие.

Roza Danilova

**Language practice of an arctic city
(on the material of the field research in Anadyr and Bilibino)**

Abstract. The article analyzes the language situation in Anadyr and Bilibino, highlighting key trends and features of the linguistic diversity of Arctic cities.

Keywords: arctic urbanization, linguistic situation, sphere of communication, Anadyr, Bilibino, linguistic variety.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-01318, <https://rscf.ru/project/23-28-01318/>

Два арктических города Чукотского автономного округа – Анадырь и Билибино – представляют интерес с точки зрения социолингвистических процессов, происходящих в условиях арктической урбанизации. Анадырь, расположенный на крайнем северо-востоке России и являющийся административным центром Чукотского автономного округа, а также административным центром Анадырского района (при этом не входя в его состав), образует отдельный городской округ совместно с селом Тавайваам. Промышленный город Билибино, находящийся в 625 км к северо-западу от Анадыря, также является важным элементом инфраструктуры региона. В Анадыре, обладающем более развитой инфраструктурой, наблюдаются разнообразные социолингвистические процессы, обусловленные урбанизацией и демографическими особенностями. Их социолингвистическая ситуация обусловлена взаимодействием коренных малочисленных народов Чукотки (далее – КМНЧ) с миграционными потоками и процессами глобализации. Вследствие этого в данных городах наблюдаются особые языковые изменения и языковая конкуренция, что делает их предметом интереса для исследований в области социолингвистики. Опрос проводился методом анкетирования среди жителей городов Анадырь и Билибино в 2023–2024 гг. Всего в анкетировании приняли участие 188 горожан в возрасте от 16 до 71 года с разным уровнем образования.

Процесс урбанизации в Арктической зоне характеризуется развитием промышленности, миграцией населения и трансформацией традиционных сообществ. В таких городах, как Анадырь и Билибино, коренные этносы – чукчи, эскимосы, эвены, юкагиры – сосуществуют с русскоязычным населением, что способствует возникновению сложных языковых взаимодействий. Русский язык выполняет функцию доминирующего средства общения, а языки КМНЧ зачастую оказываются на периферии. Русский язык в Анадыре и Билибино выступает в качестве общегосударственного языка в официальной, образовательной и общественной сферах. Он служит связующим элементом между разными этническими группами и выполняет функцию «языка межнационального общения», языка образования и науки, делопроизводства, государственного управления, сферы обслуживания и СМИ. В сфере книгоиздания в городах Анадырь и Билибино основная часть публикаций производится на русском языке. Однако в последние годы наблюдается рост количества изданий на чукотском языке, значительную долю которых составляют словари [Радунович, 2014; Ранаврольтын, 2020, 2022]. Тем не менее, существуют инициативы по поддержке и сохранению языков коренных малочисленных народов. На местном уровне реализуются закон о языках и программы по обучению родным языкам в школах и других образовательных учреждениях, хотя их эффективность ограничена [Закон ЧАО от 23.10.2017 № 65 – ОЗ].

Языки КМНЧ (чукотский, эскимосский, эвенский, юкагирский) сохраняются преимущественно в семейной и культурной среде. Несмотря на наличие образовательных программ, количество носителей уменьшается, особенно среди молодежи, которая чаще использует русский язык в повседневной жизни. По-

левые исследования показывают, что старшие поколения продолжают активно использовать родные языки, однако существует значительный разрыв в передаче языков младшим поколениям.

Языковая ситуация в Анадыре и Билибино характеризуется диглоссией, когда русский язык используется в публичной и официальной сферах, а родные языки – в более неформальных контекстах, таких как семейное общение и культурные традиции, в том числе проведение обрядов и обычаи. Наблюдается также тенденция к смешанным формам языка, где элементы чукотского или эскимосского интегрируются в русский язык, создавая своеобразные локальные речевые практики.

Языковая жизнь арктических городов Анадырь и Билибино, является отражением глобальных процессов урбанизации, которые оказывают существенное влияние на языковое разнообразие. В условиях доминирования русского языка и миграционных процессов языки КМНЧ сталкиваются с вызовами, связанными с их сохранением и межпоколенческой передачей. Тем не менее, инициативы в области образования и культуры продолжают играть важную роль в поддержании языкового многообразия в Арктической зоне. Наблюдается необходимость усиления преподавания родных языков в дошкольных учреждениях, школах и среди студентов, а также подготовки специалистов, владеющих этническими языками.

Литература

Закон Чукотского автономного округа от 23.10.2017 №65 – ОЗ «О родных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Чукотского автономного округа» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8700201710260015?vsclid=m0z20oszsi244944896> (дата обращения: 26.08.2024).

Радунович Н.П. Русско-эскимосский словарь: в 2 ч. – СПб.: Лемма, 2014.

Ранаврольтын Г.И. Русско-чукотский словарь. Русильы-лыгъоравэтльэн вэ-тгавъечгын Русильы-лыгъоравэтльэн вэ-тгавъечгын: около 14300 слов. – Анадырь, Санкт-Петербург. Алмаз-Граф, 2020. – 702 с.

Ранаврольтын Г.И. Чукотско-русский тематический словарь: около 6500 слов. – Анадырь, Санкт-Петербург. Алмаз-Граф, 2022. – 431 с.

**Осуществление политики научного освоения Арктической зоны
Якутии в 1960–1980 гг.**

Аннотация. В статье рассмотрено развитие политики Советского государства в научном изучении арктических и северных районов Якутии в 1960 по 1990-е годы.

Ключевые слова: научная политика, научные исследования, Арктика, Якутия.

Peter Egorov, PhD

**Implementation of the policy of scientific development of the Arctic zone of
Yakutia in 1960–1980**

Abstract. The article considers the development of the policy of the Soviet state in the scientific study of the Arctic and northern regions of Yakutia from 1960 to the 1990s.

Keywords: scientific policy, scientific research, Arctic, Yakutia.

Огромную роль в развитии науки в СССР в этот период играло государство. Советский Союз осуществлял огромные финансовые вливания в решение целевых фундаментальных научно-исследовательских программ, благодаря чему значительно расширилась сеть научных учреждений и исследовательских центров. Государство являлось основным инвестором и организатором научных исследований по освоению северных и арктических районов Якутии.

В связи с организацией в 1957 г. Сибирского отделения АН СССР повышается значение его Якутского филиала. В 1960-е гг. в составе Якутского филиала СО АН СССР возникли новые подразделения, имеющие большое научное значение.

Новый этап в научно-техническом освоении Арктической зоны Якутии, в развитии ее производительных сил в послевоенный период начался с конца 1950-х – начала 1960-х гг. В августе 1958 г. в Якутске было проведено региональное совещание по развитию производительных сил Якутской АССР, организованное Госпланом СССР и Академией наук СССР. На совещании было отмечено, что Якутская АССР выделяется в общесоюзном производстве растущими темпами горнодобывающей промышленности.

Необходимость дальнейшего наращивания промышленно-технического потенциала Якутской АССР в конце 1960-х и в первой половине 1970-х гг. была определена постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 июля 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области». Советское партийное руководство республики разработало план развития промышленности, энер-

гетики, строительства и транспорта на территории ЯАССР в 1968–1975 гг. В марте 1969 г. в Якутске было создано Второе научное совещание по развитию производительных сил республики, в котором приняли участие ученые и специалисты со всего Советского Союза [Проблемы развития, 1969].

В указанный период значительно увеличились грузовые перевозки водным транспортом по Северному морскому пути, что привело к значительному росту численности населения поселка Тикси обеспечивающего навигацию. В связи с этим 27 марта 1975 г. Советом Министров Якутской АССР было принято решение о капитальном строительстве в северных поселках и утвержден генеральный план, совмещенный с проектом детальной планировки пос. Тикси Булунского района.

После восстановления разрушенного войной народного хозяйства, в конце 1950-х гг. с принятием Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г. №300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» [О мерах по дальнейшему..., 1968] начался новый этап в правовом регулировании жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера. В официальных документах партии и правительства, научных публикациях подчеркивалось большое народно-хозяйственное значение развития экономики и культуры народностей Севера.

После выхода в свет постановления были инициированы и проведены комплексные научные экспедиции в местах проживания аборигенных этносов с целью изучения хозяйственной деятельности и быта коренных малочисленных народов Севера; исследование языка и физического типа представителей народа для определения их этногенеза; анализ происходящих этнических процессов, а также изучение современного хозяйства и культуры этноса с целью разработки общих мер по улучшению положения населения северных районов Якутии.

В этой связи стоит отметить, что по инициативе Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Якутского филиала АН СССР совместно с Институтом этнографии АН СССР в 1959 г. была организована академическая Комплексная юкагирская экспедиция [Сулейманов А.А., 2021, с. 67].

17 сентября 1963 г. Бюро Якутского обкома КПСС приняло постановление о проведении научно-исследовательских работ по проблемам развития Крайнего Севера. В том же году решением Президиума ЯФ СО АН СССР от 20 декабря 1963 г. была создана Якутская северная комплексная экспедиция (ЯСКЭ). Некоторые рекомендации специалистов выработанные в результате проведения ЯСКЭ были отражены в принятой 22 мая 1968 г. Якутским обкомом КПСС и Советом Министров Якутской АССР Постановлении «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера Якутской АССР» [НА РС(Я) Ф.Р-52. Оп. 40. Д. 761]. В последующие годы региональные власти тщательно следили за ходом выполнения постановления бюро Якутского обкома КПСС и периодически принимали нормативно-правовые акты о ходе их реализации.

На уровне СССР 25 декабря 1973 г. было принято Постановление Совета Министров СССР №927 «О дополнительных мерах по развитию экономики и куль-

туры в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях» [Решения партии..., 1976]. Основная цель принятия данного постановления определялась как дальнейшее освоение природных богатств и развитие экономики, а также улучшения культурно-бытовых условий населения этих районов и местностей.

Со второй половины 1970-х гг. государственные органы власти Якутии стали обращать внимание на проблему сохранения природных биологических ресурсов Севера. Особую роль в сохранении редких животных Арктики сыграло международное Соглашение о сохранении белых медведей, подписанное в 1973 г. в Осло (Норвегия) пятью арктическими странами – СССР, Канадой, Данией, Норвегией и США [Яковлев, Слепцов, 2017, с. 42–56], что привело к проведению мероприятий по обеспечению сохранения белых медведей в соответствии с обязательствами, принятыми СССР. Так на уровне республики 15 января 1976 г. было принято Постановление Совета Министров Якутской АССР №12 «О мероприятиях по обеспечению сохранения белых медведей» [НА РС(Я). Ф.Р-52. Оп. 42. Д. 3].

В 1980 г. в были утверждены основные направления природно-охранной работы в Якутской АССР [НА РС(Я). Ф.Р-52. Оп. 40. Д. 217], в том же году были организованы отряды по охране северных диких оленей и редких животных. Работа научных и общественных организаций республики в лице Института биологии ЯФ СО АН и Республиканского совета Всероссийского общества охраны природы (ВООП) по проблеме сохранения редких исчезающих видов растений и животных, обитающих на территории Якутии, привела к учреждению «Красной книги Якутии».

В начале 1970-х гг. состояние охотничьего хозяйства в северных районах Якутской АССР характеризовалось хроническим уменьшением объемов добываемой продукции, что отразилось на снижении заготовок промысловой пушнины. В целях создания условий для воспроизводства промысловых животных и водоплавающих птиц постановлениями Совета Министров Якутской АССР были созданы заказники местного значения в Абыйском, Аллаиховском и Томпонском районах Якутии. Также принимались меры по сохранению бассейнов северных рек Якутии Лены и Колымы.

Новый этап в развитии государственной научной политики изучения Арктических районов Якутской АССР начался во второй половине 1970-х гг. В марте 1974 г. в республике побывал Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин, который на месте ознакомился с состоянием развития экономики в различных районах республики. По итогам пребывания главы Советского правительства был принят ряд важнейших директивных решений по перспективным направлениям развития производительных сил Якутской АССР [Аргунов, 1988, с. 8–29].

По инициативе республиканских органов власти создавались региональные, межведомственные научные институты и лаборатории. Так, уже в 1960-х гг. был создан Государственный проектно-изыскательский институт «Якутгражданпроект» и др. В 1970-е гг. институтом были внедрены в строительство про-

грессивные, индустриальные конструкции и новые методы производства работ в условиях вечной мерзлоты.

Для решения проблемы капитального строительства на вечной мерзлоте 7 июня 1972 г. была создана Мерзлотная лаборатория Министерства жилищно-коммунального хозяйства ЯАССР. 1 февраля 1973 г. была организована Научно-исследовательская лаборатория трудовых ресурсов на общественных началах для исследования динамики и структуры основных параметров сферы занятости и рынка в Якутии, в том числе и мест проживания коренных малочисленных народов Севера.

1 июля 1981 г. Советом Министров ЯАССР была образована комиссия для организации проведения регулярных комплексных исследований и наблюдений в шельфовой зоне моря Лаптевых и в дельтовых участках рек Лены и Яны, степени загрязнения, температурных изменений водоемов и уровня воды в них с целью выяснения воздействия этих параметров на рыбные запасы.

В последнее советское десятилетие главными научно-внедренческими структурами в сельском хозяйстве являлись научно-производственные объединения (НПО). Целью их создания было внедрение достижений научно-технического прогресса в сельскохозяйственное производство и научного обеспечения деятельности Госагропрома республики и превращения науки в непосредственную производительную силу. Так в республике были созданы научно-производственные объединения «Лена» и «Якутское».

Несмотря на начавшуюся перестройку в Якутии продолжалось руководство научными исследованиями в арктических районах, благодаря инерции, полученной еще в предшествующий период. Так в ноябре 1988 г. была сформирована Республиканская комиссия при Совете Министров ЯАССР по делам Арктики [НА РС(Я). Ф.Р-52. Оп. 42. Д. 785] для разработки и рассмотрения крупных проблем в области изучения, экономического освоения, социального развития, охраны окружающей среды северных районов. К работе данной комиссии были привлечены научные институты Якутского филиала СО АН СССР, а также предприятия, занимающиеся производственной деятельностью в арктических районах Якутии. Во многом благодаря работе данной комиссии в феврале 1989 г. была принята «Программа комплексного социально-экономического развития арктических районов Якутской АССР на период до 2000 года» [НА РС(Я). Ф.Р-52. Оп. 42. Д. 829], которая, к сожалению, по объективным причинам экономических и политических катаклизмов окончившихся распадом государства, так и не была претворена в жизнь.

Литературы и источники

Аргунов И.А. Промышленно-техническое освоение региона и процесс урбанизации в Якутской АССР (1945–1985 гг.) // Современные социально-культурные процессы в городах Севера / Сб. научных трудов. – Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1988. – С. 8–29.

Национальный архив РС(Я) (НА РС(Я)). Ф.Р-52; Оп. 40. Д. 761; Оп. 42. Д. 3, 217, 785, 829.

О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 16 марта 1957 г. №300 // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т.4. 1953–1961 гг. – М.: Политиздат, 1968.

О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. Т.13. Апрель 1979 г. – март 1981 г. – М.: Политиздат, 1981.

Проблемы развития производительных сил Якутской АССР. Вып. 1. – Якутск, 1969.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. Т. 10. Октябрь 1973 г. – октябрь 1975 г. – М.: Политиздат, 1976.

Сулейманов А.А. Академия наук СССР и исследования арктических районов Якутии в конце 1940-х – 1990 гг. Книга первая: Социогуманитарные направления. – Новосибирск: Наука, 2021. – 348 с.

Яковлев Ф.Г., Слепцов Р.В. Мониторинг белого медведя на северо-востоке Якутии // Арктика XXI век. Естественные науки. – 2017. – №1. – С. 42–56.

**Жукова Л.Н., к.и.н.,
Скрипин В.Г., к.филос.н.**

**Григорий Андреевич Попов – один из организаторов исследований
Арктической Якутии**

Аннотация. Анализируется вклад Г.А. Попова в планирование и осуществление руководством ЯТУ ГУСМП мероприятий по транспортному, промышленно-экономическому и культурному освоению районов Крайнего Севера.

Ключевые слова: Пионерные работы, архивные материалы, территориальное Управление ГУСМП, освоение районов Крайнего Севера, актуальность, общественное и научное признание.

**Lyudmila Zhukova, PhD
Viktor Skripin, PhD**

**Grigory Andreevich Popov – one of the organizers of research
in Arctic Yakutia**

Abstract. The contribution is analyzed of G.A. Popov in the planning and implementation by the leadership of the YTU GUSM of measures for the transport, industrial, economic and cultural development of the Far North regions.

Keywords: Pioneer work, archival materials, territorial Administration of GUSM, development of the Far North, relevance, public and scientific recognition.

В сокращенном варианте предлагаются выборки из неопубликованной работы члена редколлегии по изданию рукописей историка Г.А. Попова, кандидата философских наук Виктора Григорьевича Скрипина (1956–2008). Флешку с набранным на компьютере текстом автор передал Л. Н. Жуковой в начале 2008 г. [Скрипин, 2008]. Публикуются выдержки из вступительной статьи «Краевед или историк» и раздела 2.8 «Регионалистика». При этом В. Г. Скрипин ссылается на неопубликованные архивные работы историка, мы же делаем отсылки на эти же статьи, вошедшие в 5 том Сочинений Г. А. Попова, изданный в 2014 г.

Григорий Андреевич Попов вступил на поприще научных изысканий еще будучи молодым человеком. Впоследствии он стал деятельным организатором научных исследований в Якутии, о чем свидетельствует послужной список его общественной, преподавательской, административной и исследовательской деятельности за неполный 20-летний период (1918–1937) – вплоть до ареста (16 мая 1938 г.). Многие работы Г.А. Попова пионерные, не утратили актуальности и поныне. Темы, которые он разрабатывал, опираясь преимущественно на архивные и ведомственные материалы, работы дореволюционных предшественников, впоследствии приобрели огромную популярность в многоаспектных трудах продолжателей, получивших большое общественное и научное признание.

В конце 1932 г. было создано Главное управление Северного морского пути (ГУСМП, или «Главсевморпуть») с целью транспортного освоения Арктики с Лено-Таймырского района. В августе 1933 г. Г.А. Попов после «чистки» и увольнения из Центрального архива ЯАССР нашел работу в этой структуре, получив должность научного сотрудника Якутского отделения Всесоюзного Арктического института Главсевморпути (сентябрь 1933–01.04.1934 г.), затем с 1934 г. – научного сотрудника треста Яксевморпуть, а после его реорганизации – в Плановом отделе Якутского территориального управления Главного управления Северного морского пути.

Значительными работами Г.А. Попова по комплексным проблемам регионалистики и социально-экономическому зонированию (историческая география, этнология, история промышленного освоения и т.д.) являются первоклассные монографии: «Население и промыслово-хозяйственная жизнь северо-западной части бывшего Жиганского улуса» (написана не ранее 1932 г.), «Соображения к плану строительства территориального управления ГУСМП» (с датой 5 июня 1935 г.) и другие работы. В последнее время на низовом уровне (улусной и наследной общности) приходит острое осознание необходимости и целесообразности в обзорных исторических исследованиях по регионам самой Якутии (улусам, т.е. бывшим волостям-районам и наследам Якутии). Кратко охарактеризуем упомянутые источники, созданные Г.А. Поповым.

В обстоятельной монографии «Население и промыслово-хозяйственная жизнь Северо-Западной части бывшего Жиганского улуса» [Попов, 2014a] рас-

сматриваются по выбранной исследовательской схеме этнологические аспекты Жигано-Булунского региона (тунгусы и якуты 1-й и 2-й Ботулинские, Кангаласский, Туматский, 1, 2, 3 и 4-й Хатылинские наслеги, тунгусские Купский, Эжанский роды, а также русское Усть-Оленекское крестьянское общество). Далее охарактеризована речная система и география промысла с точки зрения традиционных промысловых хозяйств – рыболовства, звероловства, оленеводства, ездового собаководства, добычи и коммерческой поставки мамонтовой кости. Дан анализ по промысловикам и способам их охоты.

В работе «Соображения к плану строительства территориального управления ГУСМП» [Попов, 2014б] Г.А. Попов рассматривает гидрографию арктических рек Якутии, проблемы морской службы и речного судоходства, анализирует роль зимников в арктическом завозе грузов, их номенклатуру, тип северных судов и предъявляемых к ним тактико-технических характеристик (тоннаж, грузоподъемность, мощность двигателей и т.д.) с учетом особенностей фарватеров сибирских рек (Яна, Индигирка); анализирует вопросы местного хозяйства и промышленности по тундровым районам (Анабарский, Булунский, Усть-Янский, Аллаиховский, Нижне-Колымский).

Цель работы, по мнению автора – «наметка основных практических мероприятий северных вопросов, на основе архивных, литературных и ведомственных материалов», которая «должна послужить вехами для более углубленных и обоснованных работ в этом направлении». Автор ставит задачу перед руководством территориального Управления ГУСМП: «осуществить практические мероприятия по транспортному, промышленно-экономическому и культурному освоению районов Крайнего Севера» [Там же, с. 161]. Г.А. Попов выявляет перечень основных проблем по оленеводству и предлагает схему мероприятий по их решению.

В главе «Животноводство (копытно-рогатый скот)» отмечены животноводческие районы; в главах «Рыболовство», «Звероловство», «Кустарные промыслы» автор дает практические рекомендации, некоторые из них вполне актуальны и поныне. Далее в отдельных главах автором анализируются агрокультура, промышленность, указаны также месторождения олова, нефти, соли, показана специфика лесной промышленности, рыбопромышленности, работы совхозов и станций по типу МТС: машинно-сенокосные станции, производственно-охотничьи станции (ПОС), вопросы торговли и снабжения, авиасвязи и радиосвязь.

На основе представленных разработок историка, наверняка, должны были приниматься какие-то решения по освоению Северного морского пути, ставились проблемы развития водного транспорта, по горнодобывающей (преимущественно – золотодобывающей) промышленности, а также формирующегося Дальстроя и системы ГУЛАГ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Комплексное освоение края требовало не менее комплексных же исследований. Именно Г.А. Попов как раз и продемонстрировал такой междисциплинарный подход, рассматривая в своих сочинениях проблемы перспектив развития ре-

гиона сквозь призму состояния сельского хозяйства, охоты и звероводства, транспортных коммуникаций. Тематика сквозная. Он демонстрирует владение материалом в разных сферах. Историк не ограничивался констатацией фактов, а давал в своих исследованиях конкретные и аргументированные рекомендации для лиц, принимающих решения.

Необходимо подчеркнуть значимость работ Г.А. Попова в изучении арктической Якутии и истории ЯТУ ГУСМП.

Литература и источники

Попов Г.А. Население и промыслово-хозяйственная жизнь Северо-Западной части бывшего Жиганского улуса // Попов Г.А. Сочинения. Т.5: Историко-экономические очерки районов Якутской АССР. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2014а. – С. 6–53.

Попов Г.А. Соображения к плану строительства территориального управления ГУСМП // Попов Г.А. Сочинения. Т.5: Историко-экономические очерки районов Якутской АССР. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2014б. – С. 123–162.

Скрипин В.Г. Историография работ Григория Андреевича Попова: постановка проблем. Рукопись. Семейный архив Поповых. 2008. – 56 с.

Исаков А.В.

Чингисхан в исторической памяти современной Якутии

Аннотация. В статье рассматривается функционирование образа Чингисхана в пространстве современной якутской культуры. Делается вывод, что в постсоветский период одним из новых направлений конструирования национальной исторической памяти в Якутии стало утверждение связи якутов с Чингисханом. Ярче всего эта тенденция проявилась в сфере художественного творчества – в романе Н. Лугинова «По велению Чингисхана», во многом повлиявшем на представления о монгольско-якутских связях, и его экранизации – фильме «Тайна Чингис Хаана». Проявляется она также в научном, образовательном и медиадискурсе, которые транслируют различные гипотезы о наследии эпохи Чингисхана в якутской культуре.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Наследие Великой Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии» (№ 23-78-10139), <https://rscf.ru/project/23-78-10139/>.

Ключевые слова: Чингисхан, Монгольская империя, якутская культура, якутская литература, якутское кино.

Genghis Khan in historical memory of modern Yakutia

Abstract. The article examines the functioning of the image of Genghis Khan in the space of modern Yakut culture. It is concluded that in the post-Soviet period, one of the new directions in the construction of national historical memory in Yakutia has become the assertion of the connection of the Yakuts with Genghis Khan. This tendency is most clearly manifested in the sphere of artistic creativity – in the novel by N. Luginov «By the Command of Genghis Khan», which largely influenced the ideas about the Mongolian-Yakut relations, and its screen version - the film «The Secret of Genghis Khan». It also manifests itself in scientific, educational and media discourse, which broadcast various hypotheses about the legacy of the era of Genghis Khan in the Yakut culture.

Keywords: Genghis Khan, Mongol Empire, Yakut culture, Yakut literature, Yakut cinema.

Постсоветский период в якутской культуре ознаменован масштабным переосмыслением национального прошлого, что как и в других национальных регионах России, связано с распадом советской идентичности и «пересборкой» национального самосознания. Одна из примечательных тенденций этого процесса в Якутии – обращение к образу Чингисхана. Стоит сказать, что память о Чингисхане (и шире – о монгольском средневековье) так или иначе сегодня фигурирует в дискурсах национального прошлого всех тюрко-монгольских народов Сибири. Однако если у народов Южной Сибири (в первую очередь у бурят, а также отчасти у тувинцев, алтайцев и хакасов) в силу географической близости к Монголии и устойчивым многовековым культурным связям память о Чингисхане и его эпохе традиционно сохранялась в устной и письменной традиции, то якуты, живущие в отдалении от монголов, такой традицией не обладали и сегодня «изобретают» ее заново, стремясь приобщиться к тюрко-монгольскому дискурсу об эпохе Монгольской империи как собственном «Золотом веке». В данной статье мы постараемся коротко осветить основные аспекты этого процесса конструирования «якутского Чингисхана», начало которому было положено около 30 лет назад.

Вхождение образа Чингисхана в культурное пространство современной Якутии связано в первую очередь с историческим романом Николая Лугинова «По велению Чингисхана» (*Чынгыс-Хаан ыйаабынан*), первая из трех книг которого увидела свет в 1997 г. В этом романе автор излагает историю жизни основателя Монгольской империи, следуя общеизвестным средневековым источникам и в то же время увязывая ее с якутской историей и культурой. Само название романа является цитатой из олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» Платона Ойунского, где Чынгыс-Хаан – имя одного из якутских божеств. В сюжет вплетено и предание о происхождении якутов: согласно авторской

интерпретации, предки якутов было отправлены на север самим Чингисханом. Как отмечает литературовед О.Г. Сидоров, в романе Н. Лугинова произошло оформление «евразийского» проекта идентичности современных якутов, связывающего судьбу народа саха с историей евразийских империй [Сидоров, 2019, с. 136–150]. При этом интересно, что, по признанию автора, к теме Чингисхана он обратился под впечатлением от распада СССР: крушение большого многонационального государства заставило его задуматься о судьбах империй и их роли в истории человечества. В послесловии к роману Н. Лугинов излагает свой взгляд на эту проблему. Имперская идея, по его мысли – это «божественная идея объединения, без которой на земле царили смерть, разруха, произвол», «единственное спасение разрозненных народов от бессмысленных раздоров, произвола» [Лугинов, 2001, с. 603–604]. Империя приносит порядок в обмен на служение народов этой идее, но когда народы отказываются служить общему делу, империя распадается и вновь наступает хаос. Предлагая такой взгляд на историю империй, автор проводит параллель между давно исчезнувшей империей Чингисхана и недавно распавшимся СССР и намекает на преемственность в истории якутского народа, которому, согласно этой концепции, было предназначено стать опорой империи на севере.

Роман Н. Лугинова подал импульс к развитию темы Чингисхана в якутской культуре. Заметной вехой в этом процессе стал выход экранизации романа – фильма «Тайна Чингис Хаана» (2009), самого крупного на тот момент проекта в истории якутского кино. В основе фильма, как и в романе, лежит идея богоизбранности, мессианства Чингисхана, «который возродил империю, а не предзнаменовал гибель или крах» [Леонтьева, Анисимов, 2021, с. 177]. Выход на экраны такой картины стал важным вкладом в утверждение «якутского взгляда» на фигуру Чингисхана в массовой культуре.

Вслед за сферой художественного творчества интерес к теме Чингисхана стал проявляться в научном и образовательном дискурсе Якутии. Хотя исторические связи предков якутов и монголов и раньше находились в сфере внимания ученых (в первую очередь исследователей этногенеза), теперь появились новые гипотезы относительно влияния Чингисхана и средневековых монголов на якутскую культуру. Например, предпринимаются попытки доказать, что якутское божество судьбы Чынгыс Хаан – это обожествленный образ монгольского правителя [Бравина]. В интернете можно найти разработку урока для школьников по теме «Джасак Чингисхана в формировании менталитета народа саха», где утверждается, что свод законов (Яса или Джасак) Чингисхана предопределил «фундаментальные ценности этнического самосознания» якутов [Никифорова].

В медиапространстве Якутии время от времени привлекают к себе внимание новости, так или иначе говорящие о связи республики с Чингисханом. Среди последних таких сообщений – новость о том, что могила Чингисхана может находиться в Якутии, как предполагает геолог Василий Чемезов [Попов]. Заметим, что местоположение могилы Чингисхана – одна из самых больших зага-

док в истории монгольского правителя. Разные страны и регионы Азии «соперничают» за право считаться местом упокоения Чингисхана. То, что в Якутии тоже возник свой нарратив о могиле Чингисхана, говорит о сохраняющейся значимости его образа для локальной исторической памяти.

Можно заключить, что в постсоветский период одним из новых направлений конструирования национальной исторической памяти в Якутии стало утверждение связи якутов с Чингисханом. Ярче всего эта тенденция проявилась в сфере художественного творчества – в романе Н. Лугинова «По велению Чингисхана», во многом повлиявшем на представления о монгольско-якутских связях, и его экранизации – фильме «Тайна Чингис Хаана». Проявляется она также в научном, образовательном и медиадискурсе, которые транслируют различные гипотезы о наследии эпохи Чингисхана в якутской культуре.

Литература и источники

Бравина Р.И. Чингисхан в мифологеме судьбы якутов // Международный фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/konferencii/2-aya-konferenciya/chingisxan-v-mifologeme-sudby-yakutov> (дата обращения: 31.07.2024).

Леонтьева Ж.В., Анисимов А.Б. Роль фильма «Тайна Чингисхаана» в развитии и феномене якутского кино // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – №5-3 (107). – С. 174–178.

Лугинов Н.А. По велению Чингисхана: роман: кн. первая и вторая / пер. с якут. В. Карпова и Н. Шипилова. – М.: Сов. писатель, 2001. – 606 с.

Никифорова Т.И. Джасак Чингисхана в формировании менталитета народа саха // Первое сентября. Открытый урок. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/638483> (дата обращения: 31.07.2024).

Попов В. «Могила Чингисхана может находиться в Якутии» // Якутск вечерний. URL: https://vecherniy.com/news/mogila_chingiskhana_mozhet_nakhoditsja_v_jakutii/2023-10-14-1446 (дата обращения: 31.07.2024).

Сидоров О.Г. Воплощение идеи национальной идентичности в якутской литературе. Истоки и эволюция: дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2019. – 228 с.

Ищенко О.В., д.и.н.

Развитие образования в Якутской области в контексте вовлечения окраин в имперское пространство в конце XIX – начале XX в.

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления развития образования в Якутской области в конце XIX – начале XX в., способствовавшие русификации и культурной унификации окраинных территорий.

Ключевые слова: образование, империя, окраины, Якутская область, культурное пространство, интеграция, унификация.

**The development of education in the Yakut region in the context
of the involvement of the suburbs in the imperial space in the late
XIX – early XX centuries**

Abstract. The article is devoted the main directions of education development in the Yakut region in the late XIX – early XX centuries, which contributed to the Russification and cultural unification of the outlying territories.

Keywords: education, empire, suburbs, Yakutsk region, cultural space, integration, unification.

На рубеже XIX – XX в. Россия представляла собой огромное государство, на территории которого проживало около 200 разных народов, имевших разный уровень развития и принадлежавших к различным конфессиям. В этих условиях важнейшую роль играла политика власти, ориентированная на интеграцию окраинных территорий в единое имперское пространство при сохранении части традиций, ценностей и установок этнических групп [Красняков, 2009, с. 16–20].

Самой большой и слабозаселенной окраинной территорией России на протяжении веков являлась Сибирь, к которой нередко относили все азиатские владения России, за исключением Закавказья и Средней Азии. Крупнейшим по площади из российских регионов в начале XX в. была Якутская область, на территории которой проживало 330 тыс. чел. (по данным на 1914 г.), а плотность населения на кв. версту была всего 0,09 чел. [Россия. 1913 г., 1995]. Основную массу населения области (более 90%) составляли якуты, доля русских оставалась незначительной (около 7%), несмотря на целенаправленные усилия власти по переселению за Урал служилых людей и крестьян для обеспечения там стратегического присутствия русского населения [Дамешек, 2018, с. 61–62].

Одним из важных направлений государственной политики являлась борьба с язычеством и христианизация коренного населения окраин. Неслучайно поэтому в Якутске в 1818–1819 гг. было открыто духовное училище, с 1858 г. начала работу Якутская духовная семинария, в 1888 г. – Якутское епархиальное женское училище [Оглезнева, 2000].

Во второй половине XIX в. усиливаются тенденции к развитию светского образования в регионе. В 1869 г. уездное училище в Якутске было преобразовано в мужскую прогимназию, а в 1890 г. прогимназия получила статус реального училища. В 1882 г. была открыта Якутская женская прогимназия, ставшая с 1899 г. гимназией. Всего к началу XX в. в Якутской области действовало 84 учебных заведения, 4 из которых были средними, остальные низшими [История Сибири, 1968, с. 368–369, 427].

Более быстрый рост числа начальных школ был обусловлен необходимостью обучения детей коренного населения окраин для вовлечения их в культурное пространство империи, что отчетливо прослеживается в Записке главного инспектора училищ Восточной Сибири о состоянии школьного образования среди инородцев Иркутского генерал-губернаторства (1911 г.), ставившей целью «расположить к себе» аборигенное население «путем образования и распространения русской культуры». Для этого в Записке предлагалось развивать среди инородцев начальное образование, преподавать в учительских семинариях языки местных народов и издавать на них учебники [РГИА. Ф. 733. Оп. 227. Д. 115. Л. 1–5].

Нехватка подготовленных педагогов начальных школ, учащимися в которых преимущественно были дети коренного населения, привела к открытию в Якутске в 1912 г. учительских курсов. В 1914 г. курсы были преобразованы в учительскую семинарию, среди воспитанников которой было большинство якутов [История Сибири, 1968, с. 428].

В то же время преобладание в Якутской области кустарных производств [Бурнашева, 2008, с. 49] определило фактическое отсутствие здесь технических учебных заведений. Перспективной могла стать подготовка кадров для золотопромышленности, но этот вопрос в дореволюционный период не был решен.

Таким образом, основные тенденции развития сети учебных заведений в Якутской области на рубеже XIX – XX в. свидетельствуют о стремлении власти использовать образование как механизм вовлечения окраин в имперское пространство путем подготовки профессиональных служителей культа в православных духовных школах и повышения образовательного уровня населения путем получения элементарных знаний, в том числе, знания русского языка, в светских начальных учебных заведениях.

Литература и источники

Бурнашева Н.И. Формирование условий для становления местной промышленности Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2008. – №1. – С. 46–50.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской модели управления XIX в. // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – №433. – С. 59–63.

История Сибири. Т.3. – Л.: «Наука», 1968. – 532 с.

Красняков Н.И. Интеграция этносов и регионов в единое политико-правовое пространство: к характеристике научной категории «империя» // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – №9. – С. 16–25.

Оглезнева Т.Н. «Жителям тамошнего края представить способ к обучению...» (Народное образование в Якутии XIX – начала XX веков) // Илин: исто-

рико-географический, культурологический журнал. – 2000. – №2 (21). URL: <http://ilin.sakhaopenworld.org/2000-2/33.htm> (дата обращения: 20.04.2024).

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 227. Д. 115.

Россия. 1913 г. Статистико-документальный справочник. – СПб.: «Блиц», 1995. – 548 с.

Краснопольский Б.Х., д.э.н.

**Инверсионные процессы в развитии отраслей специализации
северо-арктических территорий Дальнего Востока и формирование
инфраструктурно-инновационного «мезокластера»**

Аннотация. Цель исследования – анализ текущей социально-экономической ситуации на исследуемых территориях, выявление кризисных инверсионных процессов в их отраслях специализации и обоснование формирования инфраструктурно-инновационного «мезокластера» как механизма преодоления кризисных ситуаций в данной зоне.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ); Северо-арктические территории Дальнего Востока; Северо-Восточный мезорегион; кластерный подход; «мезокластер»; инверсионные процессы; геостратегические территории.

**Boris Krasnopolsky,
Doctor of Economics Sciences**

**Inversion Processes in the Development of Specialization Industries in the
Northern Arctic Territories of the Far East and the Formation of an Infra-
structural-Innovative «Mesocluster»**

Abstract. The purpose of the research is to analyze the current socio-economic situation in the studied territories, to identify crisis inversion processes in their branches of specialization and to substantiate the formation of an infrastructural and innovative «mesocluster» as a mechanism for overcoming crisis situations in this zone.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation (AZRF); North Arctic territories of the Far East; Northeastern mesoregion; cluster approach; «mesocluster»; inversion processes; geostrategic territories.

Данное исследование является продолжением ранее выполненных автором работ [Краснопольский, 2024; 2023]. В них внимание было сосредоточено на нескольких ведущих, как видится автору, проблемах развития исследуемого пространственно-хозяйственного образования, включающего северо-арктические территории Дальнего Востока. К ним относятся непосредственно ар-

критические территории, которые по национальной классификации Арктической зоны РФ (АЗРФ) включают тринадцать арктических улусов (районов) Республики Саха (Якутия) и районы Чукотского автономного округа, а также высокоширотная зона Крайнего Севера – срединные территории Республики Саха (Якутия) и районы Магаданской области. Эта зона имеет тесные инфраструктурные интеграционные связи с арктическими территориями в основном посредством их магистральных критических элементов инфраструктуры (транспорт, энергоснабжение и социальная инфраструктура), сложившиеся в течение длительного исторического периода развития всех этих территорий¹.

Именно эти районы в совокупности здесь рассматриваются как Северо-Восточный мезорегион, составляющий высокоширотную часть Дальневосточного макрорегиона. Методологические подходы к данному исследованию вытекают из теорий пространственной экономики, инфраструктуры, инверсионных процессов, кластерного анализа, а также из опыта изучения Арктики [Минакир и др., 2020; Минакир, Демьяненко, 2014; Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика..., 2021; Инфраструктура пространственного развития..., 2020; Кластерная экономика..., 2015; Севастьянов, 2017; Baker, 2021; Carlsson и др., 2013].

К ведущим проблемам этого региона автор относит следующие.

Первое – это четко наблюдаемые в реальной хозяйственной практике процессы формирования на их базе более интегрированного в инфраструктурном плане *Северо-Восточного мезорегиона* как высокоширотного сектора Дальневосточного макрорегиона. Причины этих процессов – особенности развития данных территорий в суровых природно-экологических условиях Арктической зоны РФ (АЗРФ), что вызывает «усеченный» характер их социально-экономического развития и специализацию в основном на добычных отраслях.

Второе – это возникающие и усиливающиеся как в современном периоде, так и в особенности в перспективе весьма существенные *инверсионные процессы* в использовании рыночных и плановых методов территориального и отраслевого регулирования их развития. Это выражается в *обратных реакциях* в использовании рыночных подходов в отраслях специализации по добыче минерально-сырьевых ресурсов, вызывающих массовый отток пришлого населения из этих районов. Рыночные методы, обеспечивая определенную экономическую эффективность в чисто производственной сфере, в итоге противоречат требованиям по обеспечению социальной и геостратегической устойчивости данного северо-восточного сектора АЗРФ в целом.

И третье – это *изменения в системе государственного регулирования* стратегического развития Дальневосточного макрорегиона, которые намечены

¹Эта зона ограничена с юга 60-й параллелью, захватывая г. Магадан, т.к. южные районы Якутии ниже этой параллели относительно северо-арктических территорий республики, как можно видеть из анализа их развития, более «привязаны» к хозяйственным системам южных территорий Дальнего Востока, а в северо-арктической зоне они не участвуют непосредственно в системе территориально-распределенных хозяйственных взаимоотношений и интеграционных взаимосвязей.

в правительственных структурах. В частности, глава Минвостокразвития А. Чекунов предложил новый подход к стратегическому прогнозированию развития Дальнего Востока, а именно – разделить этот макрорегион на четыре подрегиона, учитывая существенный их «разброс» по природно-климатическим условиям, по специфике хозяйственного развития и другим параметрам. В числе этих структур он выделил и северо-арктический подрегион, а именно - территории вечной мерзлоты: Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Чукотский автономный округ, которые занимают почти 60% площади и включают 15% населения всего Дальнего Востока¹.

Анализ разведанных минерально-сырьевых ресурсов территорий Северо-Восточного мезорегиона показывает, что этот регион является крупнейшим в стране центром по их запасам, что демонстрирует высочайший не только в стране, но и в мире минерально-сырьевой потенциал этих территорий, который по своей структуре может в дальнейшем осваиваться не только в части уже разрабатываемых видов ресурсов, но и новых их видов. И его, видимо, нужно целенаправленно развивать в дальнейшем как *единый пространственно-хозяйственный комплекс*, который здесь называется «мезокластером».

При этом базой для его формирования могут стать те отраслевые «микрокластеры» низового уровня, которые формируются на рассматриваемых территориях. Кластерный подход, как подчеркивают все разработчики долгосрочных стратегий новой промышленной политики этих территорий, должен войти в практику их реализации. Так, в стратегию социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) включено создание *Алданского промышленного кластера*. В его рамках планируется развивать проекты по добыче и переработке полезных ископаемых, производству сжиженного природного газа, производства аммиака и селитры. На развитие золотодобычи большое влияние окажет создание *Кючусского кластера*, запасы которого по предварительным оценкам могут достигнут 250–280 т золота. Также создается *Эльгинский угледобывающий кластер*, где извлекается более половины добычи угля в республике. Общая его мощность достигла 24,5 млн. т угля в год². В Магаданской области развитие золотодобычи связано в значительной степени с разработкой месторождений *Яно-Колымской золоторудной провинции*, где крупнейшими месторождениями являются Наталкинское и Павлик, что в недалеком будущем составит около половины всего золота, добываемого на территории области.

¹Дальний Восток предложили поделить на четыре макрорегиона. 24.11.2022. URL: <https://www.pnp.ru/economics/dalniy-vostok-predlozhili-podelit-na-chetyre-makroregiona.html> (дата обращения: 12.07.2024).

²Закон Республики Саха (Якутия) «О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года». URL: <https://budget.sakha.gov.ru/Menu/Page/218> (дата обращения: 14.07.2024) и Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года. URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3204989> (дата обращения: 14.07.2024).

На их базе тоже формируется горнодобывающий кластер¹. В Чукотском автономном округе в сырьевом секторе сосредоточено внимание в основном на двух направлениях, а именно: на освоении *Баимской рудной зоны* и на дальнейшем формировании комплекса *Беринговского каменноугольного бассейна* с доведением добычи на нем до 7 млн. тонн. На базе этих двух крупнейших месторождений также формируются кластеры по добыче полезных ископаемых².

В целом, «мезокластерный» подход, предлагаемый в данной статье, позволит *сократить до минимума конкуренцию* администраций территорий по «выбиванию» финансовых средств из различных государственно-частных источников для освоения подчас аналогичных добываемых ресурсов. И при этом сосредоточить *максимальное внимание* на нейтрализации инверсионных процессов в *кооперационных связях* данных территорий в инфраструктурно-инновационной сфере и противодействующей ей межрегиональной *конкуренции*. Это позволит рационально распределить их добычную специализацию по каждой из территорий в целях получения как определенных региональных эффектов, достаточных для поддержания социально-экономического развития каждого региона, так и, самое главное, комплексного, интегрального эффекта для страны в целом за счет роста социально-геостратегической устойчивости всего мезорегиона на восточно-арктических рубежах нашего государства.

В целом, анализ данных по развитию промышленно-производственной сферы северо-арктических территорий Дальнего Востока и их отраслей специализации, ориентированному на освоение богатого минерально-сырьевого потенциала этих территорий, показывает, что здесь с позиций интересов страны требуется *проведение глубокой ревизии* направлений специализации в добычных отраслях каждой территории, рассматривая Северо-Восточной мезорегион как единое пространственно-хозяйственное образование.

В результате этой ревизии будет определена *внутри-кластерная конкуренция отраслей специализации*, действующая в разумных и минимальных пределах на низовых уровнях входящих в него территорий, а также выявлены направления *ускоренного развития кооперативных связей* между ними по созданию разветвленной сети критической и инновационной инфраструктуры, обмену инновационными методами в области новых технологий, использованию рабочих кадров и специалистов и их обучению, формированию более устойчивой системы опорных населенных пунктов и закреплению здесь населения и др.

Также сама структура модели «мезокластера» даст возможность *объединить как рыночные методы* организации производства на его первичных «этажах»

¹Стратегия социально-экономического развития Магаданской области на период до 2030 года (с изменениями на 26 мая 2023 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/561763699> (дата обращения: 14.07.2024).

²Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2035 г. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ea5379aae18885e5a4a5a8c24e68c0a0/proekt_strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_chukotskogo_avtonomnogo_okruga_do_2035_goda.pdf (дата обращения: 07.07.2024).

в интересах бизнеса, так и *программно-целевые плановые методы* управления развитием рассматриваемых территорий на «высших» этапах формирования Северо-Восточного мезорегиона в целом в государственных интересах.

Литература

Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика: на перекрестке двух океанов и континентов / отв. ред. Б.Х. Краснопольский; Институт экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. – 248 с.

Инфраструктура пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение / под ред. к.э.н. О.В. Тарасовой. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. – 456 с.

Кластерная экономика и промышленная политика: теория и инструментарий: коллективная монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. – СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2015. – 588 с.

Краснопольский, Б.Х. Северо-арктические территории Дальнего Востока: влияние инфраструктурных факторов на процессы трансформации пространственного развития региона. Экономика региона. – №20(2). – 2024. – С. 513–530. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-X>.

Краснопольский Б.Х. Инфраструктура и пространственная экономика: теоретические и прикладные исследования / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023. – 234 с.

Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. – 2020. – Т.16. – №1. – С. 66–99. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.066-099>.

Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике / отв. ред. В.М. Полтерович. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. – 272 с.

Севастьянов Д.А. Жизненный цикл организации и инверсивные отношения // Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2017. – №2 (19). – С. 53–59. DOI: 10.12737/article_595cec5d46e499.15243210.

Baker B. Beyond the Northern Sea Route: Enhancing Russian-United States Cooperation in the Bering Strait Region // Polar Perspectives. – 2021. – No. 8. – P. 1–27.

Carlsson R., Otto A., Hall J.W. The role of infrastructure in macroeconomic growth theories // Civil Engineering and Environmental Systems. – 2013. – Vol.30 (3-4). – P. 263–273.

Кузьмина Р.П., к.ф.н.

Концептосфера «времена года» в языковой картине мира эвенов

Аннотация. Предпринимаемое исследование обусловлено научным интересом к феномену взаимодействия языка и культуры как способу сохранения

национальной идентичности, неизученностью эвенской концептосферы и способов ее осмысления в языковом сознании этноса.

Ключевые слова: языковая картина мира, календарь, времена года, лингвокультура, мировосприятие, номинация.

Raisa Kuzmina, PhD

The concept sphere of the seasons in the language picture of the world of the evens

Abstract. The undertaken research is due to scientific interest in the phenomenon of interaction of language and culture as a way of preserving national identity, the lack of study of the Even conceptual sphere and ways of its understanding in the linguistic consciousness of the ethnic group.

Keywords: linguistic picture of the world, calendar, seasons, linguaculture, worldview, nomination.

В эвенской языковой картине мира ключевым репрезентантом концепта *зима* выступает лексическая единица *тугэни* и ее диалектные фонетические варианты, восходящие к тунгусо-маньчжурскому корню-слову *тугэ-* 'зима'. В лингвокультуре эвенов концепт «зима» обладает обширным номинативным полем, в его состав включены доминантные составляющие зимнего сезона – *холод, снег, вьюга, пурга, лед, мерзлота*, обладающие различными структурными концептуальными признаками.

В эвенском языке с дефиницией *холод, мороз, стужа*, используются полисемичные лексические единицы – *иуэнь, иуэн'си, хялта, идя*. Исследование когнитивных концептуальных признаков *холода* позволило выявить ряд дифференциальных ассоциативных признаков, наиболее распространенными из которых являются зооморфные, витальные и признаки занятий: *Хялта ичэк нинмадас, нив-дэ эти одяр...* [Кривошапкин, 2018, с. 130]. 'Мороз подобен злой собаке, которая никого не бережет (щадит)' (букв.); *Эррочин хялтаду дел-да кабамгаран, хякита нян калтамгаран...* [Кривошапкин, 2018, с.71]. 'В зимнюю стужу, даже камни не выдерживают и лопаются, и лиственницы раскалываются...'; *Хэтэкэтти тугэни...* [Кривошапкин, 1995, с. 147]; 'Щипающий мороз...'.

Ценностно-оценочные признаки концепта «холод» в языковой картине мира эвенов выражены различными оценочными предикатами. В этнической картине мира критерии оценки *холода* в основном негативные и в сознании эвенов основными аксиомами холода являются такие: *холод = темнота, волки; холод = безнадежность; холод = тоска; холод = печаль; холод = страх; холод = опасность*.

Основным репрезентантом концепта «снег» в эвенском языке выступает лексическая единица *иманра* 'снег' и ее фонетические варианты, выявленные

в говорах и диалектах – *иманда~имондо*, *иманна*, *имса*, производные от глагольной основы *иман-* ‘идти снегу’. Корреляции лексемы *иманра* с такой же дефиницией выявлены во всех языках тунгусо-маньчжурской группы. В результате исследования понятийных признаков концепта в лингвокультуре эвенов обнаружено более 50 номинаций снега, дифференцирующихся в языке по различным признакам: по плотности, по времени таяния, по толщине покрова, по форме, по размеру. В сознании носителей языка определены следующие образные концептуальные признаки: антропоморфные, зооморфные, признаки строения, предметные, колоративные, витальные.

Ключевыми репрезентантами концептов «вьюга» и «лед» в эвенской лингвокультуре являются полисемичные лексические единицы *хуги* ‘метель, вьюга, буран, пурга, ураган, буря’, *хуннэ* ‘вьюга, метель, буря, ураган, пурга, буран’ и *бөкэс* ‘лед, льдина; ледяной, подледный’. Среди выделенных когнитивных признаков концепта «вьюга» преобладают витальные признаки, так же распространёнными являются зооморфные, антропоморфные, признаки стихий, предметные, орнитологические, выраженные в виде метафор и сравнительных конструкций. При концептуализации образной составляющей концепта «лед» в лингвокультуре эвенов отмечены витальные и орнитологические признаки. В числе ценностно-оценочных признаков данных концептов отмечено негативное отношение носителей языка к таким явлениям зимнего сезона как *наледь*, *мерзлота*. В этническом мировоззрении отношение к *вьюге*, *пурге*, *метели* амбивалентное. С одной стороны эти природные явления, безусловно, являются опасностью для человека, с другой *пурга* – это родная стихия и образ *пурги* в большинстве случаев персонифицируется.

В лингвокультуре эвенов в ядро номинативного поля концепта «весна» включены лексемы, объективирующие два периода весеннего сезона. Репрезентантами первого периода весны выступают однокоренные лексические единицы *нэлкэ* с дефиницией ‘первая половина весны (до появления зелени); весной (ранней, в первой половине)’ и *нэлкэни* ‘весна (первая половина)’. Синонимом лексемы *нэлкэ* по смысловому содержанию в эвенской языковой картине мира выступают, зафиксированная в арманском диалекте лексическая единица *нэлкэрэптэ* со значением ‘период ранней весны’ и тотемная лексема *унилса* с дефиницией ‘время таяния снега (ранняя весна)’ [Роббек, 2005]. Первый весенний сезон *нэлкэни* в этнической культуре соответствуют *февралю* ‘эври мир’ и *марту* ‘эври ечэн’.

В результате исследования внутренней формы слова *нэлкэни* выявлены такие мотивирующие признаки концепта: *нэлкэни* – первая половина весны (до появления зелени), время таяния снега, период ранней весны, предвесенье, весна света, время скрипящего наста, время охоты на лося гоньбой на лыжах, завершение охоты на пушного зверя [ССТМЯ 1975; Роббек, 2005; Попова, 1981, с. 61].

Второй период весеннего сезона в эвенской лингвокультуре, охватывающий апрель-май вербализован лексическими единицами *нэгни* ‘весна (вторая поло-

вина, после появления зелени)` и *нэгнэни* `поздняя весна`. В календаре эвенков этот весенний период представлен двумя месяцами – *апрель* `эври билэн` и *май* `эври унма`.

В эвенском языковом сознании в понятийное поле концепта «весна» включены признаки, характеризующие природные явления весеннего сезона: *нэлкэрэп иманра* `весенний снег`, *ундидди бөкэс* `тающий лед`, *мокинна ураддин* `пробуждение природы`, *нечэлбэдек*, *чулбаргадяк* `цветение природы`, *нэлкэрэп тылка*, *нэлкэрэп мөдэ* `весеннее половодье`, *биракчан* `ручей`, *нэлкэрэп хабда* `весенняя капель`, *нонап удан* `первый дождь`, *чивкачар икэнмэитэн* `пение птиц`, *нөлтэн* `солнце`.

Выявленные в содержании концепта «весна» образные признаки дифференцируются следующим образом: витальные, предметные, перцептивные, стихийные, артефактные, антропоморфные, признаки занятий, ментальные и зооморфные. В национальном сознании весенний сезон характеризуется в основном позитивной оценкой. Аксиологические характеристики концепта выражены рядом позитивных реакций на слово ВЕСНА у носителей языка: весна = жизнь; весна = счастье; весна = тепло; весна = свет; весна = радость; весна = пуночки; весна = слет оленеводов.

В лингвокультуре эвенков концепт «лето» реализован общеэвенской лексемой *дюганчи* со значением `лето, летний сезон`, производной от корневой основы *дюга-*, корреляции которой выявлены во всех тунгусо-маньчжурских языках, также в монгольских и в древнетюркском языках. Лексическая единица *дюгани* обладает довольно обширным деривативным полем. Синонимический ряд представлен лексемой *ирэли*, *ирулду* с дефиницией `лето, летний сезон`, зафиксированной в некоторых западных говорах эвенского языка. Характеристика этимологического слоя лексем-репрезентантов концепта позволили определить, что основным семантическим содержанием летних месяцев является следующее: *июнь* – длительная летняя стоянка, месяц новой зелени, месяц появления комаров, оводов; *июль* – месяц травы, растительности, пора выращивания оленят; *август* – месяц увядания зелени (природы), начало поры золотой осени.

В структуре концепта «лето» в ЯКМ эвенков выявлены различные образные концептуальные признаки: витальные, колоративные, предметные, антропоморфные, зооморфные, признаки занятий. В национальной картине мира летний сезон с ее солнечными, жаркими днями, с цветением природы, с пением птиц характеризуется как самый благоприятный сезон и выступает само по себе как ценность. Негативной оценкой обладают такие природные явления лета, как *комары* `куличан, кулин, колисан` и *оводы* `иргата́л`, являющиеся отрицательными признаками не только для людей, но и для оленей – главной ценности для эвена-кочевника.

В эвенской лингвокультуре зафиксированы два переходных сезонов осени: *мөнтэлсэ* `осень (первая половина, до снега); осенью` и *болани* ~ *болони* `осень (вторая половина, после выпадения первого снега); осень (вообще)`. Ре-

презентант концепта *болани* ~ *болони* является рефлексом тунгусо-маньчжурского корня-слова *боло*- 'осень'.

Эвенская лексема, вербализующая первый период осени *мөнтэлсэ* производна от корня *му*- 'вода', аналогичные лексемы зафиксированы не только в тунгусо-маньчжурских языках, но и в письменно-монгольском, корейском и китайском языках. Данный период в лингвокультуре эвенов начинался с конца *ойчири чордакич* 'августа' и начало *ойчири унма* 'сентября'. Период *мөнтэлсэ* в традиционном хозяйствовании эвенов делится два этапа – *мөнтэлсэк* 'осеневка' и *энтивчек* 'время спаривания оленей' [Попова, 1981, с. 60].

В ментальное пространство концепта включены следующие понятийные признаки: увядание природы, колоративный признак (золотая, желтая), ягоды, грибы, полет птиц в теплые края. При описании осеннего сезона в индивидуально-авторской картине мира используются следующие образные концептуальные метафоры: колоративные – *хиүаня болани* 'желтая осень', признаки занятий – *кингага хигикан* 'звонкая осень', витальные – *болони мэринни* 'осень закружилась' и др.

В этническом сознании эмоционал осени амбивалентен. В поэтическом дискурсе эвенов частотным является ассоциации осени с грустью, с печалью, с увяданием природы: *Эбдэнрэй бэридди хигиндяв, Набуста оврача итми, дя! Эрэли бэкэчин хивкэнчин...* [Кейметинов, 2013, с. 49]. 'О, как мучительно наблюдать за тайгой, теряющей свою листву! Вокруг стоит тишина...'

Позитивные оценки осени в картине мира этноса связаны с хозяйственной деятельностью эвенов: сбор ягод и грибов, отпуск оленей на свободный выпас, исчезновение гнуса, охота на снежного барана, время охоты на черношапочного сурка.

В сознании носителей языка выявлены различные символические признаки концептов времен года: *зима* – символ темного начала, конца жизни; *весна* – символ молодости, жизни и света; *лето* – символ красоты, радости; *осень* – старости и приближения смерти: *Нэлкэ эмрин – Бини хурэн, Тарак хурэн – Нэрин удит* [Лебедев, 2009, с. 56]. 'Приход весны – верхушка жизни, То начало – светлая дорога...'; *Хиратандяв тугэнив, Нөсэлэдэр нэлкэнив, Эрэгэр хани дюганив, Хагдандидди боланив...* [Лебедев, 2009, с. 72]. 'Злую зиму, Молодую весну, Всегда нарядное лето, Стареющую осень...'

Таким образом, в языковой картине мира эвенов концепты *зима*, *весна*, *лето*, *осень* – составляющие единого концепта *времена года* – входят в категорию универсальных концептов и являются значимыми в эвенской концептосфере. Концепты *времен года* представляют собой структурированное номинативное поле, содержащие как ядерные средства языкового выражения, так и периферийные компоненты. Концептуальное поле сезонов года включает в семантике составляющих их лексических единиц различные структурные признаки, определяющие место концептов в языковом сознании носителей эвенского языка.

Литература

- Бурыкин А.А. Малые жанры эвенского фольклора. Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 288 с.
- Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис. 2009. – 406 с.
- Кейметинов В.С. Дентуралби анирам: дентурал. – Якутск: Бичик, 2013. – 64 с.
- Колесов В.В. Основы концептологии. – СПб.: Златоуст, 2019. – 776 с.
- Кривошапкин А.В. Песни Севера. Стихи. – Якутск: Бичик, 1995. – 256 с.
- Кривошапкин А.В. Тормита буюсэмнэ. – Якутск: Бичик, 2018. – 208 с.
- Кривошапкин А.В. Бини – ачмудна хөвнэк. – Якутск: Бичик, 2019. – 256 с.
- Лебедев В.Д. Икэ эжин: стихи. – Якутск: Бичик, 2009. – 128 с.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 208 с.
- Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с.
- Попова У.Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917–1977 гг. – М.: Наука, 1981. – 301 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
- Роббек В.А. Эвенско-русский словарь / В.А. Роббек, М.Е. Роббек. – Новосибирск: Наука, 2005. – 353 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: В 2 т. / отв. ред. В.И. Цинциус. – Л.: Наука, 1975. – Т.1. – 672 с.; 1977. – Т.2. – 992 с.
- Степанов Ю.С. Константы: русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

Кушнарева М.Д., д.и.н.

**Роль якутского купца В.И. Фефилова в торгово-хозяйственном освоении
арктических районов и северо-восточного побережья
Охотского моря в начале XX в.**

Аннотация. В статье рассматривается торгово-хозяйственная деятельность якутского купца 2-й гильдии В.И. Фефилова на побережье Охотского моря в начале XX в. Автор выявил вклад Фефилова и других представителей компании «М.А. Коковин и И.А. Басов» в процесс освоения арктических территорий Северо-Восточной Сибири.

Ключевые слова: торгово-хозяйственное освоение, Северо-Восточная Сибирь, арктические территории, В.И. Фефилов.

The role of the Yakut merchant V.I. Fefilov in the trade and economic development of the Arctic regions and the North-Eastern coast of the Sea of Okhotsk at the beginning of the 20th century

Abstract. The article examines the trade and economic activities of the Yakut merchant of the 2nd guild V.I. Fefilov on the coast of the Sea of Okhotsk at the beginning of the 20th century. The author identified the contribution of Fefilov and other representatives of the company «M.A. Kokovin and I.A. Basov» in the process of development of the Arctic territories of North-Eastern Siberia.

Keywords: trade and economic development, North-Eastern Siberia, Arctic territories, V.I. Fefilov.

В конце XIX – начале XX вв. российское государство проявляло интерес в освоении северо-восточного участка побережья Охотского моря и прилегающих к нему территорий Русской Арктики. Основной задачей в этом направлении являлось обустройство береговой инфраструктуры, развитие судоходства и интенсификация перевозки грузов морским путем. Арктические экспедиции и исследования проводились как на средства казны, так и на частные капиталы сибирского купечества, заинтересованного в поиске оптимальных путей доставки коммерческих грузов в отдаленные и труднодоступные районы Сибири и Дальнего Востока. Усиление американской и японской экспансии, вызвало необходимость защиты национальных интересов на северо-восточных рубежах Российской империи. В более ранний период, этому процессу способствовала деятельность Российско-Американской компании. Ею были заложены направления торгово-хозяйственного освоения тихоокеанских рубежей Российской империи, проведены масштабные исследовательские экспедиции, создана торгово-транспортная инфраструктура, включавшая сухопутные, речные и морские тракты, порты и систему управления ими. В 1869 г. портам Охотского моря – Аяну, Нелькану и Оле было дано право беспошлинного ввоза товаров, что привлекло сюда якутских предпринимателей, которые после прекращения деятельности Российско-Американской компании продолжили на собственные средства заниматься освоением северо-восточного побережья Охотского моря. Сформированный в предшествующие периоды крупный капитал компаний, позволял расширять районы торговых операций и вкладывать средства в развитие инфраструктуры. В этом направлении привлекает внимание деятельность якутского купца В.И. Фефелова, который активно занимался торгово-хозяйственным освоением прибрежных территорий Охотского моря в начале XX в.

Якутский купец 2-й гильдии В.И. Фефилов – уроженец Иркутской губернии [Казарян, 2012, с. 99]. Начал свою карьеру в 1890-х гг. в качестве приказчика

«Приамурского товарищества». В 1890–1899 гг. фирма передала все свои операции преемнику – торговому дому «М.А. Коковин и И.А. Басов» из-за ликвидации предприятия в связи с удаленностью главной конторы от операционных мест [Энциклопедический словарь..., 2012, с. 324]. В.И. Фефилов в 1890–1905 гг. занимался разъездной меновой торговлей с коренным населением в долине реки Колымы, на Камчатке и Чукотке [Кушнарева, 2014, с. 25]. В 1905 г. он принял под отчет Охотское отделение фирмы «М.А. Коковин и И.А. Басов» [НА РС(Я). Д. 3. Л. 18]. В 1906 г. В.И. Фефилов получил купеческое свидетельство 2-й гильдии и вплоть до 20-х гг. XX в. служил доверенным лицом торгового дома в опорных пунктах на побережье Охотского моря [НА РС(Я). Д. 9. Л. 34].

Во второй половине XIX в. внимание властей и представителей сибирского купечества привлекли порты Охотского моря – Аян, Нелькан и Ола, которым в 1869 г. было даровано право беспошлинного ввоза товаров [Закон..., 2010, с. 89]. Однако, Аян и Нелькан находились вдали от маршрута следования судов по Северному морскому пути. В отличие от них, бухта Ола, могла стать важным пунктом доставки грузов по маршруту Северного морского пути – Владивосток – Петропавловский порт.

В бухту Ола впадала одноименная река, пригодная для развития по ней судоходства. Река Ола, протяженностью 166 км берет свое начало на склонах Ольского плато на водоразделе Охотского и Восточно-Сибирского морей и впадает в Тауйскую губу Охотского моря. Следовательно, грузы, доставленные Северным морским путем в Петропавловск-Камчатский, могли перегружаться на шхуны и доставляться в Олу для дальнейшей отправки речным, затем сухопутным путем в отдаленные районы Северо-Восточной Сибири.

Развитию береговой инфраструктуры р. Ола была посвящена хозяйственная деятельность В.И. Фефилова, который, совместно с администрацией Якутской и Приморской областей, участвовал в поисках удобных путей захода морских судов в Ольскую бухту, снаряжал коммерческие экспедиции, занимался обустройством путей сообщения. В 1890 г. «Приамурское товарищество» выступило с предложением обустройства стоянки морских судов в бухте Ола, для выгрузки грузов с пароходов, следовавших СМП из Владивостока в Петропавловский порт. Оттуда грузы могли транспортироваться в арктические районы Северо-Восточной Сибири по Ольско-Колымскому тракту.

В 1892 г. по поручению компаньонов «Приамурского товарищества» В.И. Фефилов снарядил за счет фирмы экспедицию на р. Ола. Основной ее целью было изучение судоходных качеств реки и обустройство Ольско-Колымского тракта. Исследовав побережье Охотского моря, В.И. Фефилов при содействии Охотского окружного исправника Сергея Афанасьевича Херсонского выбрал удобный по мореходным качествам пункт – Ольскую бухту. По результатам экспедиции, В.И. Фефилов впервые на зафрахтованном пароходе доставил в расположенное на берегу село Ольское товары для торговли с населением. По описаниям, сделанным В.И. Фефиловым во время экспедиции, Ольская бухта была удобна тем, «что пароход приближался к берегу до полверсты, отгрузка

товаров с корабля на паровой катер, баркасы и доставка на берег проводились при отсутствии сильных морских приливов и отливов» [Казарян, 2012, с. 99].

Изыскания В.И. Фефилова были продолжены другим доверенным фирмы «Приамурское товарищество» – Петром Николаевичем Калининским, который в 1893 г. снарядил новую экспедицию для исследования сухопутного Ольско-Колымского пути и обустроил на нем 11 станций [НА РС(Я). Д. 3. Л. 9].

Более подробное изучение Ольско-Колымского тракта, в качестве основной сухопутной артерии от бухты Олы до Колымы было организовано в 1893 г. С.А. Херсонским на средства Приморского областного правления. В ходе экспедиции на 445 верстовом участке пути были учреждены 11 станций, которые были перенесены в более удобные места от первоначального местоположения [Казарян, 2012, с. 102]. Одна из станций тракта, девятая по счету, получила название «Фефилова» в честь доверенного лица «Приамурского товарищества» – В.И. Фефилова.

В заключении следует отметить, что изыскания Фефилова относительно организации морских рейсов Владивосток–бухта Ола дали свои результаты. Вплоть до 20-х гг. XX в. существовало регулярное морское грузовое сообщение по данному маршруту. Из бухты Ола по зимнему пути по р. Колыме коммерческие грузы продвигались вглубь арктических районов, позволяя организовать снабжение необходимыми товарами потребления местное население. Интенсивность грузоперевозок несколько снизилась лишь после начала выполнения регулярных субсидируемых рейсов по маршруту Владивосток–устье р. Колымы. Однако, новый морской рейс следовал без захода в промежуточные пункты, что по-прежнему свидетельствовало о необходимости развития маршрута, предложенного В.И. Фефиловым.

Литература

Закон о беспошлинном и безакцизном ввозе товаров в Якутскую область через порты Камчатской и Приморской областей не распространяется на ввоз товаров в область через устье рек Ледовитого океана / Публикация подготовлена Э.М. Яковлевым // Якутский архив. – №2 (37). – 2010. – С. 89–95.

Казарян П.Л. Сухопутные сообщения Северо-Восточной России (XVII в. – 1920 г.). – Якутск: Изд-во СВФУ, 2012. – 147 с.

Кушнарева М.Д. Роль представителей торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» в освоении северо-востока Сибири в начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – №4. – С. 23–27.

Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 414. Оп. 1. Д. 3; 9.

Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2-х т. – Новосибирск: Гео, 2012. – Т.1. – 450 с.

Леонов С.Н., д.э.н.,
Заостровских Е.А., к.э.н.

**Водный транспорт Сибири и Дальнего Востока
как база развития Северного морского пути**

Аннотация. Изучены потенциальные возможности внутреннего водного транспорта Сибири и Дальнего Востока. Представлены сравнительные характеристики бассейнов рек (Обь-Иртышский, Енисейский, Ленский). Определены потенциальные объемы грузовой базы по бассейнам для Северного морского пути.

Ключевые слова: внутренний водный транспорт, грузовая база, Обь-Иртышский бассейн, Енисейский бассейн, Ленский бассейн.

Sergey Leonov,
Doctor of Economics Sciences
Elena Zaostrovskikh, PhD

**Water transport in Siberia and the far east as a base for the development of
the northern sea route**

Abstract. The potential possibilities of inland waterway transport in Siberia and the Far East have been studied. Comparative characteristics of river basins (Ob-Irtysh, Yenisei, Lensky) are presented. The potential volumes of the cargo base in the basins for the Northern Sea Route have been determined.

Keywords: inland waterway transport, cargo base, Ob-Irtysh basin, Yenisei basin, Lena basin.

В последние время внутреннему водному транспорту (ВВТ) уделяется существенно больше внимания. В первую очередь, исследуется возможность развития международного транспортного коридора «Север – Юг», где к 2030 г. планируется создать круглогодичную навигацию на внутренних водных путях Каспийского, Азово-Донского и Волго-Донского бассейнов¹. Параллельно идет поиск такой грузовой базы, которую можно возить транзитом через внутренние водные пути с выходом на Северный морской путь (СМП) [Леонов, Заостровских, 2024 (а)].

В свою очередь потенциал ВВТ Сибири и Дальнего Востока по-прежнему недооценивается и недостаточно эксплуатируется. Поэтому их перспективы связаны, с планами дальнейшего хозяйственного освоения их регионов². В действительности, они могли бы стать частью сети международных транс-

¹Для ВВТ готовят комплексное решение // Морские вести России. 20.04.2021. URL:<https://morvesti.ru/analitika/1690/89290/> (дата обращения: 20.01.2024).

²Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года от 27 ноября 2021 г., №3363-р.; Концепции развития внутренних водных путей Российской Федерации на период до 2024 года. <https://mintrans.gov.ru>.

портных коридоров, так как располагают значительным неиспользованным потенциалом, и могут выступить импульсом роста в своих регионах. В новом Плане развития СМП на 2035 года¹ впервые к транспортным задачам добавлен блок «речные транспортные коридоры», которые должны соединить Транссиб и Северный морской путь.

Магистральные реки простираются с Запада на Восток, реки Сибири и Дальнего Востока имеют меридиональные направления, которые соединяют широтные транспортные магистрали Транссиба и Северного морского пути. При этом магистральные реки Сибири и ДВ в большинстве своем имеют многочисленные боковые притоки с относительно небольшими глубинами (1,2 м). Маловодье рек приводит к каскаду проблем: снижению экономической эффективности перевозки грузов и производительности труда, удлинению рейсов, потере конкурентоспособности ВВТ, ухудшению финансового состояния судоходных компаний, отсутствию инвестиционной составляющей в тарифе, сокращению судостроительных программ [Егоров, 2021]. Главным направлением решения проблем ВВТ Сибири и ДВ являются дноуглубительные работы с учетом изменяющихся погодных и климатических условий [Щербанин, 2016]. Однако каждый из зауральских речных бассейнов имеет свою специфику и перспективы развития. Это присуще как рекам Сибири, так и Дальнего Востока, табл. 1.

Обь-Иртышский бассейн является одним из крупнейших в России, в его состав входят 14,6 тыс. км эксплуатируемых внутренних водных путей. Он имеет большое экономическое значение для 9,9 млн. жителей и пяти субъектов региона, где осуществляются грузо-пассажирские перевозки и доставка грузов в район Обской губы для добычи нефти и газа. Объем грузовых перевозок в бассейне составил 13,6 млн. т, пассажирских – 985,4 тыс. чел. Уникальность Обь-Иртышского бассейна заключается в наличии развитых альтернативных видов транспорта – железнодорожного, автомобильного, морского. Именно поэтому большинство речных портов бассейна имеют подъездные железнодорожные пути, что способствует развитию мультимодальных перевозок. В некотором смысле Обь-Иртышский бассейн по своим мультимодальным характеристикам ближе всего тяготеет к Единой глубоководной системе (ЕГС) европейской части РФ. Вместе с тем, действующая межвидовая конкуренция на транспорте приводит к потере грузовой базы на Обь-Иртышском бассейне до 4,5 млн. т.

В целом перспективы развития ВВТ бассейна будут зависеть от объемов добычи нефти и газа в Обской губе [Грузинов и др., 2019]. По оценкам экспертов в этом районе насчитывается 14 проектов по освоению нефти и газа, которые на стадии реализации проектов будут нуждаться в услугах ВВТ [Фишкин, 2019]. Соответственно в ближайшие десять лет загрузка ВВТ на бассейне будет обеспечена. Кроме того есть некоторые перспективные направления, связанные с улучшением системы перевозки: создание современной системы транспортно-экспедиционного обслуживания и терминального хозяйства в

¹План развития Северного морского пути на период до 2035 года. от 1 июля 2022 г., №2115-р

пунктах взаимодействия видов транспорта в портах; развитие пассажирских перевозок, в том числе круизное судоходство с выходом на Китай (Китай – Кош – Агач – Обь – Сабетта) [Зачесов, Бунташова, 2022].

Таблица 1

Сравнительные характеристики бассейнов
рек Сибири и Дальнего Востока*

Показатель	Обь-Иртышский	Енисейский	Ленский
Протяженность ВВТ, тыс. км	14,6	8,3	21,7
Сроки навигации, суток	150-170	150-185	127-181
Объем перевозок, млн. т	13,6	6,3	4,1
Перевозка пассажиров, тыс. чел	985,4	798,3	141,1
Действующий флот, тыс. ед.	4,5	2,4	0,9
Основные виды перевозимых грузов	Строительные, нефтеналивные, автотехника	Контейнеры, уголь, лес, нефтеналивные, строительные	Нефтеналивные, строительные
Обслуживаемые регионы	ХМАО, ЯНАО, Тюменская, Свердловская и Омская области	Красноярский край, Республика Тыва	Якутия, Хабаровский край, Магаданская и Иркутская области
Население, проживающее в бассейне реки, млн/чел.	9,9	3,7	4,7
Основные порты	Томск, Новосибирск, Нижневартовск, Уренгой, Салехард, Тобольск, Сергино	Красноярск, Лесосибирск	Якутск, Осетрово, Зеленомысский, Нижнеянский, Ленский
Перспективный транспортный коридор	Китай-Кош-Агач-Обь-Сабетта	Транссиб-Енисей-Дудинка	Китай-Джалинда-Якутск-Тикси
Потеря грузовой базы, млн. т	5,4	1,7	1,5
Потенциальная грузовая база, млн. т	19,0	8,0	5,6

¹Составлено по: Главные дороги Сибири: Енисей – люди и грузы. URL: https://www.youtube.com/watch?v=AJyjSJvK_Ms&t=3876s (дата обращения: 20.01.2024).; Главные дороги Сибири: Обь и Иртыш – люди и грузы. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Np7PrDx1JpM&t=827s> (дата обращения: 20.01.2024); «Главные дороги Сибири: Лена – люди и грузы» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7QTYvuE1kAQ&t=10397s> (дата обращения: 20.01.2024); [Дмитриева, 2023].

Енисейский бассейн образован рекой Енисей с ее притоками и одноименным заливом, соединяющим реку Енисей – одну из могучих рек России и мира – с Карским морем Северного Ледовитого океана. Поскольку Енисей – полноводная река и ей присущи высокие скорости течения, то перевозки требуют отлаженной системы безопасности. Енисейский бассейн простирается по Красноярскому краю республикам Тыва и Хакасия, объединяя 3,7 млн. чел. В 2023 г. объем перевозок по бассейну составил 6,3 млн. т. Ежегодно по Енисею перевозят стройматериалы, оборудование, продовольствие, уголь, нефтепродукты и горюче-смазочные материалы. У Енисейского бассейна есть своя характерная особенность, которая его отличает от всех остальных бассейнов страны – 30% перевозимых контейнеров по ВВТ России приходится на Енисей. Лес по Ангаре сплавляется для экспорта в Китай. Потенциальная грузовая база бассейна связана с обслуживанием месторождений в Енисейском заливе и оценивается в объеме 8 млн. т. Но дальнейшему наращиванию контейнерных перевозок мешает нерешенность проблемы межвидовой конкуренции на транспорте, что приводит к переходу части грузов на железнодорожный и автомобильный транспорт, приводя к потере 1,7 млн. т грузовой базы бассейна.

Приоритетным направлением развития перевозок ВВТ в Енисейском бассейне может стать восстановление круизных маршрутов по линии Красноярск – Дудинка¹. Однако реализация подобных прогнозов потребует проведения дноуглубительных работ для поддержания глубин до 3 м. В перспективе Енисейский участок транспортной системы «Енисей – СМП» может стать существенным грузообразующим регионом в средней части Северного морского пути [Бандман и др., 1999].

Обь-Иртышский и Енисейский бассейны объединяет один общий момент – они конкурируют между собой, так как работают на одних и тех же клиентов. Поэтому важным будет являться сбалансированное распределение грузопотоков для ВВТ.

Протяженность *Ленского бассейна* составляет 21,7 тыс. км. Он простирается далеко за пределы Республики Саха (Якутия) и захватывает соседние регионы – Магаданскую область, Хабаровский край и Иркутскую область. Уникальность Ленского бассейна заключается в организации северного завоза, который полностью контролируется республикой [Леонов, Заостровских, 2023]. В силу сложности доставки грузов, относительно небольших глубин рек, требующих при транспортировке нескольких перевалок, Правительство Якутии ежегодно утверждает план и схему северного завоза.

Перспективы развития бассейна связаны с проведением дноуглубительных работ и формированием транспортного коридора «Северный транзит», который может выступить дополнительным транспортным маршрутом «Ледяного Шелкового пути». Но для ДВ гораздо важнее то, что он явится дополнительной меридиональной трассой, соединяющей СМП и южные районы ДВ, будет

¹На водных путях Енисейского бассейна завершены дноуглубительные работы (URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/10922>) (дата обращения: 20.01.2024).

способствовать как развитию внешней торговли между Россией и КНР, так и стимулировать хозяйственное освоение зоны БАМ, развитие инфраструктуры и интеграцию ДВ России в глобальные трансазиатские маршруты [Леонов, Заостровских, 2024 (6)].

Литература

Бандман М.К., Воробьева В.В., Есикова Т.Н., Ионова В.Д., Малиновская М.А., Малов В.Ю., Цимдина З.Р., Яблочникова Я.Т. Енисей – Северный морской путь: грузообразующий потенциал Ангаро-Енисейского региона / ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 1999. – 90 с.

Грузинов В.М., Зворыкина Ю.В., Иванов Г.В., Сычев Ю.Ф., Тарасова О.В., Филин Б.Н. Арктические транспортные магистрали на суше, акваториях и в воздушном пространстве // Арктика: экология и экономика. – 2019. – №1 (33). – С. 6–20. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-1-6-20.

Дмитриева Е.В., Маслова А.П. Реки Арктической зоны как вектор развития Северного морского пути. Проблемы и потенциал эксплуатации внутренних водных путей регионов Сибири и Дальнего Востока России // Транспортное дело России. – 2023. – №4. – С. 57–59. DOI 10.52375/20728689_2023_4_57.

Егоров Г.В. Обоснование создания контейнерных судов для водного транспорта России // Судостроение. – 2021. – №3 (856). – С. 9–24. DOI 10.54068/00394580_2021_3_9.

Зачесов А.В., Бунташова С.В. Водный транспорт Сибири в планах дальнейшего хозяйственного освоения региона // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. – 2022. – №1. – С. 230–243. DOI 10.55186/02357801_2022_7_1_8.

Леонов С.Н., Заостровских Е.А. Развитие внутреннего водного транспорта в России и опыт Китая. Экономические и социальные изменения: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – Т.17. – №3. – С. 258–274. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.15.

Леонов С.Н., Заостровских Е.А. Развитие внутреннего водного транспорта Китая: секреты успеха // Региональные проблемы. – 2024. – Т.27. – №2. – С. 84–87. DOI: 10.31433/2618-9593-2024-27-2-84–87.

Леонов С.Н., Заостровских Е.А. Северный завоз как триггер развития транспорта Арктической зоны Якутии и Дальнего Востока в целом // Арктика: экология и экономика. – 2023. – Т.13. – №4. – С. 601–612. DOI 10.25283/2223-4594-2023-4-601-612.

Фишкин Д.О., Григорьев М.Н. Реализация минерально-сырьевого и логистического потенциала Арктической зоны России – как выполнить «майский» указ президента России // Российская Арктика. – 2019. – №7. – С. 41–48. <http://dx.doi.org/10.24411/2658-4255-2019-10074>.

Щербанин Ю.А. Перевозка грузов по внутренним водным путям России: Стратегия развития до 2030 года (новые возможности для нефтегазового сектора) // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2016. – Т.14. – С. 291–301.

**Особый правовой статус образовательных учреждений
Арктической зоны как фактор развития школьного образования**

Аннотация. Школьное образование в Арктической зоне Республики Саха (Якутия) требует серьезных изменений в связи с трудностями, возникающими из-за экстремальных климатических условий и уникальных этнокультурных особенностей региона. Для решения этих проблем предлагается придание образовательным организациям региона особого правового статуса. Это позволит адаптировать систему образования к местным условиям, что повысит ее качество и доступность.

Ключевые слова: Арктика, школьное образование, Республика Саха, этнокультурные особенности, дистанционное обучение, правовой статус.

Archilaan Mikhaylov

**Special Legal Status of Educational Institutions in the
Arctic Zone as a Factor for the Development of School Education**

Abstract. School education in the Arctic zone of the Sakha Republic (Yakutia) requires significant changes due to the challenges posed by extreme climatic conditions and unique ethnocultural characteristics of the region. To address these issues, the article proposes granting special legal status to educational institutions in the region, allowing for an adaptation of the education system to local conditions, thereby improving its quality and accessibility.

Keywords: Arctic, school education, Sakha Republic, ethnocultural characteristics, distance learning, legal status.

Школьное образование в Арктической зоне Российской Федерации, особенно в Республике Саха (Якутия), сталкивается с рядом сложностей, обусловленных суровым климатом, труднодоступностью территорий и этнокультурными особенностями. Эти факторы оказывают значительное влияние на организацию образовательного процесса, требуя специальных решений на уровне законодательства. Одним из таких решений может стать придание образовательным организациям Арктики особого правового статуса, что обеспечит их адаптацию к специфическим условиям региона.

Придание особого правового статуса образовательным организациям Арктической зоны:

Придание образовательным организациям в Арктической зоне особого правового статуса является центральным предложением для решения множества накопившихся проблем в области школьного образования. В настоящее время образовательные учреждения в Арктике функционируют по тем же стандар-

там, что и в других регионах России. Однако климатические и культурные особенности этих территорий диктуют необходимость особых условий для реализации образовательных программ.

Предложение о придании правового статуса образовательным организациям Арктики заключается в разработке новых нормативных актов, которые будут учитывать уникальные условия региона. Эти акты позволят создавать специальные образовательные программы, адаптированные к этнокультурным потребностям, а также изменять подходы к инфраструктуре школ, условиям труда педагогов и обеспечению образовательных ресурсов.

Примером может служить опыт предоставления особого статуса отдельным организациям в других регионах России, таких как Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова или образовательные учреждения на территории инновационного центра «Сколково». Специальные законодательные меры позволяют этим учреждениям адаптировать свою деятельность к уникальным условиям и потребностям, что положительно сказывается на образовательном процессе.

Придание особого статуса образовательным организациям Арктики позволит:

- Снизить бюрократическую нагрузку и предоставить больше автономии в адаптации образовательных программ к местным условиям.
- Разрабатывать специальные инфраструктурные решения для школ Арктики, учитывающие суровый климат.
- Вводить специальные программы подготовки и поддержки педагогов, работающих в отдаленных и труднодоступных районах.
- Обеспечить дополнительное финансирование для создания уникальных образовательных материалов на языках коренных народов Арктики.

Одним из эффективных мер для стимулирования учащихся в Арктической зоне может стать **государственная программа «Ломоносовская карта»**. Эта программа могла бы стать аналогом существующей «Пушкинской карты», но с уклоном на образовательные услуги.

«Ломоносовская карта», символически названная в честь Михаила Васильевича Ломоносова, позволит учащимся оплачивать образовательные услуги, которые входят в реестр Министерства образования, во внеурочное время. Управление использованием карты будет находиться под контролем родителей или законных попечителей ребенка. Такая инициатива могла бы стать достойной альтернативой программам, требующим значительных финансовых вложений, таким как Центры цифрового образования «IT-Куб» и технопарки «Кванториум», которые не всегда доступны в условиях Арктики.

Программа «Ломоносовская карта» могла бы предусматривать два уровня участия:

- **Белая карта**, предполагающая фиксированную сумму, например, 10 тысяч рублей, которая предоставляется всем учащимся школ Арктической зоны. Она позволит учащимся приобретать образовательные услуги и при-

надлежности, а также получать бонусы для дальнейшего образовательного развития.

- **Золотая карта**, предназначенная для особо отличившихся учащихся, которые проявили успехи в учебе, спорте, научных исследованиях и олимпиадах. Сумма на карте может варьироваться от 50 до 100 тысяч рублей, что позволит ее владельцам покрывать расходы на авиаперелеты, проживание и участие в межрегиональных мероприятиях и олимпиадах.

Финансирование программы будет осуществляться за счет бюджетных средств и расходоваться только на мероприятия, одобренные Министерством образования Российской Федерации.

Заключение. Придание образовательным организациям Арктической зоны особого правового статуса и внедрение программы «Ломоносовская карта» позволят адаптировать образовательную систему к уникальным условиям региона, повысить доступность и качество образования, а также стимулировать учащихся к активному участию в образовательных и научных процессах. Это станет важным шагом для устойчивого развития Арктики и социально-экономического роста региона, и страны в целом.

Литература

Васильева Л.Н. Право на образование и его реализация лицами относящимися к коренным малочисленным народам Российской Федерации // Журнал российского права. – 2020. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-obrazovanie-i-ego-realizatsiya-litsami-otnosyaschimysya-k-korennyim-malochislennym-narodam-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 07.06.2023).

Голдин Владислав Иванович Архангельск в арктической истории и геополитике // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhangelsk-v-arkticheskoy-istorii-i-geopolitike> (дата обращения: 04.06.2024).

Закон Республики Саха (Якутия) от 11 апреля 2000 г. 3 №169-П «О государственной поддержке образовательных организаций расположенных в сельских населенных пунктах». [Электронный ресурс]. – <https://base.garant.ru/26700648/> (дата обращения: 08.06.2024).

Слепцов Анатолий Николаевич Региональные аспекты развития Российской Арктики на примере Республики Саха (Якутия) // АИС. – 2015. – №19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-aspekty-razvitiya-rossiyskoy-arktiki-na-primere-respubliki-saha-yakutiya> (дата обращения: 08.06.2024).

Указ Президента РФ от 26.10.2020 №645 (ред. От 27.02.2023) «О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». [Электронный ресурс]. – <https://base.garant.ru/74810556/> (дата обращения: 16.07.2024).

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Рос-

сийской Федерации». [Электронный ресурс]. – <https://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения: 16.07.2024).

Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. №82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – <https://base.garant.ru/180406/> (дата обращения: 16.07.2024).

Николаев Д.А.

**Роль Ленского объединенного речного пароходства
в развитии севера Якутии во второй половине XX в.**

Аннотация. Ленское объединенное речное пароходство полностью изменила маршруты поставок грузов в северные районы Якутии. Его создание сыграло основную роль в промышленном и хозяйственном освоении Севера Якутии.

Ключевые слова: пароходство, север, грузоперевозки, маршруты, флот, рейсы, порт.

Dmitry Nikolaev

**The role of the Lena United River Shipping Company in the development
of the north of Yakutia in the second half of the 20th century**

Abstract. The Lena United River Shipping Company has completely changed the routes for cargo supplies to the northern regions of Yakutia. Its creation played a major role in the industrial and economic development of the North of Yakutia.

Keywords: shipping company, north, cargo transportation, routes, fleet, flights, port.

Рассмотрение роли Ленского объединенного речного пароходства в развитии севера Якутии во 2-й половине XX в. определяется важностью его как большой логистической системы речного и каботажного транспорта ставшей основой для его промышленного освоения и хозяйственно-экономического развития. Переход к новому уровню развития экономики потребовал не только технического перевооружения отрасли, но и создания современных управленческих структур, одной из которых стало организованное Ленское объединенное речное пароходство (ЛОРП). С созданием ЛОРП наступил качественно новый этап в истории судоходства, в ходе которого была создана современная транспортная инфраструктура, определены направления развития путей сообщения и грузоперевозок республики до настоящего времени.

В 1953 г. Северо-Якутское речное пароходство входит в состав Ленского государственного речного пароходства. В 1957 г. в результате вхождения Лензолотофлота Министерства цветной металлургии, и Янского речного пароход-

ства в 1962 г., а также присоединением Колымо-Индигирского пароходства в 1972 г. образовывается единое Ленское объединенное речное пароходство.

Соединение реки Лены в 1952 г. с железнодорожной сетью страны и открытием речного порта Осетрово в 1958 г. явилось началом формирования магистральных путей сообщения в Якутской АССР и всего Северо-Востока страны, переориентировав основные грузопотоки на Южно-Ленское направление.

Выход железной дороги с Тайшета на верхнюю Лену, способствовало увеличению железнодорожно-водных перевозок от промышленных центров до пунктов, расположенных на Лене, ее притокам и на Яне, Индигирке, Колыме, Анабаре и Оленьке. Порт Тикси занимал в этой транспортной системе важную роль в обеспечении перевозок грузов, поступающих через Осетрово, к устьям рек Хатанга, Анабар, Индигирка и Колыма [Ленское..., 1970, с. 40].

Ленское объединенное речное пароходство полностью изменило маршруты поставок грузов в арктические районы Якутии, сформировавшиеся в 1930-е гг. С начала 1960-х гг. стали практиковаться первые сквозные экспериментальные перевозки грузов из Осетрово на Яну, без перевалки в порту Тикси. ЛОРП способствовало широкому внедрению прямых бесперевалочных рейсов из верхней Лены в бассейны северных рек Колымы, Яны, Индигирки по схеме «река-море-река» без перевалки в устьевых портах, ставшей к началу 1980-х гг. обычной практикой, что в значительной степени увеличило размеры грузоперевозок как в количественных, так и в качественных показателях [Там же, с. 85].

В 1960–1970-х гг. в связи с переориентацией грузопотоков на Ленское направление прекращается завоз грузов по Северному морскому пути в населенные пункты рек Яны, Лены, Индигирки, Колымы, Хатанги, Анабара и Оленька [Саранин, 1970, с. 117].

С 1965 г. почти все суда Ленского бассейна стали работать на жидком топливе: теплоходы – на дизельном, а пароходы – на мазуте [Там же, с. 68]. Большую роль в увеличении размера грузоперевозок сыграло строительство и широкое внедрение большегрузного мелкосидящего грузового флота. Важнейшим достижением стало создание мелкосидящих полусекционных составов грузоподъемностью 1800 т, сухогрузно-наливных теплоходов – 600 т, успешно работающих на перевозках дизельного топлива из Осетрово и угля в обратном направлении. В 1963 г. на Лене стали плавать полусекционные составы грузоподъемностью 1800 т, с осадкой 1,45 м, мощностью от 800 до 1050 л. с. [Там же, с. 74]. В 1960–1980-е гг. значительное развитие получили контейнерные перевозки, что позволило значительно улучшить качество поставляемых грузов, в том числе и в северные районы Якутии.

В 1985 г. речным и каботажным флотом ЛОРП обслуживались бассейны рек Лены с притоками, Яны, Индигирки, Колымы, Анабара, Оленька имелось 338 остановочных пунктов на 65 линиях [История Якутии, 2021, с. 398].

К середине 1980-х гг. были достигнуты максимальные объемы грузоперевозок в арктические районы Якутии. ЛОРП сыграл основную роль в промышленном, экономическом и хозяйственном освоении севера Якутии, перевозившим

большое количество необходимых для этого грузов, оборудования, комплектующих, минерально-строительных материалов, цемента, нефтепродуктов, генеральных грузов, угля, продовольственных товаров и др. Кроме этого была налажена система обратных поставок грузов с добываемых месторождений севера и Горно-обогатительных комбинатов (ГОКов), природных ресурсов, важных для экономики страны, что значительно повысило экономическую рентабельность ЛОРПа.

Литература

История Якутии: в 3 т. Т. III / Под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. С.И. Боякова. – Новосибирск: «Наука», 2021. – 592 с.

Ленское речное пароходство. – Якутск, Якуткнигоиздат, 1970. – 308 с., ил.

Саранин Н.И. Транспорт Якутской АССР. – Якутск: Кн. изд-во, 1970. – 196 с., ил.

Николаев Е.Р., к.ф.н.

Диалектологическая экспедиция в Момский улус (2024 г.): предварительные результаты по момскому говору якутского языка

Аннотация. В тезисе приводятся сведения о языковых экспедициях в арктические улусы в XX в. Представлены предварительные выводы по итогам новой диалектологической экспедиции в Момском улусе в 2024 г. Экспедиция показала относительную стабильность в сохранности диалектных признаков якутского языка.

Ключевые слова: якутский язык, диалектологические экспедиции, арктические улусы, Момский улус.

Egor Nikolaev, PhD

Dialectological expedition to Momsky ulus (2024): preliminary results on the Moma dialect

Abstract. The thesis provides information about linguistic expeditions to the Arctic uluses in the twentieth century. Preliminary conclusions are presented based on the results of a new dialectological expedition in the Momsky ulus in 2024. The expedition showed the relative stability of the dialect features of the Yakut language.

Keywords: Yakut language, dialectological expeditions, Arctic uluses, Momsky ulus.

Республика Саха (Якутия) расположена на севере Восточной Сибири, имеет выход к двум морям – Восточно-Сибирскому и Лаптевых. На долю республи-

ки приходится примерно 1/3 Арктической зоны РФ. Около 40% территорий расположены за Полярным кругом. Арктическая зона охватывает 13 районов (улусов) республики: Абыйский, Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Нижнеколымский, Оленекский, Среднеколымский, Усть-Янский, Эвено-Бытантайский [Арктические улусы...].

С начала создания Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ, ныне – ИГИИПМНС), арктические улусы всегда находились в поле зрения науки. Так, с 1950 по 1992 гг. были охвачены фронтальным диалектологическим исследованием 29 районов Якутской АССР [Воронкин, 1999, с. 10–11]. С 1992 по 2021 гг. полевые исследования диалектной лексики не проводились. С 2022 г. диалектологические экспедиции возобновились в рамках финансирования по государственной программе «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2020–2024 годы» (Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 18 июля 2022 г. №472 «О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия)»).

Как показывают источники [Боло, 1940–1941; Коркина, 1957; МДЭ, 1986; МДЭ, 1972; МДЭ, 1987], арктические районы с самого начала стали благодатной почвой для сбора языкового материала якутского языка. Планомерное изучение диалектных особенностей якутского языка, в том числе северо-восточной диалектной зоны, было начато в 40-е годы XX в. Первый сбор материала в колымских и индигирских районах осуществлен в 1940–1941 гг. сотрудниками института, энтузиастами научного изучения родного языка фольклористом С.И. Дьячковским-Сэһэн Боло и этнографом А.А. Саввиным. За более чем годовой срок поездки в колымских и индигирских районах ими был собран большой материал по фольклору, этнографии и языку якутов [Коркина, 1992, с. 9].

В 1956–1957 гг. были организованы специальные диалектологические экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР в Среднеколымский и Абыйский районы (Н.К. Антонов, Е.Н. Аммосова), Аллаиховский район (П.П. Барашков, Н.М. Заболоцкий), Момский район (Е.И. Коркина), Оймяконский район (В.Д. Кривошапкина, В.С. Охлопков), Саккырырский район (В.Л. Кривошапкина), Верхоянский район (П.С. Афанасьев, Н.В. Емельянов), Усть-Янский район (С. Томский). В первой половине 1980-х гг. в связи с составлением «Диалектологического атласа якутского языка» и дополнительного тома «Диалектологического словаря якутского языка» в Аллаиховском, Усть-Янском, Среднеколымском, Момском и Оймяконском районах побывали сотрудники ИЯЛИ С.А. Иванов, Ю.И. Васильев, М.С. Воронкин и Н.Н. Ефремов [Коркина, 1992, с. 11].

Спустя около 40 лет после последней экспедиции, в рамках вышеуказанной государственной программы с 18 по 27 марта 2024 года была организована и проведена диалектологическая экспедиция в Момский улус.

В маршрут экспедиции были включены три населенных пункта: с. Хонуу (Момский национальный наслег), с. Буор Сысы (Индигирский национальный

наслед; другие названия – Победа, Үрүйэ Төрдө, Индигир), с. Собоолоох (Соболохский национальный наслед). Также в качестве информантов были привлечены жители с. Суон Тиит, с. Кулун Өлбүт (Чыбагалахский национальный наслед), с. Чуумпу Кытыл (Тебюляхский национальный наслед).

В целях получения более достоверного языкового материала была записана на диктофон устная речь от 23 информантов (общее время записи более 16 часов), в т.ч. запись полилога. Беседы велись по пунктам диалектологического вопросника 2012 г. (составитель – диалектолог С.А. Иванов). Вопросник был сокращен в части морфологических признаков (всего 64 вопроса с пунктами от 4-х до 8). Были заданы вопросы, в основном, касающиеся быта и традиционных занятий местных жителей (предметы быта (посуда, инструменты), одежда, пища, охота и рыбалка, фауна и флора и т.п.).

Предварительные выводы показывают, что в области фонетики в целом наблюдается сохранность тех явлений, которые были зафиксированы в экспедициях Е.И. Коркиной (1957 г.). Характерные признаки момского говора проявляются: в употреблении носового [j] (*ийэ, ијэ, иньэ; хайах, хајах*); в сохранности явления аканья (*халбыйан/холбуйан, хамый, аҕыныха, дайды, алыс, халыачык, хатыыр*), который сосуществует с окающими вариантами слов; в геминации согласных (*улаххан, маарылла*); в колебании употребления долгих и кратких гласных (*чаһы/чаһы, эмиий/эмий*). Лексический состав репрезентирует относительную стабильность в тематических группах, обозначающих названия рыб, птиц, растений. Выявлены новые слова, в основном семантические диалектизмы: *боччооххой умсаах, кыһыл төбөлөөх умсаах* ‘крохаль; виды крохали’; *түөрэн* ‘большой кулик’; фонетические варианты литературного *чөркөй* ‘чирок’: *чөккөөкү, чаркы, чаркымай, чыркымай, чаккы, таас чаркыта, таас чанкыта; лэглэ* ‘петушок (семейство ржанковых)’; названия ягод: *суор отоно* ‘клюква’ и т.д.

Таким образом, государственная поддержка в сфере изучения якутского языка играет существенную роль не только в организации собственно лингвистических экспедиций в арктические улусы, но также дает обоснование для обращения внимания органов государственной и местной власти на существующие языковые проблемы государственного и официальных языков республики в целом. В частности, материалы диалектологических экспедиций информируют о тревожном состоянии якутского языка, что обусловлено, по всей видимости, нестабильностью экономического состояния якутских сел и традиционных видов хозяйствования. Так же важно, чтобы арктические улусы имели поддержку со стороны научных и образовательных учреждений республики в сфере научно-просветительской, образовательной деятельности.

Литература и источники

Арктические улусы Республики Саха (Якутия). URL: <https://inlnk.ru/RjLjwv> (дата обращения: 11.07.2024).

Боло С.И. Живая речь якутов в наслегах Момского района (термины). 1940–1941. Архив ЯФ СО АН СССР. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 419.

Воронкин М.С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с лит. яз. и характеристика / отв. ред. Е.И. Коркина; АН РС(Я). Ин-т гуманитар. исслед. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд., 1999. – 196 с.

Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка / отв. ред. к.ф.н. Н.Н. Широбокова; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Якут. ин-т яз., лит. и истории. – Новосибирск: Наука, 1992. – 267 с.

Коркина Е.И. Говор якутов Момского района (описание). 1957. Архив ЯФ СО АН СССР. Ф. 5. Оп. 6. Ед. хр. 243.

МДЭ – Материалы диалектологической экспедиции в Абыйский, Момский, Оймяконский, Аллаиховский районы. 1986. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 276-281.

МДЭ – Материалы диалектологической экспедиции в колымо-индигирские районы. 1972. – Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 149-152.

МДЭ – Материалы диалектологической экспедиции в Момский район. 1987. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 299.

Поварешкин Л.В.,
Булыгин О.М.

**Сравнительный анализ региональных социокультурных особенностей
кочевых ненцев Большеземельской тундры,
Ямала и Гыданского полуострова**

Аннотация. В данной статье будет подвергнут сравнению фольклор и важнейшие исторические процессы, повлиявшие на социокультурные развития ненцев Большеземельской тундры, полуострова Ямала и Гыданского полуострова.

Ключевые слова: ненцы, Большеземельская тундра, Гыданский полуостров, Ямал, фольклор.

Leonid Povareskin,
Oleg Bulygin

**Comparative analysis of regional socio-cultural characteristics of the nomadic
Nenets of the Bolshezemelskaya tundra, Yamal and Gydan Peninsula**

Abstract. This article will compare folklore and the most important historical processes that influenced the socio-cultural development of the Nenets of the Bolshezemelskaya Tundra, the Yamal Peninsula and the Gydan Peninsula.

Keywords: Nenets, Bolshezemelskaya Tundra, Gydan Peninsula, Yamal, folklore.

Освоение арктического региона неотрывно связано с взаимоотношениями с малочисленными народами, населяющими данный регион. Одним из таких народностей являются ненцы. Расселение данного народа довольно широкое: от Мезенского района Архангельской области до острова Таймыр. Подобное можно сказать и о численности, которое, согласно переписи 2021 года достигла 49 646 чел. [Национальный состав в Российской Федерации]. Два субъекта страны являются национальными: Ненецкий Автономный и Ямало-Ненецкий автономный округа. В свете этого изучение ненецкого народа является наиболее важным для проведения арктической политики. Широкое расселение не могло не сказаться на появлении различий между представителями разных групп. Кроме приведенной выше причины, изучение этих различий важно также и с этнографической точки зрения. В данной статье предлагается сравнить фольклор двух групп ненцев, находящихся на большом расстоянии друг от друга: ненцев Большеземельской тундры и ненцев Гыданского полуострова.

Работа над тезисом будет проводиться путем сравнения исторических аспектов освоения ненецким народом выбранного региона и их мифов. Для первой части привлечена монография А.В. Хомича «Ненцы. Историко-этнографические очерки», а также статья Ю.Н. Квашнина «Основные элементы родовой структуры гыданских ненцев». Для изучения фольклора кочевых ненцев были использованы такие труды как: «Зимний маршрут по Гыдану» Ю.Б. Симченко, «Эпические песни ненцев» З.Н. Куприяновой, «У самоедов. В стране холода и смерти» А.А. Борисова, «Фольклор ямальских ненцев» Р.И. Лаптандера, С.Е. Раздымаха и также «Ненцы. Историко-этнографические очерки» А.В. Хомича.

На территории Большеземельской тундры появление ненцев относят к XII в., что совпадает появлением на этих территориях новгородцев [Хомич, 1966, с. 42]. С этого периода начался культурный обмен с русскими, влияющий на обоих. К примеру, с XVIII в. русские стали прибегать к оленеводству [Хомич, 1966, с. 59], а малица стала одной из одежд русского населения НАО [Хомич, 1966, с. 118]. Подобное можно наблюдать и в фольклоре.

Очень длительный культурный обмен и торговля привели к тому, что русский человек стал принимать участие в ненецком фольклоре Большеземельской тундры [Куприянова, 1965, с. 33]. Все чаще стал появляться устойчивый образ иноземца, стремящегося к мирному взаимодействию с кочевыми ненцами, а иногда и перенимая в некоторой степени их образ жизни [Куприянова, 1965, с. 47]. Самым ярким примером вышеописанного можно привести поверие кочевых ненцев Большеземельской тундры про двух братьев ненцев, где один брат взял в жены ненецкую девушку, а другой – русскую. Данное поверие объясняет феномен того, что чистокровный ненец может иметь не все биологические черты данного этноса [Куприянова, 1965, с. 127]. Но также, в данном примере четко, хоть и в простой форме отражается тенденция общего смешения и тесного взаимодействия культур.

Попадание ненцев на Ямал произошло также в XII в., но не совпало с освоением региона русскими, которое началось в XVI в. [Хомич, 1966, с. 44]. Однако к тому моменту имелись многочисленные народы финно-угорского происхождения, а именно народов ханты и манси. И сегодня эти народы являются одним из народов ЯНАО – хантов 9 985 чел. (0,02%), манси 111 чел. [Национальный состав в Ямало-Ненецкой Автономном округе].

Бурное взаимодействие кочевых ненцев с народами, проживающими на Ямальском полуострове, выражается не только в торговле, браках между кочевыми племенами разных народностей, но и в столкновениях (войны между племенами, разбойничьи нападения, похищения) [Борисов, 1907, с. 173]. Все эти факторы естественным образом повлияли на формирование и развитие фольклора, так, в различных эпических песнях стали появляться не просто персонажи, принадлежащие к народностям хантов или манси, но и стали появляться мифологические персонажи этих народностей [Лаптандер, Раздымаха, 2021, с. 22]. Примером данного смешения фольклора можно считать эпическую песню ненцев про Серм'пэртя (Главу стойбища) Ясовэя, где главный герой встречается с множеством персонажей из фольклора народностей Ямала, так же с представителями множества кланов разных народностей [Лаптандер, Раздымаха, 2021, с. 156]. Данный пример является хорошим образцом всех тех тенденций развития фольклора кочевых ненцев Ямала.

Гыданская тундра была заселена ненцами относительно поздно – в XVII в. Это было связано с необходимостью осваивания новых охотничьих угодий для добывания пушнины. На новых землях этот народ встретил энцев, эвенков с которыми они были вынуждены вести длительные конфронтации [Квашнин].

Поселившись на Гыданском полуострове, ненцы почти сразу вступили как сказано выше, в длительные конфронтации с эвенками которых называли тунгусами [Симченко, 1975, с. 88]. Кровавые войны, взаимное недоверие, постоянные грабежи и похищения, все это не могло не отразиться на фольклоре кочевых ненцев Гыдана. Преобладания кровавых моментов расправ над побежденными, зачастую либо основными событиями, либо событиями на фоне являются племенные войны, участие во многих историях злых шаманов (очень часто тунгусов) [Хомич, 1966, с. 154]. Ярким примером этого можно назвать Лаханак про Манту-чизе, в котором все вышеописанное присутствует и лучше всего отражает общее развитие фольклора кочевых ненцев Гыданского полуострова [Симченко, 1975, с. 113].

В заключении мы хотим сказать, что сравнение социокультурных особенностей малочисленных народов, в данном случае кочевых ненцев, можно проводить через призму не только исторических процессов, повлиявших на этнос, но и фольклор. Изучая изменения и отличительные черты фольклора кочевых ненцев Большеземельской тундры, Ямала и Гыданского полуострова можно проследить социальные и культурные особенности проживающих именно на вышеуказанных территориях ненцев.

Борисов А.А. У самоедов. В стране холода и смерти. – СПб.: издание А.Ф. Девриена, 1907. – 208 с.

Квашнин Ю.Н. Основные элементы родовой структуры гыданских ненцев [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-elementy-rodovoy-struktury-gydanskih-nentsev> (дата обращения: 25.10.2024).

Куприянова З.Н. Эпические песни ненцев. – М: Наука, 1965. – 782 с.

Лаптандер Р.И., Раздымаха С.Е. Фольклор ямальных ненцев. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2021. – 172 с.

Национальный состав в Российской Федерации по результатам переписи населения 2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami.

Национальный состав в Ямало-Ненецкой Автономном округе по результатам переписи населения 2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1729856229&tld=ru&lang=ru&name=1.%20Национальный%20состав%20населения%20ЯНАО.xlsx&text=янао%20перепись%202021%20национальный%20состав&url=https%3A%2F%2F72.rosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2F1>.

Симченко Ю.Б. Зимний маршрут по Гыдану. – М: «Мысль», 1975. – 158 с.

Хомич А.В. «Ненцы. Историко-этнографические очерки». – М.: Наука, 1966. – 327 с.

Полянский Е.В.

Главное управление Северного морского пути в системе управления Севером Центральной Сибири (1930-е гг.)

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимоотношений Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) с местными органами власти в Центральной Сибири в 1930-х гг. Подчеркивается его роль в управлении и развитии арктических территорий. Исследуются административные структуры, их полномочия и влияние на социально-экономическое развитие региона.

Ключевые слова: Главное управление Северного морского пути (ГУСМП), Центральная Сибирь, 1930-е годы, местные органы власти, Таймырский национальный округ, город Игарка, социально-экономическое развитие, административные структуры.

Main Administration of the Northern Sea Route in the system of management of the North of Central Siberia (1930s)

Abstract. The article analyzes the relationship between the Main Administration of the Northern Sea Route (GUSMP) and local authorities in Central Siberia in the 1930s, emphasizing its role in the management and development of the Arctic territories. Studies administrative structures, their powers and influence on the socio-economic development of the region.

Keywords: General Administration of the Northern Sea Route (GUSMP), Central Siberia, 1930s, local authorities, Taimyr National District, Igarka city, socio-economic development, administrative structures.

Арктика – это уникальный физико-географический регион Российской Федерации. Благодаря своему положению и экономическому потенциалу, Арктика всегда имела важное стратегическое значение для государства. Это ключевая территория для решения глобальных климатических и экологических вопросов, а также для обеспечения энергетической безопасности страны.

Неудивительно, что в последнее десятилетие тема развития и укрепления Арктической инфраструктуры получает все большее внимание государственных органов власти и ведущих промышленных корпораций. Все это актуализирует изучение советского опыта освоения и практик развития арктических территорий, в особенности истории Главного управления Северного морского пути (ГУСМП, Главсевморпуть).

Деятельность ГУСМП безусловно внесла значительный вклад в социально-экономическое развитие Арктического региона [Боякова, 1995, с. 4]. Это была суперорганизация военно-мобилизационного характера [Тимошенко, 2016, с. 8], которая фактически имела полномочия отдельного наркомата [Карские операции..., 2019, с. 37], подчинявшаяся непосредственно СНК и контролировавшая всю территорию севернее 62-й параллели в Азиатской части Советского союза [Изучение и освоение..., 2011, с. 243].

Несмотря на масштаб деятельности главка и повышенный интерес к тематике истории освоения Арктики в целом, историографическая традиция ГУСМП только формируется. В научном знании о советском опыте освоения высоких широт существует большое количество лакун. Вопрос о взаимоотношениях систем местного управления и ГУСМП является одним из недостаточно изученных.

Одним из основных документов в истории деятельности ГУСМП в 1930-х гг. является «Положение о Главном управлении Северного морского пути при СНК СССР» от 22 июня 1936 г. [Изучение и освоение..., 2011, с. 243–247]. В этом документе подробно описан район деятельности главка, а также обозначены его чрезвычайно широкие полномочия. Наличие этого документа позво-

ляет исследователям говорить об особом статусе ГУСМП и его высокой роли в управлении северными территориями

При этом, данное положение с одной стороны не упраздняло местные органы государственного управления и партийного контроля, а с другой – не наделяло ГУСМП компетенциями органа территориальной власти. В рамках настоящего доклада, на примере Севера Центральной Сибири, я постараюсь ответить на вопрос какое положение во взаимоотношениях с органами местного управления занимал Главсевморпуть.

Данная территория включала в себя две административные единицы: Таймырский национальный округ (далее по тексту: Таймыр, Таймырский н/о) и город Игарку с присоединенными к нему территориями.

Статус этих территорий различался. Таймырский н/о существовал на основании постановления ВЦИК от 10 декабря 1930 г., а его органы власти функционировали на основании постановления ВЦИК и СНК СРФСР от 20 апреля 1932 г. [Зингер, 1935, с. 99; Кантор, 1934, с. 6–16]. В свою очередь, по постановлению ВЦИК РСФСР от 30 октября 1931 г. Игарка являлась городом краевого подчинения, к которому были присоединены обширные территории [Собрание узаконений..., 1931, с. 648]. Это особенность породила заблуждение о существовании Игарского «района». Действительно такой термин встречается в документах 1930-х гг., однако он использовался исключительно как фигура речи. Факт существования Игарского «района» как административной единицы не подтверждается существовавшими документами.

Несмотря на разницу статуса, эти территории имели равное положение в системе регионального управления. Дудинка и Игарка напрямую подчинялись краевому правительству, а по партийной линии краевому комитету ВКП(б). Утверждение планов развития этих территорий происходило в краевой плановой комиссии (за исключением ведомственных предприятий). Системы управления обеих территорий, так же во многом были похожи.

На вершине управленческой пирамиды Таймырского национального округа находился окружной исполнительный комитет и подчиненные ему районные исполкомы. В соответствии с положением от 20 апреля 1932 г., на региональные органы советской власти были возложены обязанности по решению широкого спектра задач: проведение индустриализации, коллективизация сельского хозяйства и промыслов, реализация национальной политики, решение классового вопроса в Арктике и другие [Кантор, 1934, с. 6].

Будучи представителями республиканского уровня власти, они не могли напрямую влиять на ведомственные организации, действовавшие в регионе, т.к. последние были встроены в экономику союзного уровня. Однако стоявшие перед ними задачи предполагали контроль всех хозяйствовавших субъектов. Это достигалось за счет параллельного канала власти в лице партийных институций. Партийные организации, обслуживавшие какой-либо район, считались высшими по отношению ко всем организациям, обслуживавшим части данного района [Коммунистическая партия..., 1984, с. 477].

Подобное положение было крайне актуально в условиях Крайнего Севера. Экстремальный климат, отсутствие развитой транспортной связи и сложная система подчинения предприятий приводили к нехватке ресурсов, как у местных органов власти, так и у ведомственных организаций.

Показательны взаимоотношения сложившиеся в районе норильского месторождения. Нехватка транспорта у Промконторы «Цветметзолото» вынуждала ее прибегать к помощи райисполкома и райкома в вопросе грузоперевозок, а отсутствие у администрации Дудинского района возможности контролировать колхозы в районе реки Норильской вынудило ее передать контроль над колхозом Норильскстрою [ГАКК. Ф. П-28. Оп. 1. Д. 32. Л. 1, 1об].

Потребность в установлении партнерских отношений, необходимость поддерживать контакты и, в целом, быть участником сложной системы горизонтальных социальных связей, вела к повышению самостоятельности организаций и увеличению личной инициативы отдельных их представителей [ГАКК. Ф. П-651. Оп. 1. Д. 1 Л. 7об, 8, 9].

Все основные участники процесса освоения Крайнего Севера формировали сложную сеть отношений, основанную на ситуативных консенсусах и договоренностях. Благодаря этому, в регионе существовала собственная система сдержек и противовесов, препятствовавшая появлению «вакуума власти».

Схожая ситуация наблюдалась и в Игарском «районе». По постановлению ВЦИК РСФСР от 30 октября 1931 г. в ведение игарского горсовета передавались обширные территории «экономически и территориально» тяготеющие к городу [Собрание узаконений..., 1931, с. 435]. По постановлению ВЦИК от 20 января 1933 г. именно игарский городской Совет являлся высшим органом власти на подотчетной ему территории. По аналогии с деятельностью окружных и районных советов, горсовет Игарки напрямую руководил всеми подчиненными ему предприятиями, содействовал проведению коллективизации и индустриализации, проводил реконструкцию городского хозяйства, занимался снабжением, а также разработкой бюджета и финансовых планов города [Хронологическое собрание..., 1959, с. 257–265].

Являясь элементом республиканского уровня власти, городской Совет не имел прямого контроля над предприятиями, подчиненными СНК. Вся его деятельность, формально, сводилась к содействию и контролю «без вмешательства в оперативную работу» [Хронологическое собрание..., 1959, с. 258]. В данной ситуации особое значение получал городской комитет ВКП(б). В условиях административно-командной системы и всеобщей политизации он являлся главным контролирующим органом в Игарском «районе», одновременно играя роль связующего звена между предприятиями и органами государственной власти. Это положение позволяло горкому непосредственно влиять на работу формально не подчиненных ему предприятий. Особенно это прослеживалось в вопросе выполнения плановых заданий.

Равный статус в системе регионального управления, разнородная экономика, тождественность структуры и особенностей работы административного

аппарата все это было причинами изолированности друг от друга сетей взаимоотношений Игарки и Таймырского н/о в начале 1930-х гг. Другим фактором, мешавшим установлению взаимосвязей, было отсутствие развитых коммуникаций между территориями. Метод назначения управляющих кадров и краткий период их работы, также не позволяли формировать устойчивые связи между «соседними» административными образованиями, а системы управления Игарки и Таймыра оставались независимы друг от друга.

В данном контексте территориальные представительства ГУСМП, объединившие в своей деятельности обе эти территории (Таймыртрест, Красноярское территориальное управление и Игарский политотдел ГУСМП), принимали на себя функции связующего звена, координируя обе модели взаимоотношений. Эта особенность проявилась уже на начальном этапе истории Главсевморпути.

11 марта 1933 г. постановлением СТО было ликвидировано Всесоюзное объединение Наркомвнешторга «Комсеверпуть» – организация предшественница ГУСМП [Северные морские пути..., 2023, с. 507]. Все его активы и пассивы были переданы Главсевморпути. На их базе в системе главка были сформированы три крупные хозрасчетные организации: Северо-Уральский трест (центр в Обдорске), Якутский комбинат (центр в Якутске) и Таймырский трест (центр в Игарке).

Таймырский трест было крупным экстерриториальным объединением предприятий бывшего Комсеверпути. В него вошли организации, базировавшиеся в Игарке, на Таймыре и по всему течению Енисея вплоть до Красноярска. Они встраивались в иерархическую систему ГУСМП и подчинялись центральным управлениям главка по отраслевому признаку. При этом внутренняя структура Таймырского треста отличалась многоукладностью. В его состав входили: горнорудная промышленность, сельскохозяйственная промышленность, промысловый директорат, строительная контора «Северстрой», верфь деревянного судостроения в Придивном и Южно-Таймырская экспедиция [РГАЭ. Д. 1. Л. 229-231; Д. 8. Л. 75].

Однако Главсевморпуть наследовал не только инфраструктуру, но и обязательства перед рабочими. Не менее важно, что договорные отношения со всеми контрагентами сохраняли полную силу и переходили «в порядке преемственности» новым организациям [Северная стройка, 1933. №24, с. 4]. Учитывая, что до марта 1933 г. ГУСМП не имело ни своих представителей, ни своих организаций на Севере Центральной Сибири, предприятия Комсеверпути послужили первоначальной базой для Главсевморпути в регионе.

За счет того, что Таймырский трест составом организаций повторял структуру Северо-Енисейского комбината Комсеверпути, он сохранил устоявшуюся систему взаимоотношений и внутренних связей [ГАКК. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 83. Л. 31]. Главсевморпуть уже в марте 1933 г. был включен в активный процесс освоения Крайнего Севера Центральной Сибири.

При этом, создание ГУСМП и передача ему большинства предприятий Комсеверпути не изменило устоявшийся к этому времени status quo. По крайней

мере, в период с 1933 г. до лета 1934 г. Так, например, в Игарке вопросы снабжения, строительства, судоремонта, ремонта пристаней и работы морского порта, так или иначе, либо жестко контролировались горсоветом и городским комитетом партии, либо же их деятельность в принципе определялась по итогам заседаний городского исполнительного комитета и бюро горкома [ГАКК. Ф. П-21. Оп. 2. Д. 4. Л. 4, 7об, 16]. Они не просто оказывали влияние, но непосредственно принимали участие в управлении хозяйственными структурами ГУСМП.

В свою очередь, позицию центральных органов ГУСМП по отношению к собственным предприятиям в Центральной Сибири можно охарактеризовать как формально-директивную. Ярким примером этого служат события августа 1933 г. Когда горком Игарки сообщал о незаконченном процессе создания Таймырского треста и бил тревогу в связи с провалом хозяйственного строительства, коллегия ГУСМП, вплоть до начала 1935 г., занималась только рассмотрением вопросов выполнения планов и предоставления актуальной отчетности треста [ГАКК. Ф. П-21. Оп. 2. Д. 4. Л. 11, 11об; РГАЭ. Д. 6. Л. 114].

Сложившуюся ситуацию сложно поставить в вину руководству Главсевморпути. В своей деятельности они были ограничены рамкой собственной генеральной задачи – окончательного освоения трассы Северного морского пути. Вошедшие в состав главка новые активы лишь дополняли его основную деятельность, характер которой предполагал внимание к крупным проектам общесоюзного уровня [Тимошенко, 2013, с. 153].

Несмотря на значительное увеличение штата работников, их не хватало для реализации прямого оперативного руководства. Ситуация осложнялась из-за экстерриториальности, пионерного характера деятельности главка и экстремальных условий Крайнего Севера.

В условиях, когда ответственное ведомство не имело возможности осуществлять руководство своими территориальными структурами, вся тяжесть оперативной работы неизбежно «падала» на местные органы власти и управления. От организации хозяйственной деятельности зависело не только качество жизни населения северных территорий, но и элементарное выживание людей в условиях Арктики. Чем более значимой была проблема для города и района, тем больше внимания уделяли ей местные органы власти. Они же выполняли роль арбитра в решении внутренних споров. Местные партийные комитеты регулировали взаимоотношения как между предприятиями ГУСМП, так и являлись регулятором межведомственных отношений, особенно при возникновении конфликтных ситуаций [ГАКК. Ф. П-21. Оп. 2. Д. 32. Л. 16, 44, 45, 59, 60, 70].

В отличие от Игарки, на территории Таймырского национального округа комплекс предприятий ГУСМП был ограничен отдельными пушнозаготовительными и рыболовными точками, полярными станциями и научно-транспортными экспедициями. Именно активная деятельность ГУСМП должна была спровоцировать рост местного производства и инкорпорировать его с транспортной системой Северного морского пути.

На начальном этапе достигнуть этого предполагалось за счет работы транспортных и научных экспедиций. Местные органы власти видели в результатах их деятельности возможности для скорейшего улучшения условий товарного обеспечения и элементарного улучшения условий жизни на Крайнем Севере [ГАКК. Ф. П-119. Оп. 1. Д. 2. Л. 3, 3об, 4, 58, 63об]. Руководство изыскательных партий отчитывалось перед местными органами власти о ходе научных изысканий [ГАКК. Ф. П-119. Оп. 1. Д. 2. Л. 63, 64]. Тем не менее, местные советские и партийные органы не имели возможности принимать решения по вопросам стратегического развития инфраструктуры ГУСМП.

Иное положение было у Таймырского окружного совета и окружного партийного комитета. По своему статусу они имели возможность, по крайней мере, попытаться повлиять на работу не подчиненных им предприятий. В течении 1934–1935 гг. Таймырский окружком, хоть и безуспешно, но пытался убедить краевые власти в необходимости перевода Таймырского треста и политотдела ГУСМП из Игарки в Дудинку [ГАКК. Ф. П-651, Оп. 1. Д. 3. Л. 154–155об.; ГАКК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 2. Л. 27, 28].

Существенная трансформация систем и практик взаимодействия между ГУСМП и местными органами власти произошла после принятия 20 июля 1934 г. постановления правительства «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства». Прежде всего, это было связано с организацией Политуправления и сети территориальных политотделов ГУСМП. Их обширные функции, в том числе, включали партийный контроль работы предприятий ГУСМП и осуществление межведомственной коммуникации [Полянский, 2021, с. 122–123]. В структуре Главсевморпути фактически была сформирована параллельная организационная сеть, подчиненная высшему партийному руководству страны [Боякова, 1995, с. 15; Белов, 1969, с. 105; McCannon, 1997, p. 39–40].

В вопросе о степени влияния политотделов ГУСМП на местные органы власти наиболее показателен случай Игарки, куда в феврале 1935 г. ЦК ВКП(б) командировал В.П. Остроумову с целью работы на должностях секретаря городского комитета партии и начальника Игарского политотдела Главсевморпути [ГАКК. Ф. П-42. Оп. 6. Д. 1064. Л. 1]. Таким образом, местные органы власти не теряли своего статуса, однако становились напрямую зависимы от Политуправления ГУСМП и руководства главка в целом. Фактически произошла институционализация неформальных или полуформальных систем и практик взаимоотношений, которые существовали в Игарке до лета 1934 г.

Несколько иная ситуация сложилась на Таймыре. Местные органы власти не встраивались в систему управления ГУСМП, однако, Игарский политотдел мог оказывать на них достаточно сильное влияние. Это было связано с ростом числа предприятий ГУСМП на Таймыре вызванное созданием в феврале 1935 г. системы территориальных управлений. Они заменили тресты и являлись региональными органами ГУСМП, которые осуществляли оперативное производственное, плановое и административное руководство всеми структу-

рами Главсевморпути в пределах подотчетной территории [Белов, 1969, С. 163; ГАКК. Ф. П-32. Оп. 2. Д. 1. Л. 3].

В дальнейшем функции территориальных управлений неуклонно расширялись: в июле 1935 г., после ликвидации Комитета содействия народностям северных окраин, теруправления становились главным элементом советской национальной политики; в августе 1936 г., после ликвидации системы Интегральной кооперации, произошло укрепление монопольного статуса ГУСМП в области торговли.

Благодаря этому вопросы, ранее находившиеся в сфере полномочий районных и окружных органов советской власти, полностью перешли в ведение ГУСМП, что только укрепило ведомственный характер Советской Арктики [Зингер, 1935, с. 105–106].

К началу 1936 г. ГУСМП сконцентрировало всю транспортную, производственную, сельскохозяйственную, снабженческую, научную, социальную и культурную базу северных регионов страны в «своих руках». Создание системы территориальных управлений позволило перенести оперативную работу «на места», превратив региональные представительства ГУСМП в ведущих участников хозяйственного развития Крайнего Севера. Создание Политуправления как контролирующего органа позволило укрепить и монополизировать всю политическую деятельность [Полянский, 2021, с. 126].

Создание ГУСМП и стремительное расширение его полномочий не привело к качественной ломке существовавшей системы управления и взаимосвязей, как формальных, так и полуформальных, на Севере Центральной Сибири. Произошла институционализация систем, особенно ярко проявившаяся на примере Игарки. Замкнув на себе практически всю хозяйственную деятельность, Главсевморпуть к 1936 г. стал реальным представителем государства. Он принял на себя роль «центрального узла» систем взаимоотношений Игарки и Таймыра, которые до этого были слабо связаны друг с другом. Именно через него проходила большая часть линий связи между участниками процесса освоения Крайнего Севера, что позволяло ему если и не жестко контролировать, то непосредственно влиять на них.

Литература и источники

Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т 4: Научное и хозяйственное освоение Советского Севера, 1933–1945 гг. – Ленинград: Гидрометеорологическое издательство, 1969. – 617 с.

Боякова С.И. Главсевморпуть в освоении и развитии Севера Якутии (1932 – июнь 1941 г.). – Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – 128 с.

Северная стройка. Газета. 30 апреля 1933 г. №24. – 4 с.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-21. Оп. 1. Д. 83; Оп. 2. Д. 4; 32; Ф. П-26. Оп. 1. Д. 2; Ф. П-28. Оп. 1. Д. 32; Ф. П-32. Оп. 2. Д. 1; Ф. П-42. Оп. 6. Д. 1064; Ф. П-119. Оп. 1. Д. 2; Ф. П-651. Оп. 1. Д. 1; 3.

Зингер М.Е. Основные законы по Крайнему Северу. Право на полярные пространства и организация органов управления. Опыт систематического описания. – Ленинград: Издательство Главсевморпути, 1935. – 144 с.

Изучение и освоение Арктической зоны России в XVIII – начале XXI вв. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2011. – 329 с.

Кантор Е., Суслов И. Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере. – М.: Издательство «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1934. – 212 с.

Карские операции 1920 – 1930-х годов. Сборник документов из архива компании «Совфрахт». – М.: Издательство «Паульсен», 2019. – 296 с.

Коммунистическая партия Советского союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.3. [1922–1925]. – М.: Издательство Политической литературы, 1984. – 494 с.

Полянский Е.В. Политуправление и система политотделов в структуре Главного управления Северного морского пути (1930-е гг.): характер и особенности работы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2021. – №3. – С. 118–127.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9570. Оп. 2. Д. 1; 6; 8.

Северные морские пути России. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 672 с.

Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1931 г. №55-73. Отдел первый. – М.: Издательство Народного комиссариата юстиции, 1931. – 180 с.

Тимошенко А.И. Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и Северного морского пути в 1930 – 1950-е гг. / Арктика и Север. – 2013. – №13. – С. 150–168.

Тимошенко А.И., Элерт А.Х. Россия в Арктике: проблемы изучения исторического опыта освоения территории / Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – №3. – С. 5–12.

Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановления Правительства РСФСР. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. – 495 с.

Schweitzer P., Povoroznyuk O., Schiesser S. Beyond wilderness: towards an anthropology of infrastructure and built environment in the Russian North / The Polar Journal. – 2017. – Vol 7. – №1. – Pp. 58–85.

McCannon J. Red Arctic: polar exploration and the myth of the north in the Soviet Union, 1932–1939. – New York: Oxford University Press, 1997. – 234 p.

Саввинова А.Н., к.г.н.,
Филиппова В.В., к.и.н.,
Андреева Т.Е., к.ф.н.

**Сравнительный анализ изменений в традиционном
природопользовании лесных юкагиров**

Аннотация. В работе освещаются некоторые результаты работ, выполненных в разные годы сотрудниками лаборатории электронных картографических систем СВФУ, Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Университета Северной Британской Колумбии (Канады) в рамках проекта: «Землевладение и самоуправление коренных народов в Республике Саха (Якутия) и на Севере Российской Федерации». В рамках совместного российско-канадского проекта были определены 4 кейса для изучения самоуправления и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, одним из которых является в селе Нелемное Верхнеколымского улуса. В статье выполнен сравнительный анализ изменений в традиционном природопользовании лесных юкагиров с XVIII в. по настоящее время.

Ключевые слова: юкагиры, землепользование, самоуправление, традиционное природопользование.

Antonina Savvinova, PhD
Viktoriya Filippova, PhD
Tamara Andreeva, PhD

**Comparative analysis of changes in traditional nature management
of forest yukagirs**

Abstract. The paper highlights some of the results of the work carried out in different years by the staff of the Laboratory of Electronic Cartographic Systems of NEFU, the Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS, the University of Northern British Columbia (Canada) within the framework of the project: «Land ownership and self-government of indigenous peoples in the Republic of Sakha (Yakutia) and in the North of the Russian Federation». 4 cases were identified for the study of self-government and traditional nature management of indigenous small-numbered peoples of the North, one of which is in the village of Nelemnoe in Verkhnekolymsky ulus. The article provides a comparative analysis of changes in the traditional nature management of forest yukagirs from the XVIII century to the present.

Keywords: yukagirs, land use, self-government, traditional nature management.

В данной работе представлены результаты проведенных исследований в с. Нелемное, где компактно проживают юкагиры – одни из самых малочисленных

народов Российской Федерации. Их количество в России по данным переписи населения 2020 года составляет 1813 чел., 83,7% (1518 чел.) которых проживали в Республике Саха (Якутия). Из них 181 чел. проживали в Верхнеколымском районе (27%). По данным переписей 1939 и 2010 годов юкагиры проживали локально на территории 5 районов северо-востока РС(Я). Сравнительный пространственный анализ удельного веса юкагиров от общей их численности в межпереписной период с 1939 по 2010 гг. в разрезе районов показывает изменения – если в 1939 г. районом с максимальным удельным весом юкагиров являлся Аллаиховский район, то в 2010 г. – Нижнеколымский с местом их компактного проживания в с. Андрюшкино и Верхнеколымский район – с. Нелемное [Филиппова и др., 2020]. В настоящее время в Якутии осталось только 2 наслега (по факту села) – места компактного проживания юкагиров – с. Андрюшкино и с. Нелемное. Численность юкагиров наиболее многочисленна в Нижнеколымском (420 чел.) и Верхнеколымском (309 чел.) улусах, однако доля использования родного языка достаточно низкая. По данным переписи населения 2020 г. уровень владения родным языком в обоих наслегах наиболее высок (более 29%) по сравнению с другими улусами, где также проживают немногочисленные юкагиры.

Для разновременного анализа изменений в традиционном природопользовании нами выбрано село Нелемное – типичное северное село, являющееся центром Нелемского суктула, расположенное на берегу р. Ясачная в 46 км. от улусного центра п. Зырянка. В селе основными производствами являются рыболовство и охотничий промысел. Преобладающий производственно-функциональный тип поселения – промысловый. Основной проблемой, как и для всех северных регионов, является недостаточное транспортное обеспечение: с центра района п. Зырянка до с. Нелемное нет круглогодичных дорог, в зимнее время действует автозимник – зимняя сезонная дорога, которая прокладывается по льду р. Ясачная, перевозки грузов начинаются с открытием автозимников в зависимости от погодных и климатических условий в декабре и функционируют до середины апреля. В летнее время сообщение осуществляется также по реке немногочисленными частными моторными лодками. Проблема заключается в том, что в селе нет АЗС, так что перевозки ГСМ выполняются по автозимникам, поэтому, в весеннее, летнее время и осенью до открытия автозимников ощущается нехватка ГСМ для транспорта, в том числе для буранов, квадроциклов и моторных лодок, которые жизненно необходимы для ведения традиционного природопользования. Еще одной проблемой являются наводнения на р. Колыма в весенний период, наблюдаемые практически ежегодно в п. Зырянка и с. Верхнеколымск, и размывы на небольших дорогах вблизи села.

Экспедиционные исследования были проведены нами в с. Нелемное в 1997 г., а в 2013 г. был осуществлен дополнительный сбор материалов. Во время полевых работ было выполнено анкетирование населения, анализ которого позволил выявить изменения в традиционном природопользовании лесных юкагиров. Население с. Нелемное на 01.01.1997 г. составляло 310 чел. Основная часть населения – юкагиры – 160 чел. (52%), а также якуты – около 70 чел.,

русские, украинцы, эвены, эвенки и др. в 2013 г. (67%), а по данным переписи 2020 г. юкагиры составляли 75,1%. Таким образом, наблюдается не существенная, но положительная динамика численности населения. Лиц трудоспособного возраста в 1997 г. было 130 чел., в том числе в традиционных отраслях Севера было занято 40 чел. Лиц в трудоспособном возрасте, занятых в экономике 44%, старше трудоспособного возраста 43 чел., в т.ч. 11 работающих пенсионеров, что составило 14%, моложе трудоспособного возраста 123 чел. (42%), в том числе 30 школьников, 35 детей посещали детский сад. Из постоянного населения временно не проживали в с. Нелемном 10 чел., которые учились в ВУЗах и ПТУ в других регионах. На 2013 г. показатели существенно изменились: численность постоянного населения на 01.01.2012 г. составила 280 чел., из них мужчин – 106, женщин – 99, численность детей – 75. В том числе количество представителей коренных малочисленных народов Севера – юкагиров составляла 184 чел. Численность трудоспособного населения составила 170 (53%), моложе трудоспособного – 81 (28%), старше трудоспособного – 33 (19%). Из постоянного населения не проживали в селе – 84 чел., уезжали на заработки в районный центр Зырянка и в г. Якутск на учебу и на подработку вместе с семьей.

Для изучения динамики природопользования лесных юкагиров Верхне-колымского улуса нами изучены основные исторические периоды изменения территорий их традиционного природопользования, описаны основные виды и названия хозяйствующих субъектов, традиционные занятия населения. Также для пространственного представления рассчитаны примерные расстояния территорий землепользования по описаниям мест ведения традиционных промыслов (охоты, рыболовства, сбора дикоросов) в архивных материалах и литературных источниках. Исторический период взят:

– до XVIII вв., вплоть до XVIII вв. у народностей тундровой и лесотундровой части Колымского края главным источником существования являлось охота на дикого оленя. Юкагиры племени когиме, находившиеся в верховье Колымы, занимались рыболовством на реках и охотой на диких оленей и лосей. Основные ареалы расселения и традиционного природопользования по бассейну реки Коркодон составляли ~180-350 км.

– конец XIX в. Занимались рыболовством, охотой на животных и пушных зверей. Чтобы оплатить ясак, закупить продукты, чай, табак добывали белок, лисиц, росомх и других зверей. Основные ареалы расселения и традиционного природопользования по бассейну реки Ясачной ~130-150 км., бассейну реки Коркодон ~180-350 км.

– XX в. одним из факторов изменений в территориях традиционного природопользования и локальной мобильности коренного населения в Якутии в XX в. являлось проведение национально-территориального районирования в стране. Основные ареалы расселения и традиционного природопользования по бассейну реки Ясачной ~130-150 км., бассейну реки Коркодон ~180-350 км. В 1930 г. юкагирские хозяйства были разделены на две группы: Верхне-Колымскую и Коркодонскую местность Омук-Арангастах (нынешнее местополо-

жение с. Нелемное). Основные ареалы расселения и традиционного природопользования по бассейну реки Ясачной ~130-150 км., реки Коркодон ~180-350 км. [Саввинова, Филиппова, 2021].

Установление административных границ между соседствующими регионами, а также внутри самих регионов было тесно взаимосвязано с такими вопросами землеустройства, как закрепление промысловых, сельскохозяйственных угодий за родами коренных этносов, а позднее за колхозами и совхозами. Особенно болезненно данный вопрос встал перед коренными народами, территории природопользования которых оказались в разных субъектах РСФСР в результате проведения новых административно-территориальных границ. В начале XX в. в Сибири и на Дальнем Востоке периодически происходила реорганизация административно-территориальных органов в целях «упорядочения» вхождения территорий. Так, только за 1920–1930-е гг. по данным «Собрания узаконений и распоряжений РСФСР» применительно к Якутской АССР вышли ряд постановлений ВЦИК. Соответственно, каждое постановление влекло за собой изменение внешних и внутренних границ, которое приводило к разделению ранее общей территории традиционного природопользования коренных народов. В результате нового административно-территориального деления исторические территории проживания одного рода оказывались в двух разных субъектах. В ходе такой «перекройки» границ менялась административная принадлежность территорий населенных пунктов.

Территория с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия) административно подчинялась в разные периоды, как Якутии, так и Хабаровскому краю, позднее – Магаданской области. Изменения в природопользовании таежных юкагиров Верхнеколымского района была связана в первую очередь с историей административно-территориального устройства и историей установления внешних границ Якутской АССР, ввиду того что границы землепользования Нелемнского суктула одновременно являются смежной границей РС(Я) и Магаданской областью.

В годы коллективизации 1930–1934 гг. территория Нелемнского наслега вошла в состав Ольско-Сеймчанского района Охотского национального округа Дальневосточного края. В 1932 г. входила в состав Среднеканского района Охотско-Эвенского национального округа. В период с 1931–1954 гг. территория Нелемнского наслега входила в состав Среднеканского района Магаданской области. Основные ареалы расселения и традиционного природопользования до центра района п. Сеймчан по прямой ~290 км., по реке Колыма ~400 км. В 1954 г. из состава Среднеколымского района был образован самостоятельный Верхнеколымский район. Основные ареалы расселения и традиционного природопользования простирались до уч. Босяки ~20 км., уч. Камешки ~ 9 км., уч. Старое Нелемное ~4 км., уч. Омук-Арангастах ~27 км., п. Зырянка ~30 км. В 1958 г. вследствие объединения колхозов «Советская конституция» и «Светлая жизнь» был образован колхоз «Юкагир». Ведущей отраслью после укрупнения являлось животноводство (крупный рогатый скот, коневодство, оленеводство).

Общее население колхоза составило 280 чел. из 73 хозяйств. Колхозу было передано в долгосрочное пользование 620,5 тыс. га земли, в том числе 140 тыс. га оленьих пастбищ. Основные ареалы расселения и традиционного природопользования н.п. Омук-Арангастах ~27 км., уч. Старое Нелемное ~4 км., Рассоха ~82-190 км., Шаманиха ~110 км., с. Верхнеколымск ~28 км.

В 1960-х был создан совхоз «Верхнеколымский», в состав которого Верхнеколымским отделением был включен колхоз «Юкагир». Ведущими отраслями совхозного производства стали: охотничий промысел, оленеводство, домашнее животноводство и коневодство. В с. Нелемное располагалось управление отделения совхоза, а также учреждения социальной инфраструктуры – деткомбинат, школа, больница и др. Основные ареалы расселения и традиционного природопользования – с. Усун-Кюель ~100 км., п. Оттур-Кюель ~18 км., с. Верхнеколымск ~28 км.

В 1991 г. в рамках реорганизации совхоза «Верхнеколымский», в селе был поднят вопрос о создании родовой общины «Юкагир». Инициативная группа своевременно не решила вопрос о наделении общины «Юкагир» земельными угодьями. Поэтому фактически община стала так называемой «безземельной». К 1992 г. в наслег насчитывались уже три родовых общины: «Одул», «Юкагир» и «Текки-Одулок» которые в 1993 г. объединились в одну общину «Текки Одулок» для сохранения исконной территории, восстановления и развития традиционных отраслей, промыслов, культуры и языка юкагирского народа. В 1991 г. Нелемскому сельсовету был присвоен статус национального сельского совета. Основные ареалы расселения и традиционного природопользования – Шаманиха ~110 км., Поповка ~67 км., Рассоха ~82-190 км., Ясачная, Колыма и озерах их междуречий в радиусе ~50-100 км. [Филиппова, Саввинова, 2013]. В 2007 г. был организован Суктул «Нелемский юкагирский наслег». Основные ареалы расселения и природопользования юкагиров сложились в основном в пределах административных границ наслега от с. Нелемное на юг ~130 км., на восток ~100 км., на запад ~150 км. На основе анализа отражающей основные ареалы расселения и природопользования нелемских юкагиров, можно проследить сокращение протяженности маршрутов передвижения в 2 раза (с 300 км до 150 км), исчезновения маршрутов в связи с закрытием бесперспективных поселков (Босяки, Камешки и др.), прекращения наземных сообщений из-за изменений в административно-территориальном делении (п. Сеймчан).

Для изучения современной динамики традиционного природопользования, информация о природопользовании юкагиров была получена в ходе: интервью, опроса респондентов (анкетирования), изучения архивных материалов, сбора статистической информации, картографирования территорий традиционного природопользования. Анкета, которая была разработана в предэкспедиционный камеральный период работ в 1997 г., была предложена к заполнению в с. Нелемное как в 1997, так и в 2013 г. (спустя 16 лет для анализа динамики природопользования).

Для обеспечения репрезентативности было решено опросить в селе Нелемное не менее 20% взрослого населения (как минимум 50 чел.). Из «Похозяйственной книги» была выбрана представительная группа взрослых жителей, она была зарегистрирована, согласно этносу и происхождению. При этом, использовался разработанный вопросник, состоящий, приблизительно, из 75 вопросов, разделенных на 6 групп (общие данные, хозяйство и традиции, жизнь в селе, местное управление, община, земля, специальные права малочисленных народов Севера и ассоциация малочисленных народов Севера) в которых вопросам традиционного природопользования отведено 16% вопросов. Опрос проводился, в частности, для того, чтобы выяснить мнение местного населения о территориальной приуроченности их традиционной хозяйственной деятельности, отмечая, при этом, соответствующими метками на карте районы различных видов этой традиционной деятельности (места охоты, рыбалки, олени пастбища, места сбора ягод, дикоросов. Это послужило, впоследствии, материалом для составления более полной карты традиционного землепользования по каждой общине.

Результаты анализа анкетирования позволили сделать вывод, что самый большой процент проблем составляет категория: «социальные условия», включающие в себя как физическое состояние села, так и вопросы социального положения семей, проживающих в селе. На второе место выступает проблема, связанная с безработицей и не выплатой зарплат. Понятно, что крайне тяжело и недопустимо не получать зарплату. Если нет альтернативных источников дохода, то становится чрезвычайно сложно для семей удовлетворять их ежедневные основные нужды. Интервью также показали, что 7.9% респондентов обозначили эту проблему, с которой столкнулась община. И, наконец, проблема алкоголизма была наиболее значимой в жизни с. Нелемное – 3.2% респондентов определили алкоголизм как важную проблему для их общины. Повторные исследования, проведенные в с. Нелемное в 2013 году дали примерно такую же картину, процентное соотношение ответов практически не изменилось.

Другая важная составная часть жизнедеятельности юкагиров – это защита традиционного уклада жизни коренного населения. Жителей спрашивали насколько это важно для них – поддержание традиционной деятельности. Результаты 1997 г.: почти каждый (97.1%) думал, что это является важным или очень важным. Жителей также спрашивали, насколько важным они считают сохранение их традиционного уклада жизни – 85.7% жителей считало, что это важно или очень важно. Результаты 2013 г. – 93% считали, что является очень важным и важным, однако по сравнению с 1997 г. на 4% увеличилось число людей, которые считают, что сохранение традиционных видов деятельности не столь важно.

По материалам интервью и анкетирования установлено, что у юкагиров традиционное природопользование и в настоящее время является основной формой жизнедеятельности. Люди продолжают заниматься главным образом охотой и рыболовством. Традиционные места охоты расположены главным образом, в бассейнах рек Шаманиха и Поповка, где испокон веков охотились их предки. По словам охотников, зимой производится промысел пушных зверей

– соболь, белка, горностай, ондатра, осенью на водоплавающую дичь – гусей и уток. Рыболовные места рассредоточены на реках Рассоха, Ясачная, Колыма и озерах их междуречий, где основными промысловыми видами являются: хариус, ленок, омуль, чир, нельма. У охотников и рыбаков на основе личных договоренностей и семейственности сложились свои промысловые угодья, которые практически не нарушаются, что является примером проявления обычного права в земле- и природопользовании. Однако с 1997 г. существенно сократилось количество людей, занятых в традиционной деятельности. Если в 1997 г. было 48%, то в 2013 г. только 19% было занято в традиционном хозяйстве.

В ходе работ, было выполнено картографирование территорий традиционного природопользования юкагиров. Данный метод исследования позволяет получить пространственную локализацию территорий традиционного природопользования и особенностей локальной мобильности. Информация об использовании земель коренными народами юкагирами была получена в ходе бесед и, в частности, в ходе картографирования с землепользователями из местных общин. Каждый респондент указывал свои конкретные районы землепользования с помощью значков (стикеров) с изображением разных видов животных, рыб, птиц. Респонденты указывали места выпаса оленей, места охоты, рыбалки, сбора дикоросов и т.д. Далее вся картографическая информация с карт со стикерами была введена в базу данных ГИС для пространственного анализа. Данные с этих карт были использованы для создания информационных слоев ГИС, которые включают традиционное землепользование, межрегиональную и местную коммуникационную инфраструктуру и другое. Учитывая пространственный характер традиционных культурных и экологических знаний, технология ГИС может помочь включить традиционные знания коренных народов в процесс принятия решений.

Результаты ГИС анализа показали, что территории землепользования, где коренные народы действительно охотятся, ловят рыбу, пасут оленей, не всегда совпадают с официальными границами, проведенными на официальных картах. Так, например наложение на одну основу разновременных границ административно-хозяйственного деления дает нам возможность сопоставить, проанализировать и показать динамику ее изменения, что помогает в решении спорных вопросов. В результате проведения государственной политики по административно-территориальному устройству и переводу кочевого населения на оседлый образ жизни произошло сокращение ранее используемых территорий традиционного землепользования, были заброшены отдаленные промысловые участки. Сокращение промысловых ареалов привело к сужению исконных занятий, к резкому сокращению числа профессиональных охотников среди коренных народов, к разрушению культуры этнических занятий и, в конечном счете, преемственности между поколениями, сокращению ареалов локальной мобильности.

Результаты анализа соответствия официально отведенных границ оленьих пастбищ, охотничьих угодий и реально существующих границ традиционного

природопользования выявили прямое и косвенное влияние особенностей административно-территориального и административно-хозяйственного деления на формирование типов природопользования лесных юкагиров, на их внутри- и межрегиональные коммуникации и локальную мобильность. Сопоставление границ фактического и официального природопользования также показали, что в большинстве случаев границы не совпадают, а если и совпадают, то используются не всегда по назначению.

Таким образом, по нашему мнению, знание динамики низового административного деления имеет особое значение для организации территориальной информации, без восстановления истории системы административно-территориального деления невозможно проведение пространственного анализа информации по территории за достаточно длительный период. Результатом работы является составление реальной картины традиционного расселения, коммуникаций и локальной мобильности юкагиров Верхнеколымского улуса Якутии, которая может быть использована для формирования рекомендаций по дальнейшему устойчивому развитию мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера в Якутии.

Литература

Саввинова А.Н., Филиппова В.В. Внутрирегиональные коммуникации и изменения в локальной мобильности лесных юкагиров Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия) // Региональные проблемы развития Дальнего Востока России и Арктики: тезисы докладов II Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции «Моисеевские чтения», посвященной памяти камчатского ученого Р.С. Моисеева. – Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2021. – с. DOI: 10.53657/9785961004069_195. С.195–195-ж.

Филиппова В.В., Саввинова А.Н. Изучение изменения традиционного природопользования верхнеколымских юкагиров в XX веке // Казанская наука. – Казань: Изд-во Казанский издательский дом, 2013. – №11. – С. 59–62.

Филиппова В.В., Сулейманов А.А., Шадрин В.И., Астахова И.С., Григорьев С.А. Пространство жизнедеятельности «исчезающего» этноса: юкагиры Якутии в XX–XXI вв. – Владивосток: Дальнаука, 2020. – 324 с.

Санникова Я.М., к.и.н.

Земельные ресурсы Якутии и специфика арктических земель в традиционном хозяйствовании коренного населения в последнее десятилетие социализма

Аннотация. Показаны предварительные результаты исследования особенностей использования земельных ресурсов в традиционном хозяйствовании коренного населения Якутии в последнее десятилетие советского периода.

Ключевые слова: традиционное хозяйство, Арктика, Север, Якутия, земельные ресурсы.

Yana Sannikova, PhD

Land resources of Yakutia and the specifics of the Arctic lands in the traditional economy of the indigenous people in the last decade of socialism

Abstract. The article presents preliminary results of a study of the features of land resource use in the traditional economy of the indigenous population of Yakutia in the last decade of the Soviet period.

Keywords: traditional economy, Arctic, North, Yakutia, land resources.

Настоящая тема вызвана необходимостью показать состояние и особенности оценки самого главного ресурса в традиционном хозяйствовании коренного населения Арктики и Севера Якутии и автором была осуществлена апробация предварительных результатов изысканий [Санникова, 2024]. Архивные данные по земельным ресурсам совхозов, особенностям их учета, показывают то их состояние, которое составляло основу традиционного сельского хозяйства и промыслов коренного населения края, являвшихся их традиционным хозяйственным укладом жизни. Необходимо обратить внимание, что земельные ресурсы вместе с природными условиями являются первым показателем в числе таковых, которые приложимы для общей оценки / характеристики традиционного хозяйства вне зависимости от официальной типологии в определенный исторический период. Подробнее о стратегиях исследования в контексте антропологии традиционного образа жизни можно ознакомиться в нашей специальной статье [Винокурова Л.И. и др., 2023].

За 1980-е гг. при неизменных размерах территории республики происходило сокращение непосредственно сельскохозяйственных угодий – на 1086,2 тыс. га, или на 37,4%, которые в первой половине десятилетия составляли всего 0,94%–0,92% всех земель, и во второй половине – только 0,66%–0,59%. И это происходило преимущественно за счет сокращения сенокосов (на 504,5 тыс. га, или на 37,0%) и пастбищ для крупного рогатого скота (на 591,5 тыс. га, или на 42,0%). В то же время можно констатировать, что оленьи и конские пастбища, которые составляли 21,65%–30,67% всех земель, к концу рассматриваемого периода несколько увеличились – на 27800 тыс. га, или на 29,3% в основном за счет земель под кустарниками, болотами [НА РС(Я), Д.73. Л. 34; Санникова, 2024].

Специфика земельных ресурсов совхозов изучаемых 15 арктических и северных улусов была следующей. Сельскохозяйственные угодья в изучаемых районах в основном составляли сенокосы и пастбища для выпаса крупного рогатого скота, но в некоторых из них очень незначительные земли были отведены под пашни, залежей практически в них не было. Особенностью зе-

мельных ресурсов, необходимых для ведения традиционных хозяйственных занятий в домашнем оленеводстве и табунном коневодстве было и является то, что они должны располагать достаточно обширными пастбищами. В советский период в 1970-е-1980-е гг. были составлены проекты земельных площадей по совхозам, которые кроме сельскохозяйственных угодий, отдельно, в том числе в составе государственных земель лесного фонда и земель запаса, учитывали оленьи и конские пастбища. В последние два года официального советского периода начались изменения в распределении земельных ресурсов в хозяйствах, вслед за начавшимися разукрупнениями совхозов начали создаваться другие формы хозяйствования, категории. Но все же основной категорией хозяйств оставались совхозы. Преобразования начавшейся земельной реформы касаясь совхозов изучаемых районов принесли первые изменения и в распределении земельных ресурсов в хозяйствах, но касалось все-таки только части районов.

В 1991 г. в 15 арктических и северных районах было 43 совхоза АПК с общей площадью земель в 34490361 га, что составляло 85,3% всех земель 165 совхозов республики. В том числе в изучаемых районах располагались 16,1% всех сельскохозяйственных угодий, 63,1% оленьих пастбищ, 82,9 конских пастбищ совхозов республики и 67,7% охотничьих угодий всех районов республики.

По группам районов распределение было следующим. В северо-западно-прибрежной группе, имеющей преимущественно промыслово-оленьеводческую специализацию на 17 совхозов семи районов приходилось 50,5% общей площади земель совхозов республики и 59,1% всех совхозов 15 изучаемых районов, в том числе: 0,7% и 4,6% сельхозугодий, 40,3% и 63,8% оленьих пастбищ, 6,6% и 7,9% конских пастбищ совхозов республики и совхозов изучаемых районов соответственно. В северо-восточной группе, характеризующейся пропорциональными направлениями традиционных отраслей хозяйства, 15 совхозов пяти районов имели 26,1% общих площадей земель совхозов республики и 30,6% совхозов изучаемых районов, в том числе: 12,0% и 74,0% сельскохозяйственных угодий, 17,7% и 27,6% оленьих пастбищ, 55,0% и 66,5% конских пастбищ всех совхозов республики и совхозов изучаемых районов соответственно. В индигиро-колымской группе, имеющей в своей специализации промыслово-животноводческое направление с локальным оленеводством, в 11 совхозах трех районов имелись 8,7% общих площадей земель совхозов республики и 10,2% земель совхозов изучаемых 15 районов, в том числе: 3,4% и 20,8% сельскохозяйственных угодий, 5,1% и 8,0% оленьих пастбищ, 21,2% и 25,6% конских пастбищ совхозов республики и совхозов 15 изучаемых районов соответственно [НА РС(Я), Д. 69. ЛЛ. 27-32, 60-63, 74-77; Д. 70. ЛЛ. 23-27, 43-51, 54-62, 83; Санникова, 2024]. Кроме отдельных улусов, в частности Усть-Янского, где были отведены земли организуемым родовым общинам, практически по итогам года земельные ресурсы указанных в районах совхозов совпадали с земельными ресурсами угодий и пастбищ самих районов.

Таким образом, для арктических и северных районов с преобладающим развитием домашнего оленеводства и охотничьих промыслов весьма необъективно, что их оленьи и конские пастбища, охотничьи угодья учитывались вне их земель сельскохозяйственного назначения. На изучаемый же период в силу специфики ведения хозяйства, особенно по домашнему оленеводству, земельные ресурсы аграрной экономики республики были в абсолютных показателях преимущественно именно за совхозами АПК 15 арктических и северных улусов. В фактологическом и статистическом плане предварительные результаты исследования подтверждают тезис о том, что земельные ресурсы в аграрном секторе республики и в частности 15 изучаемых арктических и северных районов к концу советского периода, в 1990–1991 гг. сохранялись в основном за совхозами АПК и в этом плане на тот период именно они обладали преимуществом в наличии земель в традиционном хозяйствовании несмотря на то, что первые мероприятия земельной реформы уже начали реализовываться [Санникова, 2024].

Литература и источники

Винокурова Л.И., Санникова Я.М., Филиппова В.В. Антропология традиционного образа жизни: к стратегиям исследований коренного населения сельской Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2023. – №2 (43). – С. 10–23.

Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее НА РС (Я)). Ф. 1545. Оп. 1. Д. 69, 70, 73, 80.

Санникова Я.М. Земельные ресурсы сельского хозяйства Якутии в последнее десятилетие социализма: особенности учета земель совхозов арктических и северных районов // Аграрная история. – 2024. – №19. – С. 59–71.

Урожаева Т.П., к.и.н.

Последствия маловодья 2014–2016 гг. в Прибайкалье и Приангарье

Аннотация. В 2014–2016 гг. аномально маловодной называли сложившуюся водохозяйственную обстановку в Приангарье специалисты из отдела гидрологических прогнозов Иркутского управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. Маловодье 2014 г. вновь обострило общественную дискуссию о регулировании уровня Байкала.

Ключевые слова: маловодье, Ангарский каскад ГЭС, Ленский бассейн, гидрологический прогноз, ОАО «Иркутскэнерго».

Consequences of water scarcity in 2014–2016 in the Baikal region and the Angara region

Abstract. In 2014–2016, the current water management situation in the Angara region was called abnormally low-water by specialists from the Department of hydrological forecasts of the Irkutsk Department of Hydrometeorology and Environmental Monitoring. The lack of water in 2014 has once again exacerbated the public debate about the regulation of the Baikal level.

Keywords: low water, Angarsk cascade of Hydroelectric power plants, Lena basin, hydrological forecast, OJSC “Irkutskenergo”.

Засушливое лето 2014 г. привело к аномальному снижению уровня воды в крупных водоемах Сибири. Так, уровень Байкала оказался ниже уровня 2013 г. на 29 см. Иркутские гидрометеорологии отмечали, что подобная ситуация последний раз наблюдалась в регионе в середине 1970-х гг. Маловодье несло за собой проблему для Ангарского каскада ГЭС: из-за дефицита гидроресурсов работать предстояло в весьма скованных условиях. Однако на этом «маловодная» проблема не заканчивалась – под угрозой могла оказаться эксплуатация водозаборов в Ангарске, Черемхове, Свирске.

«Из-за маловодности обмелела р. Лена. Практически пустыми оказались притоки Ангары» – прокомментировал ситуацию М. Людвиг, начальник территориального отдела водных ресурсов по Иркутской области (входил в Енисейское БВУ).

Не обошло стороной маловодье, естественно, и искусственные водоемы – водохранилища Ангарского каскада ГЭС. Так, например, по данным Иркутск-гидромета, уровень наполнения Братского водохранилища в июле 2014 г. составил 397,01 м по Балтийской системе (БС), что на 200 см ниже, чем в 2013 г. [Ткачук, 2014, с. 4].

Летом 2014 г. река Лена стала ниже проектных судоходных отметок, поэтому высокотоннажные суда шли по ней с недогрузом. Также озеро Байкал обмелело на 30 см, такого явления, по наблюдениям, не было с 1984 г. и значительно уменьшился уровень Братского водохранилища. Маловодье повлияло на энергетику: Иркутская и Братская ГЭС работали с минимальными сбросами воды [Дубасова, 2014, с. 2].

Маловодье 2014 г. вновь обострило общественную дискуссию о регулировании уровня Байкала. Погодные условия не позволили удержать минимальную планку, установленную в 2001 г., дальше снижать попуски Иркутской ГЭС было нельзя – без воды рисковали остаться Ангарск, Усолье-Сибирское, Черемхово и несколько других населенных пунктов.

Необходимо было найти компромисс между необходимостью сохранения резерва воды для обеспечения производства электроэнергии в маловодные

годы и безопасностью для хозяйственных объектов, жилья в долине Ангары, эффективностью работы речного флота» [Черепанова, 2014, с. 3].

Зарубежный опыт показывал, что принятию правил регулирования водохранилищ должна предшествовать комплексная исследовательская работа. Например, в случае с ГЭС Мозес-Сандерс, расположенной на реке Святого Лаврентия на границе Канады и США, в начале 2000-х гг. проводились пятилетние изыскания, в которых приняли участие свыше 200 экспертов и которые обошлись казне в 20 млн долл. [Байкал выходит за рамки..., 2015, с. 2].

Затяжное маловодье наблюдалось с 1996 г., но оно было сравнительно мягким – приточность не дотягивала до нормы в среднем на 6%. Но в 2014 г. оно стало экстремальным. Ежегодный сток Ангары в среднем составил 60 км³, и вода из Байкала вытекала со средней скоростью 1900 м³ в секунду. Это было явно больше средних сбросных расходов Иркутской ГЭС в 2014 г., даже с учетом весенних попусков, которые, по заявлению бурятской стороны, были завышены [Вода, что вчера утекла..., 2015, с. 3].

С другой стороны, история регулирования Байкала знает пример, когда многоводный 1971 г. со средним притоком в 2313 м³ в секунду сменился крайне маловодным 1972 г. (1283 м³/с), после чего наступил экстремально многоводный 1973 г., в который среднегодовой приток составил 2848 м³ ежесекундно. Ситуация 2014-2015 гг., по всем признакам была гораздо ближе к маловодью на стыке 1970-х и 1980-х гг., и предугадать дальнейшее развитие событий было непросто [Метр с плюсом..., 2015, с. 3].

Старший научный сотрудник лаборатории гидрологии и гидрофизики Лимнологического института СО РАН В. Синюкович добавил: начиная с 1996 г. приток в Байкал был сравнительно небольшим.

За счет того, что летом 2014 г. попуски были ограничены, к началу сентября Байкал удалось наполнить до отметки 456,57 м ТО. Заслуга в этом принадлежала именно Иркутской ГЭС: в естественных условиях Ангара в III квартале ежесекундно уносила бы из озера в среднем 2380 м³ воды – почти на 1 тыс. м³ больше, чем реально пропускала станция. Несложно догадаться, что снижение сбросных расходов привело к возможности удержать часть воды в верхнем бьефе [Переходит все границы..., 2015, с. 4].

С учетом того, что маловодье приняло угрожающий характер, к 12 марта 2015 г. уровень воды в озере опустился до 455,95 м ТО. После наполнения водохранилища Иркутской ГЭС, когда средний многолетний уровень озера поднялся до 456,42 м ТО, он 22 раза опускался ниже отметки в 456 м ТО. Минимум – 455,27 м ТО – был достигнут в 1982 г. [Нарушений не усмотрели..., 2015, с. 3].

На других станциях Ангарского каскада таких сложностей не было. В Братском море вода находилась на отметке 395,87 м по БС высот, в водохранилище Усть-Илимской ГЭС – 295,24 м БС. С одной стороны, эти показатели не дотягивали до нормальных подпорных уровней. С другой – существенно превышали уровни мертвого объема, ниже которых сработка обоих водохранилищ в нормальных условиях эксплуатации не допускалась. Водохранилище Богучанской

ГЭС, в свою очередь, достигло отметки 207,47 м БС, так что его заполнение, после которого станция могла выйти на установленную мощность, завершилось [Борисов, 2015, с. 3].

Выработка и потребление электроэнергии в Иркутской области продолжала снижаться на фоне незначительного роста в целом по Сибири, наметившегося в июле-августе 2015 г. Причина спада генерации заключалась в затянувшемся маловодье, затронувшем Ангарский каскад ГЭС.

Маловодье, затронувшее восточносибирские реки, по-прежнему определяло режим их работы: прибавка по сравнению с августом 2014 г. составила только 0,3% [Слагаемые спада..., 2015, с. 2].

«Если брать периоды-аналоги, то наиболее близким к ситуации 2014–2016 гг. в являлся период 1977–1979 гг. – часть памятного экстремального маловодья 1976–1982 гг., – добавил главный специалист ИСЭМ СО РАН В. Никитин.

Ежемесячно жестко устанавливали режимы работы всех гидро-электростанций и уровеньный режим их водохранилищ с учетом интересов всех водопользователей и складывающейся гидрологической обстановки», – подчеркнул В. Никитин [Никитин, 2015, с. 2].

Со второй декады сентября 2015 г. сбросы постепенно стали уменьшать до 1300 м³ – допусков, ниже которых возникала опасность прекращения стабильной работы водозаборов в нижнем бьефе станции. Впрочем, маловодье 2015 г. оказалось еще более суровым, так что, несмотря на постоянную работу Иркутской ГЭС со сбросными расходами 1300 м³ в секунду, к концу декабря вода в озере ушла ниже отметки 456 м ТО, а в апреле 2016 г. могла дойти и до 455,6–455,7 м ТО [Павлова, 2015, с. 2].

Маловодье на Байкале продолжалось, причем непростой 2014 г. сменился экстремальным 2015-м. За несколько дней до наступления 2016 г. уровень воды в озере пересек отметку в 456,0 м над уровнем моря, которую правительство РФ в 2001 г. формально установило в качестве минимально допустимой [Приток подсчитан..., 2016, с. 3].

Навигация-2016 из-за ожидаемого маловодья на судоходных реках Иркутской области и Якутии подорожала и сократилась по времени. По данным Гидрометцентра, в 2016 г. для Ленского бассейна продолжилась и другая тенденция, которая уже наблюдалась в 2014–2015 гг., – маловодье. По предварительному прогнозу метеорологов, уровень воды в Лене и ее притоках снизился еще на 6–10% к предыдущему периоду. Основной пик понижения водности ожидался на июль. Напомним, что в 2015 г. уровень уже был критичным [Павлова, 2016, с. 3].

Маловодье, начавшееся в 2014 г. и усугубившееся в 2015 г., это подтвердило: уровень озера опускался ниже 456 м ТО в феврале и декабре 2015 г., несмотря на то что сбросные расходы Иркутской ГЭС были снижены до минимума [Минимум в июне..., 2016, с. 4].

В 2016 г. в бассейне озера Байкал и водохранилищ Ангаро-Енисейского каскада продолжался маловодный период. Полезный приток в озеро Байкал в

январе, феврале и марте 2016 г. был зафиксирован на уровне 90–95% обеспеченности, в апреле – около 50% обеспеченности [Комарова, 2016, с. 2].

Средние сбросные расходы Иркутской ГЭС оставались неизменными с осени 2014 г. – 1300 м³ в секунду; озеро заполнялось быстрее, чем в 2015 г. Простые арифметические расчеты показывали, что маловодье в некоторой степени смягчилось [Уже плюс..., 2016, с. 3].

Согласно данным Гидрометеоцентра, фактический приток в Байкал в августе 2016 г. составил около 4100 м³ в секунду. В сентябре он снизился до 2400 м³ ежесекундно. При этом сбросные расходы Иркутской ГЭС, для которой озеро являлось основной водохранилища, были ограничены 1300 м³ в секунду. Сбросные расходы Иркутской ГЭС на какое-то время меняли и летом, но в целом они оставались минимальными [Байкал на половину полон..., 2016, с. 2].

Иркутская ГЭС еще минимум полгода работала с самыми низкими сбросными расходами. Это обстоятельство определило функционирование остальных ступеней Ангарского каскада. Несмотря на то, что в 2016 г. маловодье в бассейне Байкала оказалось мягче, чем в 2015 г., к февралю уровень озера подошел к отметке 456 м в Тихоокеанской системе высот. К маю 2017 г., когда началось заполнение водохранилищ, уровень озера оказался на 20 см ниже [Цель – экономия..., 2016, с. 4].

Маловодье на Байкале наблюдалось с 2014 г. К критическим нормам по работе приближались водозаборы Свирска и Черемхово, был вопрос с водозабором в Братске – где могли возникнуть проблемы, если обеспечивать судоходство ниже по течению Енисея, в который впадала Ангара [Рымарева, 2017, с. 4].

Необходимо было также выполнить отдельные исследования по оценке возможности изменения диапазона регулирования водохранилищ с привлечением ресурсов Богучанской и Усть-Илимской ГЭС. Наконец, в новых правилах использования водных ресурсов, следовало учесть каскадный эффект работы гидроэлектростанций [Новая норма..., 2018, с. 2].

«Маловодье, которое тянулось до 2018 г., по обычным законам природы сменилось большой водностью, – отметил директор Иркутского филиала СО РАН и Института динамики систем и теории управления имени *В.М. Матросова И. Бычков*. – Это было связано с выпадением осадков, которые прошли весной и летом 2020 г. Плюс зима была достаточно снежной, так что в Байкале накопился большой объем водных ресурсов» [Обжегшись на маловодье..., 2020, с. 4].

В 2014 г. специалисты из Института систем энергетики имени *Л.А. Мелентьева* СО РАН определили и картировали зоны затопления в нижнем бьефе Иркутской ГЭС вплоть до устья Белой, которое находилось за Усольем-Сибирским [Набирать нельзя..., 2021, с. 4].

«Мы имели дело с экстремальным маловодьем, потому что в течение двух лет из четырех обеспеченность притока составляла 98–99%, – подчеркнул заведующий лабораторией гидроэнергетических и водохозяйственных систем Института систем энергетики имени *Л.А. Мелентьева* СО РАН *В. Никитин*. – То есть то, что случалось один или два раза за 100 лет. Пока это самое глубокое

маловодье за весь период наблюдений» [Байкалотрегулируют..., 2021, с. 4]. Ему на смену пришла «большая вода».

Литература и источники

- Байкал выходит за рамки // Сибирский энергетик. – 2015. – 16 янв. – С. 2.
- Байкал наполовину полон // Сибирский энергетик. – 2016. – 17 окт. – С. 2.
- Байкалотрегулируют по науке: ученые берутся за обоснование экологичного диапазона уровней озера // Восточно-Сибирская правда. – 2021. – 20 окт. – С. 4.
- Борисов Г. На случай маленькой воды: допустимые уровни Байкала планируют пересмотреть // Сибирский энергетик. – 2016. – 19 февр. – С. 4.
- Борисов Г. Недостача воды // Сибирский энергетик. – 2015. – 15 мая. – С. 3.
- Вода, что вчера утекла: маловодье на Байкале вызвало ожесточенные споры вокруг регулирования уровня озера // Конкурент. – 2015. – 20 янв. – С. 3.
- Дубасова А. Недобрали влаги: метеорологи сделали прогноз погоды на декабрь // Иркутский репортер. – 2014. – 11 ноября. – С. 2.
- Комарова В. Уровень Байкалаотрегулирован // Сибирский энергетик. – 2016. – 15 июля. – С. 2.
- Метр с плюсом: «Призму» регулирования Байкала временно увеличили в связи с маловодьем // Иркутский репортер. – 2015. – 12 февр. – С. 3.
- Минимум в июне, максимум в июле: вода в Байкале за месяц может вернуться к нормативной отметке // Сибирский энергетик. – 2016. – 3 июня. – С. 4.
- «Набирать нельзя сбрасывать» // Восточно-Сибирская правда. – 2021. – 20 июля. – С. 4.
- Нарушений не усмотрели: прокуратура опровергла обвинения правительства Бурятии // Сибирский энергетик. – 2015. – 13 мая. – С. 3.
- Никитин В. «Природа проводит чистый эксперимент»: маловодье на Байкале оказалось сильнее прошлогоднего // Сибирский энергетик. – 2015. – 16 окт. – С. 2.
- «Новая норма»: маловодье в бассейне Байкала и Ангары смягчается // Сибирский энергетик. – 2018. – 29 июня. – С. 2.
- Обжегшись на маловодье: стратегия излишней экономии водных ресурсов ведет к «переполнению» Байкала // Восточно-Сибирская правда. – 2020. – 19 сент. – С. 4.
- Павлова А. Места ограничены // Конкурент. – 2016. – 17 мая. – С. 3.
- Павлова А. Низкая отметка // Сибирский энергетик. – 2015. – 25 дек. – С. 2.
- Переходит все границы: уровень воды в Байкале вплотную подошел к установленному властями минимуму // Иркутский репортер. – 2015. – 14 февр. – С. 4.
- Приток посчитан: среднегодовой приток в Байкал на 1% превысил минимум за 115 лет наблюдений // Сибирский энергетик. – 2016. – 22 янв. – С. 3.
- Рымарева М. Проблемы и перспективы водных ресурсов Иркутской области обсудили в ЗС // Парламентские вести. – 2017. – 30 окт. – С. 4.
- Слагаемые спада // Сибирский энергетик. – 2015. – 18 сент. – С. 2.

Ткачук Ф. Аномальное маловодье // Конкурент. – 2014. – 21 окт. – С. 4.

Уже плюс: Байкал наполняется чуть быстрее, чем год назад // Сибирский энергетик. – 2016. – 5 авг. – С. 3.

«Цель – экономия»: Ангарский каскад ГЭС продолжит работать в условиях маловодья // Сибирский энергетик. – 2016. – 11 ноября. – С. 4.

Черепанова Ю. Кепка для метра // Конкурент. – 2014. – 23 дек. – С. 3.

Федоров Р.Ю., д.и.н.

Социально-экологические аспекты формирования зеленой инфраструктуры городов в субарктическом климате Западной Сибири*

Аннотация. Предпринят анализ социально-экологических аспектов формирования зеленой инфраструктуры городов севера Западной Сибири. Выявлены ее основные экосистемные функции в условиях субарктического климата.

Ключевые слова: зеленая инфраструктура, север Западной Сибири, историческая геоэкология, устойчивое развитие, социально-экологические взаимодействия.

**Roman Fedorov,
Doctor of Historical Sciences**

Socio-environmental aspects of the formation of green urban infrastructure in the subarctic climate of Western Siberia

Abstract. An analysis of the socio-environmental aspects of the formation of green infrastructure in the cities of the north of Western Siberia was undertaken. Its main ecosystem functions in a subarctic climate have been identified.

Keywords: green infrastructure, north of Western Siberia, historical geoecology, sustainable development, social and ecological interactions.

Зеленая инфраструктура городов (совокупность парков, скверов, озеленения вдоль улиц и около зданий), расположенных в зоне Арктики и Субарктики обладает рядом специфических экологических, утилитарных и эстетических функций. Для их углубленного понимания высокую актуальность имеют социально-экологические исследования, опирающиеся на междисциплинарные подходы, находящиеся на стыке естественных и гуманитарных наук. Основная цель данного доклада состоит в анализе социально-экологических аспектов формирования зеленой инфраструктуры городов севера Западной Сиби-

*Работа выполнена Институтом криосферы Земли ТюмНЦ СО РАН в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FWRZ-2021-0012).

ри. Территориальные рамки исследования ограничены Ханты-Мансийским (ХМАО) и Ямало-Ненецким (ЯНАО) автономными округами Тюменской области. Этот выбор был обусловлен разнообразием природно-климатических условий этих регионов, высокой степенью их урбанизации, а также большой актуальностью развития эффективных экосистемных услуг в городах, которые были построены в зоне так называемого нового индустриального освоения, сформировавшего в 1960-е – 1980-е гг. систему расселения, которую соотносят со своеобразной арктической нефтегазодобывающей цивилизацией [Федоров, 2012, с. 198–199].

Основные методы представленного в докладе исследования опирались на анализ научно-исследовательских работ, градостроительной документации, отчетов, статистических данных и других видов документальных источников, а также на непосредственные наблюдения автора и тематические интервью, взятые у специалистов, принимавших участие в озеленении городов и их «рядовых» жителей. Помимо этого в исследовании был использован интегрированный анализ данных дистанционного зондирования, геоботанических наблюдений и социально-антропологических исследований проведенных в 2020–2022 гг. на территории модельного города Надыма в рамках поддержанного РФФИ научно-исследовательского проекта «Открытые городские пространства как фактор обеспечения устойчивого развития в Арктике в условиях климатических изменений» [Fedorov et al., 2021]. В методологии исследования активно использовался акторный подход, в соответствии с которым отдельные интеллектуальные идеи, градостроительные стандарты, институциональные и неформальные общности людей выступают в качестве социальных акторов, формировавших зеленые пространства города. При этом в процессе своего развития определенные элементы зеленой инфраструктуры начинают играть роль природных акторов, оказывающих влияние на социальное поведение и качество жизни людей [Федоров, 2023].

На севере Западной Сибири формирование зеленой инфраструктуры имело ряд особенностей. На территории ХМАО, находящейся в зоне средней тайги, наиболее озелененным городом является окружная столица – Ханты-Мансийск. Этот город, возникший на обжитом месте, где еще в XVII в. был основан Самаровский ям, не был затронут в советское время масштабным многоэтажным строительством. Иная ситуация была характерна для значительной части городов округа, построенных в 1960-е – 1980-е гг. для обслуживания нужд интенсивно развивавшегося в то время нефтедобывающего комплекса. В них, в ходе расчистки участков под застройку, в большинстве случаев уничтожилась естественная растительность, тогда как последующее формирование рукотворной зеленой инфраструктуры нередко велось малоэффективными методами, и было затруднено неблагоприятными природно-климатическими условиями. Это обстоятельство обусловило недостаточный уровень озеленения таких городов, как Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск и др. В отличие от этих крупнейших городов региона, значительная часть малых молодых городов ХМАО,

возникших в 1970-е – 1980-е гг. (Белоярский, Когалым, Лангепас, Мегион, Радужный и др.) изначально строились с соблюдением принципа максимальной компактности. На сегодняшний день в большинстве из них отсутствуют зеленые зоны, занимающие большую площадь. Вместо них в этих городах чаще всего благоустраиваются лишь небольшие скверы и бульвары. В то же время, окружающие эти города лесные массивы нередко играют важную рекреационную роль для местных жителей.

Более суровые природно-климатические условия ЯНАО, города которого расположены в зонах северной тайги и лесотундры, определили крайне ограниченный ассортимент для их озеленения. В отличие от Ханты-Мансийска, административный центр ЯНАО – Салехард, расположенный на 66 параллели, по которой проходит Полярный круг, имеет значительно более ограниченные возможности для озеленения. Также как и Салехард, находясь в зоне лесотундры, крупнейший город округа – Новый Уренгой испытывает недостаток в озеленении крупномерными деревьями. В первые десятилетия XXI в. в городе были созданы новые скверы и небольшие парки, но чаще всего они представляли собой тематические общественные пространства с мемориальными объектами, детскими площадками и местами для занятий спортом при незначительном удельном весе озеленения. В городах, находящихся в зоне северной тайги (Ноябрьск, Надым, Муравленко и др.) были сохранены преобразованные в парки участки естественной растительности, в которых преобладают хвойные породы, тогда как для озеленения улиц и придомовых территорий чаще используются лиственные породы деревьев.

Большинство исследованных городов имеют выраженное островное положение, нередко, будучи на сотни километров окруженными малоосвоенной человеком природной средой. В этой ситуации города являются не только фокусами социально-экономической жизни региона, но и подобиями своеобразных островных антропогенных биомов, в которых сфокусировано большое разнообразие растений – интродуцентов, а местные виды растительности часто имеют более благоприятные условия для развития, по сравнению с ненарушенной природной средой, благодаря целенаправленному уходу и лучшим микроклиматическим условиям, формируемым городской застройкой. Это наблюдение подтверждают сравнения вегетационных индексов NDVI в г. Надыме и на окружающих его фоновых территориях [Fedorov et al, 2021]. С одной стороны, эти тенденции можно рассматривать в качестве своеобразного индикатора успешности обживания человеком Севера. В то же время все большую актуальность начинает приобретать еще крайне слабо разработанная проблема специфических аспектов биоэтики, связанных с контролем распространения в АЗРФ тех чужеродных видов растений, которые могут нанести вред ее экосистемам.

Исследование показало, что в городах, построенных в условиях Субарктики, зеленая инфраструктура приобретает ряд специфических утилитарных и эстетических функций. В частности, здесь растительные покровы выполняют важ-

ные протекторные функции, защищая почвы от эрозионных процессов, а многолетнемерзлые грунты от растепления. В условиях Севера большое значение имеют ветро-, снего- и пылезащитные функции зеленых насаждений. Помимо перечисленных выше утилитарных свойств, зеленая инфраструктура городов, расположенных на севере Западной Сибири, обладает рядом специфических эстетических и рекреационных функций. Как показывает анализ успешного опыта озеленения таких, расположенных в зоне средней тайги городов ХМАО, как Ханты-Мансийск, сохранение и благоустройство в черте города больших участков таежной растительности создает широкие возможности не только для отдыха местных жителей, но и для развития экологического и этнографического туризма. Таким образом, подобные виды зеленой инфраструктуры могут играть роль своеобразного актива для развития неиндустриальных видов экономики городов. В городах ЯНАО, расположенных в зоне северной тайги и лесотундры, где возможности для полноценного озеленения более ограничены, местные жители воспринимают наличие зеленой инфраструктуры как важный индикатор качества жизни, который приближает их к визуальным образам и бытовым стандартам «большой земли».

Сделан вывод о том, что в процессе разработки стратегий управления развитием зеленой инфраструктуры городов севера Западной Сибири важно учитывать ее социально-экологическую специфику. К примеру, в отличие от большинства других российских городов, в ее практиках большее значение приобретают ведомственные и корпоративные инициативы, исходящие от действующих в городе или районе крупных предприятий, имеющих свои программы экологической и социальной ответственности. Помимо этого, специфика местных природно-климатических условий должна максимально использоваться в качестве стимула к развитию индивидуальных, креативных подходов к формированию зеленой инфраструктуры.

Литература

Федоров Р.Ю. Региональные цивилизационные ландшафты: введение в понятие и опыт реконструкции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №5–2 (19). – С. 193–200.

Федоров Р.Ю. Социально-экологические акторы эволюции зеленых пространств Тюмени // Географическая среда и живые системы. – 2023. – №3. – С. 114–129.

Fedorov R., Kuklina V., Sizov O., Soromotin A., Lobanov A., Prikodko N., Pechkin A., Krasnenko A., Esau I. Zooming in on Arctic Urban Nature: Green and Blue Space in Nadym, Siberia // Environmental Research Letters. – Vol.16. – No.7. – P. 075009.

**Использование криогенных ресурсов
в промысловой деятельности Якутии***

Аннотация. Работа исследует уникальные методы и практики, применяемые местными жителями для охоты и рыболовства в условиях сурового климата. Особое внимание уделяется использованию снега и льда как природных ресурсов, которые играют ключевую роль в отслеживании зверя, маскировке ловушек и хранении добычи. Авторы подчеркивают новизну исследования, акцентируя внимание на традиционных и современных методах, а также на проблемах, связанных с изменением климата и дефицитом холода. Исследование также включает наблюдения и интервью с местными жителями, что делает ее ценным источником для понимания культурных и экономических аспектов промысловой деятельности в Якутии.

Ключевые слова: Криогенные ресурсы, охота, рыболовство, Якутия, традиционные методы, хранение добычи, климатические изменения, этнография, промысловая деятельность, дефицит холода.

Sviatoslav Fedorov

**The use of cryogenic resources in the hunting
and fishing activities of Yakutia**

Abstract. The work explores the unique methods and practices used by local people for hunting and fishing in harsh climates. Special attention is paid to the use of snow and ice as natural resources, which play a key role in tracking down the beast, masking traps and storing prey. The authors emphasize the novelty of the study, focusing on traditional and modern methods, as well as on the problems associated with climate change and cold deficiency. The study also includes observations and interviews with local residents, which makes it a valuable source for understanding the cultural and economic aspects of fishing activities in Yakutia.

Keywords: Cryogenic resources, hunting, fishing, Yakutia, traditional methods, storage of prey, climatic changes, ethnography, fishing activities, cold deficiency.

Охота играет значительную роль в качестве источника дохода, особенно это актуально для жителей удаленных и малонаселенных территорий, где рынок труда ограничен. Кроме того, охота и рыбалка позволяют получить свежие продукты питания, что важно для сельского населения, часто имеющего ограниченный доступ к привозным товарам. Наконец, данные виды промыслов являются популярным видом досуга в Якутии, причем последняя из упомянутых функций, по-видимому, укрепляет свои позиции.

*Исследование выполнено за счет средств Гранта Главы Республики Саха (Якутия) молодым ученым, специалистам и студентам Республики Саха (Якутия).

Наиболее явные примеры использования криогенных ресурсов в охоте – это выслеживание зверя по следам, оставляемым на снегу. У якутов, охота с ружьем после выпадения первого снега путем выслеживания называлась сонордуу (открывать след, проследживать, выслеживать (главным образом зайцев) по свежевypавшему осеннему снегу) [Пекарский, 1959, стб. 2279] и была довольно распространена. После выпадения более глубокого снега зверьков добывали с собаками, т.к. в этом случае добыче сложнее передвигаться.

Кроме этого, одним из самых распространенных видов использования криоресурса – использование снега в качестве пластичного материала при изготовлении различных площадок для размещения и маскировки ловушек на добываемого зверя.

Значительно лучшую сохранность имеют практики хранения добытой продукции посредством использования криогенных ресурсов. Наиболее широко распространенным и известным способом обеспечения сохранности скоропортящихся продуктов, таких как мясо животных и птиц, в полевых условиях является использование расположенных в пределах промысловых угодий ледников, вырытых в многолетнемерзлых грунтах. Вместе с тем, сооружение таких ледников является сложным процессом, требующим специальных знаний и навыков, и не всегда возможно. Также в процессе полевых исследований не было найдено ни одного полностью функционирующего ледника в местах охоты. Все обследованные ледники оказались затоплены или обрушились вследствие проникновения талых вод [ПМА 3].

В ходе полевых исследований в Вилуйском районе удалось зафиксировать еще один пример использования «ресурсов холода» современными охотниками. В местности Кебйи охотники изготовили специальное сооружение для хранения добытой водоплавающей дичи на время охотничьего сезона. Они выкопали квадратную яму, в которую установили вертикально половину металлической бочки с самодельной крышкой. Затем дно ямы застелили тентом из поливинилхлорида, который служит изоляционным слоем (см. рисунок). По информации от респондента П.Д. 1984 года рождения, данная конструкция позволяет сохранять добычу в хорошем состоянии до 10 дней. Респондент также сообщил о планах по улучшению своего хранилища. В ближайшее время он планирует закопать в него нерабочий бытовой холодильник, что, по его расчетам, должно увеличить срок хранения добычи [ПМА 4].

Более традиционным для охотников Якутии способом сохранения добычи является использование лабазов. В настоящее время подобные практики испытывают серьезные угрозы вследствие возникшего «дефицита холода». В этой связи показательны сведения, полученные от информанта из Олекминского района (А.С., 1975 г.р., муж.):

«Раньше, даже в 2010-х гг., мы с отцом охотиться на сохатых ездили в сентябре. После добычи часть мяса мы забирали с собой, часть – оставляли на лабазе. Потом, в последующем, мы спокойно ели это мясо, когда приезжали на пушную охоту. А сейчас, когда ты так же его оставляешь, то это мясо невоз-

можно потом есть, оно уже с душком» [ПМА 2]. Кризис охотпромысла, например, в с. Аргахтах уже имеет следствием «перепрофилирование» значительной части из порядка 30 ледников, расположенных на отдаленных угодьях, под нужны рыболовства [ПМА 1].

Таким образом, исследование использования криогенных ресурсов в промысловой деятельности Якутии выявляет уникальные и эффективные методы, которые местные жители применяют для охоты и рыболовства. Традиционные практики, такие как выслеживание зверя по следам на снегу и использование ледников для хранения добычи, продолжают играть важную роль, несмотря на современные вызовы, связанные с климатическими изменениями и дефицитом холода. Этнографические данные и интервью с местными жителями подчеркивают важность этих ресурсов для экономической и культурной жизни региона. В условиях изменяющегося климата необходимо дальнейшее изучение и адаптация этих практик для их сохранения и устойчивого развития.

Литература

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3-х т., 13-ти вып. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 2. – Вып. 5–9. – Стб. 2279.

ПМА 1, март 2021 г., с. Аргахтах, Среднеколымский улус (район) РС(Я).

ПМА 2, март 2023 г., с. Юнкюр, Олекминский район РС(Я).

ПМА 3, май 2023 г., с. Черкех, Таттинский улус РС(Я).

ПМА 4, май 2023 г., с. Сыдыбыл, Вилуйский район (улус) РС(Я).

Федорова А.Р.

Традиционные хтонические образы в современном якутском кино: репрезентация и социокультурный контекст*

Аннотация: В данной статье проводится антропологическое исследование современного якутского кино в жанре хоррор с точки зрения ее преемственности от устного народного творчества. Проводится семиотический анализ хтонических сюжетов и визуальных решений, используемых в якутских региональных фильмах ужасов. Методологически в данном исследовании страх рассматривается как функциональная часть сюжетов, отражающих социальное напряжение, является частью общественной коммуникации. Такой подход позволяет выявить, как массовая культура рефлексировала коллективные переживания, связанные с утратой традиционного образа жизни, знаний и культурных ценностей. Таким образом, современный якутский кино-хоррор представляет

*Исследование выполнено за счет средств Гранта Главы Республики Саха (Якутия) молодым ученым, специалистам и студентам Республики Саха (Якутия).

собой симптоматичный жанр, который отражает сложные процессы, происходящие в современном обществе: оно является средством переосмысления собственной идентичности, истории, выступает терапевтическим средством.

Ключевые слова: якутское кино, страшные истории, фолк-хоррор, inferнальный ландшафт, топосы страха, воображение пространства, хтонические образы, современная культура.

Aytalina Fedorova

**Traditional Chthonic images in modern Yakut cinema:
representation and socio-cultural context**

Abstract. This article conducts an anthropological study of contemporary Yakut cinema in the horror genre in terms of its continuity from oral folk art. Semiotic analysis of chthonic plots and visual solutions used in Yakut regional horror films is carried out. Methodologically, this study considers fear as a functional part of plots that reflect social tension and are part of public communication. This approach reveals how mass culture reflexes collective experiences related to the loss of traditional ways of life, knowledge and cultural values. Thus, contemporary Yakut film horror is a symptomatic genre that reflects the complex processes occurring in modern society: it is a means of rethinking one's own identity, history, and acts as a therapeutic tool.

Keywords: Yakut cinema, scary stories, folk horror, infernal landscape, topos of fear, imagination of space, chthonic images, modern culture.

В данном докладе целью является обзор традиционных якутских представлений и символов, транслирующих inferнальные проекции в современной культуре через жанр фолк-хоррора. Для этого в исследовании использованы такие методы как функциональный, системный подход и семиотический анализ. В работе над темой задействованы разные виды источников: якутские локальные кинокартины, отнесенные к жанру фолк-хоррора, материалы интервью и этнографические и фольклорные материалы по духовной культуре якутов.

Сюжет якутского фолк-хоррора всегда строится на основе *тубэлтэ*. При этом экранизируемыми, как правило, становятся наиболее популярные сюжеты, знакомые локальной публике из «живой» словесности. Таким образом, кино здесь выступает этапом переработки фольклора – ускоренной формой установления его каноничной формы. Как отмечали другие исследователи современного фольклора: «Нужда в экспликации становится существенной, когда дело касается материала, обнаруживающего «фольклорную» феноменологию в несвойственном для нее контексте – в контексте современной культуры, городского быта, литературы и т.д. [Богданов, 2001, с. 13].

Наиболее наглядной формой кодированной общественной коммуникации в хоррор-фильмах, является сюжет и проблемы, отраженные в нем [Dundes, 1971; Опасные советские..., 2021]. В них мы можем рассмотреть как персона-

жей для исследований восприятий ужасного у современного человека, так и их мотивы и запускающие сюжет тропы, которые объясняют нам, что же именно в понимании человека XXI в. становится причиной конфликта человека и природы. Для разностороннего рассмотрения немногочисленных, но очень разных по своей структуре картин, мы разделили их на три категориальные группы, где основополагающим принципом являлось различие в ключевой проблеме сюжета – почему именно происходит контакт человека с потусторонним. Согласно такому разделению, представляется возможным дифференцировать якутские хоррор-фильмы на три категории: (1) мотив паранормальных локусов, (2) мотив исторической рефлексии и (3) мотив духовного невежества.

Самым первостепенным и очевидным сюжетным источником конфликта в якутском хорроре выступает движение. Это может быть временная смена дислокации главного героя, например, переезд или поездка в гости к родителям, а также путь, который сам по себе выступает пространством, ставящим героя в положение опасности. Ключевым конфликтом в подобной фабуле выступает инородность главного героя в, на его взгляд, странной среде, которая то ли находится где-то на грани человеческого и природного, то ли неподвластна времени. Эта группа сюжетов демонстрирует нам взаимодействие современного человека с миром предков, страха перед ними и дисбаланса этих отношений.

Второй категорией источников конфликта становится историческая травма – события в прошлом, повлекшие за собой ужасающие последствия и отражающиеся сегодня в образе злых духов и неупокоенных душ. В данных историях монстрами выступают люди, погибшие плохой насильственной смертью, либо очень сильно пострадавшие от человеческой жестокости. Стоит упомянуть, что в якутской культуре душа умершего человека именно тогда беспокоит людей, когда смерть наступает неестественным образом. Представления о подобных существах концентрируются в образах *уер* – душа покойника, почему-либо не нашедшая успокоения и причиняющая оставшимся в живых различные беспокойства [Пекарский, 1927, стб. 3146].

Третью группу можно условно назвать мотивом духовного невежества. *Абаасы* в ней становятся символами исторической памяти: старой эпохи и мира природы, наказывающие людей за их невежество и утерю традиционных знаний. В этих историях наиболее очевидно подчеркнута конфликтная ситуация. Противостояние происходит вследствие нарушения правил общения человека с природой и предками: непочтительного отношения к духам, сакральным местам или вещам, нарушение покоя мертвых и пр. Данный троп является одним из наиболее популярных в современных якутских *тубэлэ* [Страшные истории Якутии, 2017, с. 6, 12, 19, 25]. Причем намерено в таких сюжетах подчеркиваются различия между жителем города и традиционной средой.

Таким образом, якутский кинохоррор, возможно, сам того не осознавая, становится платформой для общественного высказывания. Этот, на первый взгляд, «маргинальный» и «малобюджетный» жанр, может многое рассказать о народных представлениях, восприятии собственной культуры, общественной трево-

жности. Якутские киноужасы, основанные на этнических страшных историях, перенимают их функциональные роли, все то, что обычно относят к современному фольклору: снятие стресса, коммуникативные функции, фольклорную артикуляцию. Так, эти фильмы содержат не только региональные истории, предназначенные для того, чтобы вызвать у зрителя чувство страха, но и социальные сообщения, а сюжет может выполнять терапевтическую функцию.

Литература

Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. – СПб.: «Искусство-СПб», 2001.

Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР / Александра Архипова, Анна Кирзюк. 2-е изд. – Москва: Новое литературное обозрение, 2021.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Вып. 10. – Т.3. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1927. – 2509-3858 стб.

Страшные истории Якутии: [сборник / сост. Дмитрий Михайлов (Trimid)]. – Якутск: (б. и.), 2017.

Dundes A. On the Psychology of Legend // American Folk Legend: A Symposium / Ed. by W. Hand. Berkeley. – Los-Angeles: University of California Press, 1971. – P. 21–36.

Филиппова В.В., к.и.н.

К вопросу об оценке уязвимости локальных сообществ Якутии к наводнениям

Аннотация. Приведен пример интегральной оценки уязвимости локальных сообществ Якутии, подвергающихся наводнению. Результат комплексной оценки уязвимости представлен в виде карты районирования по балльной шкале: уязвимая, выше среднего, средняя, ниже среднего, устойчивая.

Ключевые слова: наводнения, локальные сообщества, уязвимость, Якутия.

Viktoriya Filippova, PhD

To the issue of assessing the vulnerability of local communities in Yakutia to floods

Abstract. An example of integral vulnerability assessment of local communities of Yakutia exposed to flooding is presented. The result of the integrated vulnerability assessment is presented in the form of a map of zoning on a point scale: vulnerable, above average, average, below average, stable.

Keywords: floods, local communities, vulnerability, Yakutia.

Опасные гидрологические явления ежегодно наносят значительный ущерб населению и экономике крупнейшего региона страны – Республике Саха (Якутия), на территорию которой приходится треть Арктической зоны России [Саввинова и др., 2024, с. 103].

Для эффективного реагирования на чрезвычайные ситуации, обеспечения скорейшего восстановления после стихийных бедствий сообщества должны иметь оценку своей подверженности воздействию опасных факторов. Это позволяет планировать комплекс мероприятий по управлению природными и техногенными рисками. Управление рисками посредством адаптации к ним – важная часть концепции устойчивого развития.

В рамках реализации проекта РФФИ (грант №20-55-71005 “Гидрология, криолитозона и устойчивость в восточном секторе российской Арктики и Субарктики” (2020-2022 гг.) и HYPE-ERAS project which is funded by FORMAS (project No 2019-02332)) было осуществлено выявление и оценка уязвимости локальных сообществ исполнителями, работа была основана на общей методике оценки уязвимости (World Risk Index), разработанной Институтом окружающей среды и безопасности человека Университета ООН и Индекса уязвимости водных ресурсов Арктики (AWRVI), которые могут быть использованы для оценки относительной уязвимости локальных сообществ к факторам, влияющим на ресурсы пресной воды в масштабе водораздела. Индекс достаточно подробно обобщает особенности арктических социально-экологических систем, он разработан специалистами университетов Аляски, в частности Resilience and Adaptive Management Group, University of Alaska Anchorage, Institute of Northern Engineering, University of Alaska Fairbanks. Индекс был протестирован на примере сообществ Аляски и в настоящее время данный метод продолжает совершенствоваться [Alessa, L., 2008, et al.].

На основе интегрального индекса уязвимости водных ресурсов Арктики (AWRVI), представляющего собой среднее двух субиндексов: физического и социального, была предпринята оценка по социальным индикаторам. При этом индикаторы AWRVI для условий Якутии адаптированы на основе имеющейся статистики и полевых материалов (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение индексов социальной уязвимости AWRVI и Якутии

Группа индикаторов	AWRVI social subindex	Предлагаемые Индексы социальной уязвимости водных ресурсов РС (Я)
	Показатель	Показатель
Транспортная доступность	Mobility– transportation: mode diversity and frequency (Мобильность-транспортная доступность)	- Транспортная доступность Добавлен показатель: - Сезонность функционирования дорог/ круглогодичное;
Сила сообщества	Замена индикатора	Коэффициент риска сообщества: Удельный вес населения подтапливаемых поселений в общей численности населения района.
Защищенность землепользования	Доля ООПТ в общей площади сообщества	- Доля ООПТ в общей площади надела; Добавлены показатели: - Уд. вес сельхозугодий (в динамике: до и после наводнения; - Доля охотничьих угодий в общей площади надела; - Наличие наиболее уязвимых и опасных объектов;
Преемственность традиций	Население в возрасте 50 лет и старше и коренное население	- Доля населения в возрасте 50 лет и старше; Добавлены показатели: - Уд. вес населения, занятого в традиционных отраслях хозяйства (в динамике: до и после наводнения); - Поголовье крупного рогатого скота (в динамике: до и после наводнения); - Поголовье лошадей (в динамике: до и после наводнения); - Поголовье оленей (в динамике: до и после наводнения); - Объемы заготовок сена (в динамике: до и после наводнения);
Адаптационные стратегии	Отсутствуют	Добавлены показатели: - Присутствие /отсутствие в Списке установленных зон затопления; - Наличие/отсутствие генплана с установленными зонами затопления - Наличие/отсутствие плана действий при наводнении; - Наличие/отсутствие защитных сооружений (дамба, ГТС).

Предлагаемые индикаторы подсчитаны на территории муниципальных образований, где размещены 123 поселения из Списка.

В базе данных ГИС были внесены отдельные индикаторы по каждой группе показателей. Интегральная оценка уязвимости осуществлена на основе рейтинговой шкалы показателей через суммирование подсчитанных данных/баллов.

В AWRVI применена пятиступенчатая рейтинговая шкала показателей со следующими значениями, указанными в скобках: Высокая уязвимость (0,00), Умеренная уязвимость (0,25), Порог (0,50), Умеренная устойчивость (0,75), Высокая устойчивость (1,00). Оценка экологической ситуации территории невозможно по какому-либо одному критерию. Ввиду того, что количество, использованных показателей шире, использован метод балльных оценок, который основан на нахождении на общей шкале интервала для суммы отдельных числовых показателей, которые представлены в табл. 2.

Результат комплексной оценки уязвимости представлен в виде карты районирования (рис.) по балльной шкале: уязвимая (11-12), выше среднего (13-14), средняя (15-16), ниже среднего (17-18), устойчивая (20-21).

Рис. Интегральная оценка уязвимости локальных систем
(индексы подсчитаны и визуализированы к.и.н. Филипповой В.В.)

Проведенная интегральная оценка позволит:

- выявить какие районы и населенные группы наиболее подвержены риску наводнений;

-
- разрабатывать эффективные планы по предотвращению и смягчению последствий наводнений;
 - способствовать устойчивому развитию, позволяя учитывать риски наводнений в процессе планирования городской и сельской застройки, а также в управлении природными ресурсами;
 - определить, какие группы населения нуждаются в дополнительной поддержке и защите, что может включать социальные программы, финансовую помощь и другие меры.

Таким образом, оценка уязвимости локальных сообществ от наводнений является важным инструментом для повышения безопасности и устойчивости населения, а также для минимизации экономических и социальных последствий от природных катастроф.

Литература

Саввинова А.Н., Гаврильева Т.Н., Парфенова О.Т., Филиппова В.В., Танананев Н.И. Восприятие населением гидрологических рисков и компенсация ущерба от наводнений в Республике Саха (Якутия) // Арктика: экология и экономика. – 2024. – Т.14. – №1. – С. 103–115. DOI: 10.25283/2223-4594-2024-1-103-115.

Alessa, L., Kliskey, A., Lammers, R. et al. The Arctic Water Resource Vulnerability Index: An Integrated Assessment Tool for Community Resilience and Vulnerability with Respect to Freshwater. Environmental Management 42, 523–541 (2008). <https://doi.org/10.1007/s00267-008-9152-0>.

Филиппова Д.Н.

Перспективы и вызовы развития арктических территорий: мнение студенческой молодежи Республики Саха (Якутия)

Аннотация. В работе приведен анализ ответов студентов Северо-Восточного федерального университета и Арктического государственного института культуры и искусств на вопросы анкеты «Жить Арктикой» исследования «Арктика в ценностях студентов университетов Арктики», проведенного в 2023 и 2024 гг. В блоке «Настоящее и будущее Арктики» студенты оценили состояние Арктики, определили наиболее важные проблемы в Арктике и перспективные для молодежи сферы деятельности.

Ключевые слова: перспективы развития арктических территорий, вызовы развития арктических территорий, Якутская Арктика, студенческая молодежь РС (Я), Арктическая зона РФ.

**Prospects and challenges of development of the Arctic territories:
The opinion of student youth of the Republic of Sakha (Yakutia)**

Abstract. The paper provides an analysis of the responses of students of the North-Eastern Federal University and the Arctic State Institute of Culture and Arts to the questions of the questionnaire «Living in the Arctic» of the study «Arctic in the values of students of Arctic universities» conducted in 2023 and 2024. In the «Present and Future of the Arctic» block, students assessed the state of the Arctic, identified the most important problems in the Arctic and promising areas of activity for young people.

Keywords: prospects for the development of the Arctic territories, challenges of the development of the Arctic territories, Yakutsk Arctic, student youth of the Republic of Sakha (Yakutia), Arctic zone of the Russian Federation.

Особенности арктической территории предопределяют перспективы и вызовы развития АЗ РФ, указанные в Указе Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. №645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». «Основными опасностями, вызовами и угрозами, формирующими риски для развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности, остаются:

а) интенсивное потепление климата в Арктике, происходящее в 2 – 2,5 раза быстрее, чем в целом на планете;

б) снижение естественного прироста населения, миграционный отток и, как следствие, сокращение численности населения;

в) отставание значений показателей, характеризующих качество жизни в Арктической зоне, от общероссийских или средних по субъектам Российской Федерации значений, в том числе в части, касающейся ожидаемой продолжительности жизни при рождении, смертности лиц трудоспособного возраста, младенческой смертности, доли автомобильных дорог общего пользования, отвечающих нормативным требованиям, доли аварийного жилищного фонда, объема ввода в эксплуатацию жилья, доли обеспечения жилищного фонда всеми видами благоустройства... и др.» [Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. №645].

Анкетный опрос «Жить Арктикой» исследования «Арктика в ценностях студентов университетов Арктики», проведенного в 2023 и 2024 гг., охватил 300 студентов: 150 из Северо-Восточного федерального университета, 150 из Арктического государственного института культуры и искусств. В блоке «Настоящее и будущее Арктики» анкеты студенты оценили состояние Арктики, определили наиболее важные проблемы в Арктике и перспективные для работы сферы. Отметим, что ответы студентов двух вузов практически идентичны,

однако в некоторых вопросах мы видим разницу мнений в выборе. Студенты оценили сегодняшнее состояние Арктики, выбрав 1 из 5 предложенных вариантов (рис. 1). Так, 40-45% опрошенных студентов выбрали ответ «стабильное» на вопрос «Как Вы оцениваете сегодняшнее состояние Арктики?». Отметим как «тревожное» 1/4 студентов СВФУ и 1/5 студентов АГИКИ. Столько же затруднились с ответом. Оценили состояние Арктики как «на грани экологической катастрофы» и «крайне не стабильное» меньшинство – от 3% до 7% обучающихся.

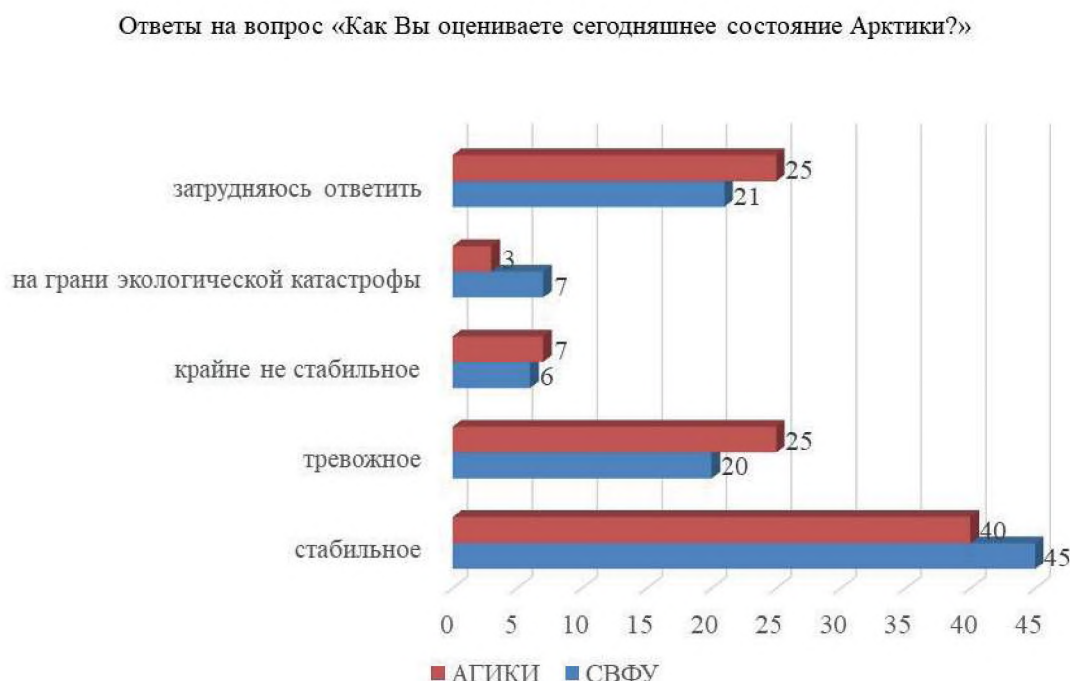

Рис. 1. Ответы на вопрос «Как Вы оцениваете сегодняшнее состояние Арктики?»

Второй вопрос блока «Настоящее и будущее Арктики» посвящен проблемам, которые необходимо решить в Арктике (рис. 2). Студенты выбрали 3 наиболее важные по их мнению. На данный вопрос студенты двух вузов единодушно (40%) выразили обеспокоенность транспортной доступностью: «плохие автомобильные дороги, высокие цены на авиаперевозки, железной дороги». Далее следуют ответы «природосбережение»: половина студентов АГИКИ (45%) выбрали данный вариант и треть студентов СВФУ (30%). Ответы студентов 2 вузов здесь отличаются, если обучающиеся АГИКИ (40%) отметили вариант «повышение стартового уровня заработной платы для обеспечения достойного уровня качества жизни в Арктике», то в СВФУ этот вариант выбрали меньшее количество молодежи – 29%. Треть студентов выделили

варианты «меры по адаптации к изменениям климата» (30-34%), «защита прав и интересов народов Арктики, реконструкция традиционного сектора (оленьеводства и традиционных промыслов) сельской экономики» (29-36%) и «энергетика и теплообеспечение» (23-33%). Меньше всего выбора студентами ответа из предложенных вариантов – это «регулирование международных отношений на территории Арктики» (8% в СВФУ и 18% в АГИКИ).

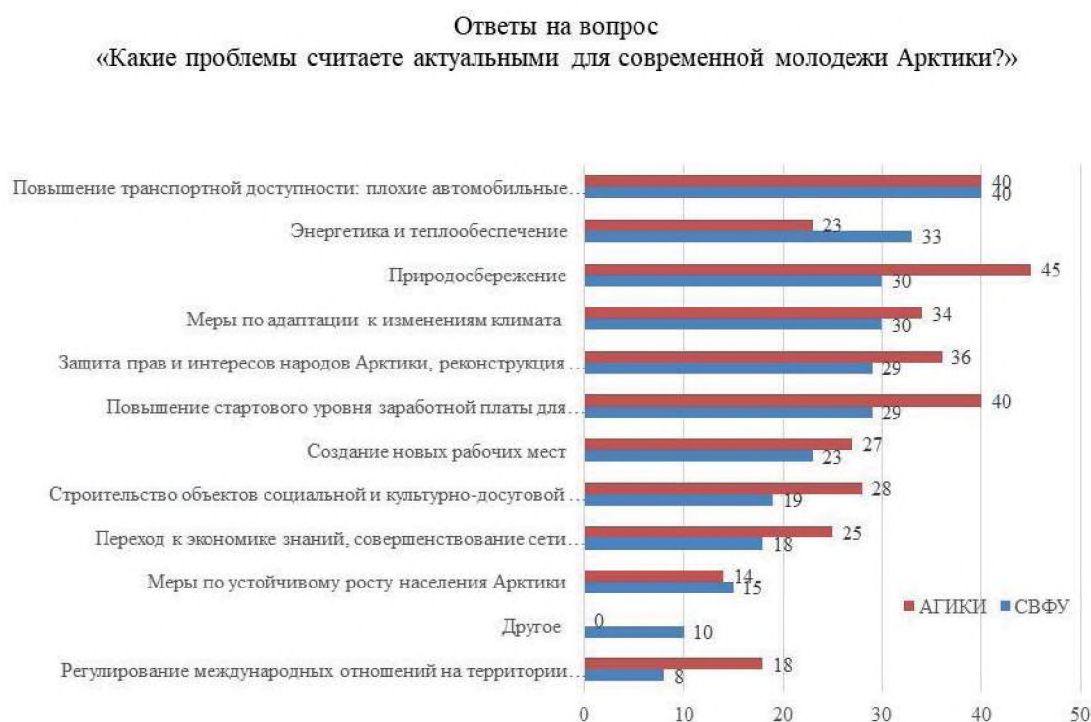

Рис. 2. Ответы на вопрос «Какие проблемы считаете актуальными для современной молодежи Арктики?»

Третий вопрос выделил основную мысль нашего исследования – это ответы на вопрос «Какие проблемы считаете актуальными для современной молодежи Арктики?» (рис. 3). Большинство (64-65%) выбрали ответ «недостаточная продуманность и системность механизма притяжения талантливых, творческих, квалифицированных кадров для работы в Арктике». Далее следуют ответы «преодоление поведенческих и ментальных барьеров пассивного отношения к социальным проблемам Арктики» (42-47%) и «безработица» (38-43%).

Ответы на вопрос
«Какие проблемы считаете актуальными для современной молодежи Арктики?»

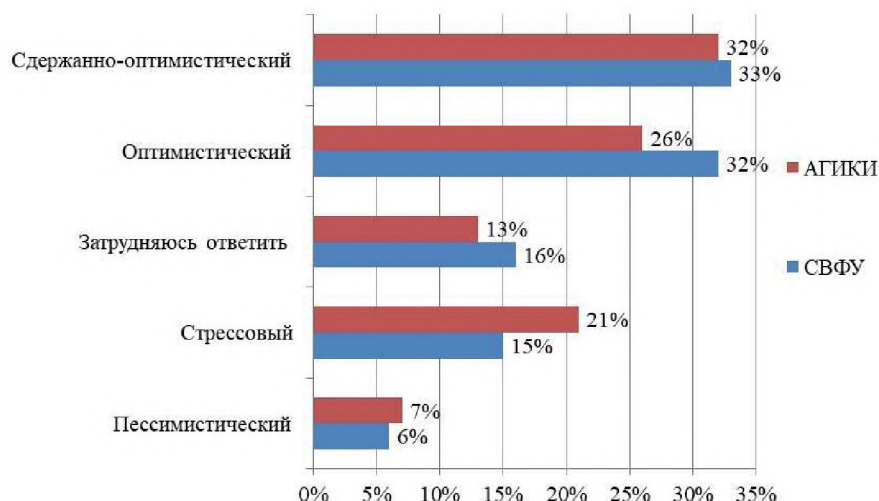
№. Сфера	СВФУ	АГИКИ
1. недостаточная продуманность и системность механизма притяжения талантливых, творческих, квалифицированных кадров для работы в Арктике	65	64
2. преодоление поведенческих и ментальных барьеров пассивного отношения к социальным проблемам Арктики	42	47
3. специфическая направленность рынка труда в арктических регионах	27	36
4. отсутствие целенаправленной государственной политики в Арктике	30	28
5. слабая профессиональная подготовка и слабость творческой энергии, духа предприимчивости	26	49
6. безработица	38	43
7. другое	0	0

Рис. 3. Ответы на вопрос
«Какие проблемы считаете актуальными для современной молодежи Арктики?»

На четвертый вопрос «Какие, на Ваш взгляд, сферы являются наиболее перспективными для работы молодых людей в Арктике?» студенты могли выбрать не более 5 вариантов ответа. Топ-5 сфер у студентов вузов выстраиваются с существенным различием. Лидирующая сфера, по мнению студентов СВФУ, это «добывающая промышленность (нефтегазовый сектор, освоение минеральных ресурсов и цветной металлургии)» (56%), эту сферу также выделили 42% опрошенных студентов АГИКИ. Далее студенты СВФУ подчеркнули сферы «морской транспорт, судоходство» (37%), «торговля» (31%), «сельское хозяйство» и «связь» (по 27%). Студенты АГИКИ выбрали «культура, искусство, туризм» (43%), «сельское хозяйство» (29%), «образование» (28%), 27% респондентов – «автомобильный, железнодорожный, авиационный виды транспорта», «международное сотрудничество», «традиционные виды деятельности (рыбопромышленный комплекс и оленеводство)».

И последний вопрос анкеты, который мы рассмотрим, это вопрос «Как Вы думаете, какой сценарий будущего Российской Арктики наиболее реалистичен в ближайшие десять лет?» (рис. 4). Половина опрошенных студентов выбрали ответы «сдержанно-оптимистический» (32-33%) и «оптимистический» (26-32%). Стрессовый сценарий виден в ответах 1/5 опрошенных студентов АГИКИ (21%).

Ответы на вопрос «Как Вы думаете, какой сценарий будущего Российской Арктики наиболее реалистичен в ближайшие десять лет?»

*Рис. 4. Ответы на вопрос
«Как Вы думаете, какой сценарий будущего Российской Арктики
наиболее реалистичен в ближайшие десять лет?»*

Таким образом, можно прийти к выводу, что практически половина опрошенных студентов оценивают состояние Арктики как «стабильное» (40-45%), однако оценок «тревожное» достаточно много (20-25%). Это говорит о разрозненности мнений студентов в сфере арктической повестки. Студенты выбрали проблемы, которые необходимо решить в Арктике. На данный вопрос студенты двух вузов единодушно (40%) выразили обеспокоенность транспортной доступностью: ответ «плохие автомобильные дороги, высокие цены на авиаперевозки, железной дороги».

Недостаточная продуманность и системность механизма притяжения талантливых, творческих, квалифицированных кадров для работы в Арктике является наиболее актуальной проблемой для современной молодежи Арктики по мнению большинство опрошенных студентов (64-65%). Наиболее перспективными для работы молодых людей в Арктике сферами определены добывающая промышленность (нефтегазовый сектор, освоение минеральных ресурсов и цветной металлургии), культура, искусство, туризм и др. Сценарий будущего Российской Арктики – «сдержанно-оптимистический» (32-33%) и «оптимистический» (26-32%) согласно ответам обучающихся. В ответах студентов мы можем отследить картину мира об Арктике будущего выпускника вуза, которого волнуют перспективы и вызовы развития арктических территорий.

Литература

Винокурова У.А., Филиппова Д.Н. «Жить Арктикой»: анкета; М-во образования и науки Рос. Федерации, Сев.-Вост. федер. ун-т им. М.К. Аммосова, Финансово-экон. ин-т, каф. социологии и управления персоналом. – Якутск, 2017. – 10 с.

Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. №645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 28.07.2024).

Фролов И.В.

**Проблема локализации сооружений Якутского острога кон.
XVII–XVIII вв. в современном городском ландшафте
по предварительным результатам раскопок 2024 г.**

Аннотация. Автор рассматривает проблему локализации остатков Якутской крепости в современном городском ландшафте. Несмотря на большое количество изобразительных источников: старинных фотографий, рисунков, топографических планов, установить точное местоположение башен и стен крепости в современном ландшафте не удастся. С 2012 г. проводятся археологические исследования, которые не дали желаемого результата: остатки фортификации до сих пор не выявлены. В ходе раскопок 2024 г. обнаружены остатки 2-х построек, которые относятся к постройкам внутри крепости. Это дает 2 новые реперные точки привязки исторических планов Якутской крепости и повышает вероятность обнаружения ее остатков методами археологии.

Ключевые слова: Якутск, русский город, крепость, острог, Средневековье, Новое время, археологические раскопки, берестяные грамоты, китайский фарфор, судовые детали.

Ivan Frolov

**The problem of localization of structures of the Yakut fortress of the late
XVII–XVIII centuries in the modern urban landscape according to preliminary
results of excavations in 2024**

Abstract. The author considers the problem of localization of the remains of the Yakut fortress in the modern urban landscape. Despite the large number of visual sources: ancient photographs, drawings, topographic plans, it is not possible to establish the exact location of the towers and walls of the fortress in the modern landscape. Since 2012, archaeological investigations have been carried out, which have not yielded the desired result: the remains of the fortification have not yet been

identified. During the excavations in 2024, the remains of 2 buildings were discovered, which belong to the buildings inside the fortress. This gives 2 new reference points for the historical plans of the Yakut fortress and increases the likelihood of discovering its remains using archaeological methods.

Keywords: Yakutsk, Russian city, fortress, ostrog, Middle Ages, Modern times, archaeological excavations, birch bark certificates, Chinese porcelain, ship details.

Двести лет назад первый исследователь остатков Якутской крепости Н. Щукин написал слова, ставшие пророческими: *«Корыстолюбивое невежество не уважает остатков старины! Острожки и городки в Сибири постепенно уничтожаются. Вероятно, придет время, когда мы тщетно будем искать следов военной архитектуры наших казаков завоевателей»*. Эти слова в качестве эпиграфа к своему труду в 1907 г. взял другой исследователь Якутского острога Н.В. Султанов. При том, что остатки деревянной крепости продолжали существовать в начале XX в., степень их сохранности уже тогда вызывала тревогу исследователей и любителей старины [Щукин, 1844, с. 195–196; Султанов, 1907, с. 1].

Строительство Якутской крепости на участке проведения работ приходится на кон. XVII в. В 1679 г., в результате наводнения, предшествующая крепость сильно пострадала. Было принято решение о строительстве новой крепости на новом, более сухом месте. Строительство затянулось до конца 1683 г. Новая крепость представляла собой 4-х угольник площадью 3600 саженей. Общая протяженность тарасных бревенчатых стен составила 600 саженей, каждая толщиной в 2 сажени и высотой 3,5 сажени. Крепость имела 8 деревянных башен, 2 из которых – проезжие. Юго-Восточная башня одновременно играла роль церкви (Свято-Троицкий собор). В 1686 г. по периметру основной крепости (города) был выстроен деревянный острог. Расстояние между стенами города и острога с восточной стороны составляла 60 саженей, с других сторон – 40 саженей [Иванов, 2007, с. 56–57; Степанов, 2018, с. 141–148].

В таком виде крепость просуществовала относительно недолго. Зимой 1701 г. внутри деревянной соборной церкви, которая построена была внутри городской стены, случился пожар. Кроме самой церкви, сгорели: колокольня, приказная изба, караульня, казенный амбар и городские стены с южной и восточной сторон. Восстановление крепостных строений началось весной того же года. Уцелевшие в пожаре стены были рубленными. Вместо сгоревших стен, поставили заборы «в лапу». В 2-х местах, с южной и восточной стороны, была построена каменная стена. В 1706 – 1707 гг. было построено первое каменное здание Якутска – приказная изба с кладовой палатой. Из 8 крепостных башен, после пожара, осталось только 5 [Сафронов, 1957, с. 41–42; Степанов, 2018, с. 141–148].

В 1922 г. остатки Якутской деревянной крепости были разобраны на дрова. Сохранилась единственная восточная проезжая башня острога, которая трагически погибла в пожаре 2002 г.

Первые археологические исследования на территории Якутского острога провела Е.А. Строгова в 2012 – 2013 гг. Был выявлен культурный слой и зафиксированы остатки деревянной конструкции [Строгова, 2014, с. 170–175]. В 2016 г. территория поставлена на государственный учет и охрану в качестве выявленного объекта археологического наследия «Якутский острог».

В последующие годы археологические работы проводились в основном на территории посада и не затрагивали территорию Якутской крепости. Исключением стали разведки возле Свято-Троицкого собора [Дьяконов, 2018, с. 100–107; Алексеев, Бравина, Дьяконов и др., 2019, с. 506–507; Соловьева, 2020, с. 422–425; Соловьева, Кирьянов, Дьяконов и др., 2023, с. 890–896].

Работы 2024 г. велись в современном городском ландшафте: северная граница участка проведения работ – забор земельного участка ИГИИПМНС СО РАН (ул. Петровского, 1). С Востока участок ограничен заборами Якутской балетной школы (колледж) им. Посельских (Ленина, 46/2), кафедрального Свято-Троицкого собора (Каландаришвили, 2), сквера им. Каландаришвили. С Юга граница участка проходит по бордюру пешеходного тротуара по ул. Каландаришвили. Западная граница проходит по ул. Жиркова.

Через участок проведения работ проходит действующая теплотрасса, установленная на П-образные опоры. Теплотрасса делит участок на северную и южную часть. В центре участка теплотрасса имеет арку для проезда транспортных средств.

Основу ландшафта участка составляют остатки деревянных конструкций жилых домов конца 1920-х гг. постройки и остатки связанных с ними хозяйственных построек. После сноса деревянных домов в 2013 г. участок длительное время пустовал. Жители близлежащих домов отсыпали на его поверхности площадки и устанавливали здесь гаражи и оборудовали места для автостоянки. Это привело к сильному обводнению и началу заболачивания. На месте снесенных домов, не отсыпанных грунтом под гаражи, выросла густая вторичная растительность.

В ходе раскопок выявлены 19 археологических сооружений в 3-х строительных ярусах.

Первый строительный ярус представлен деревянными конструкциями сооружений советского периода: остатки 3-х жилых многоквартирных деревянных дома с хозяйственными постройками.

Второй строительный ярус представлен 2-мя бревенчатыми сооружениями №7 и №12, относящимся к внутренним постройкам Якутской крепости кон. XVII – XVIII вв.

Сооружение №7 срублено из судовых деталей вторичного использования. Оно представляет собой сильно углубленную в материк (на 2 м) постройку. Предположительно, это так называемые «подвалы воеводские». Удалось изучить входную группу сооружения: она включает в себя 3 дверных проема, довольно широких (на «две створки»), а также скат, по которому, видимо, закатывались бочки. Найдены остатки бочки с надписью на крышке: «ПОЛБОЧКИ

ПОРОХУ ПУШЕЧНОГО 2 ПУДА». Также найдены фрагменты счетных палочек. Состав находок подтверждает хозяйственное назначение сооружения №7. Именно в заполнении сооружения №7 найдены первые наиболее ранние монеты – «чешуйки» – кон. XVII в.

Сооружение №12, как и сооружение №7, относится к постройкам Якутской крепости. В отличие от сооружения №7, сооружение №12 срублено из крупных бревен хвойных пород. Средний диаметр сохранившихся бревен составляет около 45 см. В заполнении сооружения №12 зафиксирован развал печи с фрагментами изразцов, фрагменты слюды оконного заполнения, жировые керамические светильники, курительные трубки и монеты XVII – п.п. XVIII вв. Все указывает, что сооружение №12, в отличие от сооружения №7, имело наземные конструкции, печное отопление и слюдяное окно (окна?). В заполнении сооружения №12 найдены 11 фрагментов документов написанных чернилами на бересте. Установлено, что 10 фрагментов представляют собой один документ – фрагмент черновика ясачной книги, 1 фрагмент – берестяная грамота, по составу текста, отписка воеводы Олюторского острога.

В заполнении сооружения №12 собрана внушительная коллекция китайского фарфора, 11 полных профилей и десятки мелких фрагментов. По разнообразию орнаментов и сюжетной росписи, это самая большая коллекция китайского фарфора в материалах раскопок русского города.

Третий строительный ярус представлен 5-ю сооружениями – остатками нескольких частоколов – древних оград. Анализ планиграфии и стратиграфии залегания частокольных канавок позволяет предполагать, что эти сооружения относятся к времени предшествующему строительству крепости на этом месте. Для уточнения датировки взяты образцы древесного тлена конструкций частокола на радиоуглеродный анализ.

Несмотря на большое количество изобразительных источников: старинных рисунков, фотографий, топографических планов, локализовать остатки деревянных конструкций Якутской крепости, или хотя бы следов фортификации, не удастся.

Археологические работы не позволили выявить никаких остатков Якутской крепости. Слова Е.А. Строговой: «...*вопрос о местоположении остатков крепостной стены остается открытым*» – актуальны по-прежнему [Цит. по: Строгова, 2014, с. 175].

Выявленные сооружения №7 и №12, относящиеся к внутрикрепостным строениям, являются дополнительными реперными точками привязки исторических планов Якутской крепости к современной градостроительной ситуации. В 2025 г. планируется продолжение раскопок и сохраняется возможность обнаружения остатков деревянных конструкций Якутской крепости в границах невоскрытых участков раскопа.

Литература и источники

Алексеев А.Н., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Соловьева Е.Н., Строгова Е.А. Работы Института гуманитарных исследований проблем малочисленных народов Севера в Якутии // Археологические открытия. 2017 год / отв. ред. Н.В. Лопатин. – М.: ИА РАН, 2019. – С. 504–507.

Дьяконов В.М. Проблемы сохранения археологического наследия города Якутска // Восток Азии: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона : К 150-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области / Сб. статей науч.-практ. конф. – СПб.: Изд-во «Росток», 2018. – С. 100–107.

Иванов В.Н. Основание Ленского (Якутского) острога // Город Якутск: история, культура, фольклор. – Якутск: ИГИ ПМНС СО РАН, 2007. – С. 53–57.

Сафронов Ф.Г. Город Якутск в XVII – начале XIX веков. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1957. – 72 с.

Соловьева Е.Н. Работы Городского отряда Приленской археологической экспедиции АНИЦ АН РС(Я) в исторической части города Якутска // Археологические открытия. 2020 год / отв. ред. Н.В. Лопатин. – М.: ИА РАН, 2022. – С. 422–425.

Соловьева Е.Н., Кирьянов Н.С., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Иванов А.А., Охлопков В.В., Старков К.И. Раскопки в исторической части города Якутска в 2023 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2023. – Т.29. – С. 890–896.

Степанов Д.А. Город Якутск и проблема сохранения его исторического облика // Известия Лаборатории древних технологий. – 2018. – Т.14. – №2. – С. 141–148.

Строгова Е.А. Археологические работы на территории Якутского острога: первые результаты // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст.: в 2-х т. Т.1. / Под ред. Л.В. Татауровой, В.А. Борзунова. – Омск, Тюмень, Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2014. – С. 170–175.

Султанов Н.В. Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 24. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1907. – 181 с.

Щукин Н. Поездка в Якутск / Изд-е 2-е испр. и доп. – СПб.: В Тип. Деп. Военных Поселений, 1844. – 315 с.

Чарина О.И., к.ф.н.

Особенности фольклора русских старожилов Северо-Востока Якутии: влияние аборигенного фольклора*

Аннотация. Рассматриваются русские исторические песни, бытовавшие в селе Русское Устье на Северо-Востоке Якутии в сравнении с иными вариантами. Отмечены некоторые локальные особенности.

*Работа выполнена с использованием научного оборудования ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН №13. ЦКП.21.0016.

Ключевые слова: русский фольклор, особенности фиксации фольклора, исторические песни, варианты, стихи, локальные особенности.

Olga Charina, PhD

**Features of folklore of Russian old-timers
of the North-East of Yakutia: the influence of aboriginal folklore**

Abstract. Russian historical songs are considered, existing in the village of Russkoye Ustye in the North-East of Yakutia in comparison with other options. Some local features are noted.

Keywords: Russian folklore, Characteristics of Folklore, Historical Songs, Options, Poetry, Local features.

В рамках научного изучения Российской Арктики в период работы важнейших экспедиций прошлого нами исследуются фольклорные материалы, собранные сотрудниками Института языка и культуры при Совнарком ЯАССР в 40-е гг. XX в. Традиционный русский фольклор в Якутии связан с местами, где русские заселились еще в XVII в.: в нижнем течении рек Индигирки и Колымы. Изучались тексты эпических песен, записанные в период работы Северной экспедиции в Аллаиховском районе на Индигирке в ноябре-декабре 1941 г. С.И. Боло записал произведения русского фольклора [РФ АЯНЦ, Ф. 5. Оп. 3. Д. 446]. Также в исследовании мы опираемся на записи и документы, зафиксированные в экспедиции нашего института – Т.А. Шуба [РФ АЯНЦ, Ф. 5. Оп. 3. Д. 762-781] в 1946-е г. XX в. Большую часть репертуара индигирцев записали Н.А. Габышев и Н.М. Алексеев, как указывал Г.Л. Венедиктов во вступительной статье в сборнике «Фольклор Русского Устья» [ФРУ, 1986, с. 7].

Итогом работы экспедиции явилось издание текстов русского фольклора старожилов низовьев Индигирки. Сборник «Фольклор Русского Устья» был издан в 1986 г. силами ленинградских и якутских ученых. Как пишет А.А. Сулейманов: «Полевые изыскания возглавляла младший научный сотрудник ЛО ИЭ АН СССР Р.В. Каменецкая (Ленинградское отделение Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН). Фактически это были совместные исследования ЛО ИЭ АН СССР и кафедры этнографии и антропологии Исторического факультета ЛГУ» [Сулейманов, 2019, с. 71].

Рассматриваются некоторые особенности бытования русских исторических, балладных песен на Индигирке. В Русском Устье записаны очень известные сюжеты исторических песен: «Соловей кукушку уговаривал», «Грозный царь Иван Вашильевич», «На утреннем на сходимом красном солнышке», «Скакал тут Скопин горы на гору», «Не злаченная труба в поле трубила», «Как по три года Азов-город взаперти стоял», «Появился да детинушка, незнамой чело-

век», «Ах талан мой, участь горькая», «Пишот, пишот король шведской», «Не яшон сокол летает», «Александро обещался к декабрю домой прибуди» [ФРУ, 1986, с. 246–251].

Частью материала стали произведения эпического фольклора, собранные во время работы Сибиряковской экспедиции в конце XIX в. Д.И. Меликов зафиксировал балладу в Среднеколымске в 1893 г. [Чарина, 2013, с. 432–434], В.Г. Богораз в 1895 г. [Богораз, 1901, с. 282–283].

Так, произведение «Соловей кукушечку уговаривал» исполнил С.Е. Чикачев, записал Н.А. Габышев в апреле 1946 г. Песня записана в единственном экземпляре, насчитывает 20 стихов. Здесь довольно подробно изложен сюжет: соловей уговаривает кукушечку полететь в Казань-город, кукушечка не согласна:

Врешь ты, врешь, молодчик,
врешь, обманиваешь:
Сама красна девица в Казани була.
Казань-городочек на костях стоит
[ФРУ, 1986, с. 246].

Заметно, что текст песни уже подвергался изменениям, ведущим к утрате основных мотивов. Этот сюжет песни довольно популярный. Часть текстов, приведенных в академическом сборнике «Исторические песни XIII–XVI веков», также начинается с зачина «Соловей кукушку уговаривал» [ИП XIII–XVI, 1960, с. 110–115]. Некоторые варианты начинаются со слов «У колодезя да у студеного», они записывались в Петрозаводске, в Архангельской, Олонецкой губерниях [Там же, с. 116–123].

Вариант песни, который фиксировался в Русском Устье почти совпадает с текстом, который известен в Московской области:

Соловей кукушку подговаривал,
Подговаривал, все обманивал:
«Полетим, кукушка, во темны леса,
Мы соведем с тобой тепло гнездышко»
[ИП XIII–XVI, 1960, с. 111–112].

Московский вариант насчитывает 21 стих. Почти такой же вариант песни, зафиксированный в Русском Устье:

Буйные головушки молодецкие,
Молодецкие и вше солдатские
[ФРУ, 1986, с. 246].

Так, имеется вариант исторической песни, записанный в Олекминском улусе, где сюжетная ситуация сжимается только до мотива взаимоотношений молодца и девушки:

Мальчишка девчонку уговаривал:
«Поедем, девчонка,
В Казань-город жить,
Казань город славный»
[ФРНЯ, 1994, с. 20–21].

Данный текст насчитывает 13 стихов. Песня воспринимается как любовная. Индигирский вариант песни несет небольшие черты местного влияния: Выведем из гнездичка малых детушек.

Чебе какаветочка, а ко мне соловья

[РЭП, 1991, с. 308–309].

Здесь «какаветочек» – кукушеноч.

У М.Ф. Дружининой читаем: «Какушка – птица кукушка. – Птица эта, какушка, гнездо себе не строит и своего птенца не кормит». Место записи – Ленский р-н, Пеледуй [т. 3, 2007, с. 5].

Еще есть объяснение слова «каковать – какует, несов. Куковать, издавать круг кукушки. – Какушечка перестанет каковать после Петрова дня». С указанием на Ленский район, п. Пеледуй. [Там же, с. 4]. Возможно, отсюда появляется «какаветочек».

Известной исторической песней является песня о «Ермаке», 1946 г. Выступает как предтеча песен о Разине, насчитывает 20 стихов. На связь данного текста с пудожскими вариантами песни в Архангельской области указывает Ю.И. Смирнов [РЭП, 1991, с. 432]:

На утреннем на сходимом красном солнишке

Собирались ермаки во единый круг...

Атаманом бул Ермак Тимофеевич.

[Там же, с.327–328].

В этом сюжете говорится о том, что предводители казачьих дружин размышляют о дальнейших действиях после убийства «посла царского». В конце сборника «Русские эпические песни Сибири и Дальнего Востока» следует пояснение слова «ермаки – здесь в значении “казачий предводитель”» [там же, с. 477].

В концовке песни «ермаки» придумывают:

Уж агде мы станем, рэбэты, лето летовать?

Лучче гранемте, рэбэты, под Кучум-город,

Мы Кучумское-то царство вижгем-випленим...

За это нас государь-цар пожалует

[Там же, с. 328].

Здесь приводится вариант песни о Ермаке, здесь видно, как Ермак Тимофеевич смог замириться с «государем-царем». Внимательное изучение текстов песен о Ермаке привело Б.Н. Путилова к утверждению, что «возникающие новые песни о Разине по своим внутренним художественным качествам продолжают традиции ермацких песен» [ИП XIII–XVI, 1960, с. 15]. Как видим, сюжет песни сложнее, слово «Ермак» не только имя, но и указание на казака, но и на руководителя.

Другие исторические песни, зафиксированные в Русском Устье, происходят из разных источников. В них возможны примеры влияния якутского языка, так как многие исполнители песен были якутоязычными. Однако, влияние местной лексики незначительно, встречаются некоторые заимствованные лексемы: «турки-чукчи», «чукчанка» [РЭП, 1991, с. 207–208]. Вместо общепринятых

персонажей появляется местная лексика, указывающая на события, происходившие в этой местности.

Если сравнивать исторические с балладными песнями, зафиксированными на Колыме и Индигирке, то видно, что исторические песни почти не испытали лексических изменений. В балладной песне «Теща в плену у зятя» в записи текста, который бытовал на Анное, отразились реалии, связанные с местными событиями – сражениями русских с чукчами в XVIII в. и их последствиями [РЭП, 1991, с. 207–208]. В тексте происходит изменение идентификации героини-полонянки, что, видимо, не важно исполнителям.

В целом, наблюдаются разные группы влияния местного фольклора и иной лексики. Следует отметить, что подобные изменения в тексте незначительны, могут носить единичный характер.

Литература и источники

Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. АН, 1901. – Т.68. – №4. – 346 с.

ДРС – Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым / 2-е дополн. изд. подготовили А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. – М.: Наука, 1977. – 408 с. (Литературные памятники).

ИП XIII–XVI – Исторические песни XIII–XVI веков / Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 696 с.

Каменецкая Р.В. Русские старожилы в низовьях р. Индигирки (Этнографический очерк) // Фольклор Русского Устья. – Л.: Наука, 1986. – С. 337–356.

РФ АЯНЦ СО РАН – Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 446; 762–781.

Сулейманов А.А. Экспедиции Ленинградского отделения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР в арктические районы Якутии (70-е – нач. 90-х гг. XX в.) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2019. – №4. – С. 70–77.

ФРУ – Фольклор Русского Устья / сост. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев и др. Л.: Наука, 1986. – 384 с.

ФРНЯ – Фольклор русского населения Якутии (русские песни Ленского тракта). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. – 132 с.

ФРУ – Фольклор Русского Устья / сост. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев и др. – Л.: Наука, 1986. – 384 с.

Чарина О.И. Записи фольклора, произведенные Д.И. Меликовым в Нижне-колымском крае в 1893 г. // Из истории русской фольклористики. – Санкт-Петербург: Наука, 2013. – Вып. 8. – С. 110–114.

Вербальные традиции эвенов Якутии

Аннотация. Эвены РС(Я) расселены в 13 районах, в основном входящих в состав арктической зоны РФ. Язык эвенов Якутии разнообразен по диалектному составу, здесь богато представлены различные фольклорные жанры.

Ключевые слова: эвены, Якутия, вербальные традиции, язык, фольклор.

Sardana Sharina, PhD

Verbal traditions of the Evens of Yakutia

Abstract. The Evens of the Republic of Sakha (Yakutia) are settled in 13 districts, mostly included in the Arctic zone of the Russian Federation. The language of the Evens of Yakutia is diverse in dialect composition, and various folklore genres are richly represented here.

Keywords: Evens, Yakutia, verbal traditions, language, folklore.

Через призму вербальных традиций этноса, в основе которых язык, речь, фольклор, раскрывается уникальная этническая культура народа.

Эвены – один из коренных малочисленных народов Севера, расселенный на северо-востоке Азии. Эвены донесли до настоящего времени самобытный язык и уникальную культуру, сохраняя и передавая новым поколениям непревзойденные навыки природопользования, оленеводство и промыслы, показывая тем самым уникальный пример успешной адаптации в экстремально суровых природно-климатических условиях Арктики и Севера. Численность эвенов по данным Всероссийской переписи 2020 года составляет 19975 чел. [Портал Федеральной...]. В Республике Саха (Якутия) на территории 13 улусов (районов) проживают 15071 эвенов (более 70% от общего числа этноса в РФ). 10 районов, где расположены места компактного проживания эвенов, входят в состав Арктической зоны РФ. Язык эвенов Якутии весьма разнообразен по диалектному составу и дает примеры всех трех наречий эвенского языка: здесь представлены говоры, относящиеся и к восточному (березовский говор), и среднему (верхнеколымский, улахан-чистайский, усть-майский говоры), и западному (остальные районы) наречиям. Из эвенов Якутии в настоящее время родным языком владеет только 16,6% [ПИМА]. Сегодня актуальным является фиксация и документация аутентичных материалов. Большое внимание в работе следует уделить на те этнолокальные группы эвенов, которые до сих пор не были обследованы диалектологами или изучены слабо. Отмечается бытование следующих фольклорных жанров: *нимкан* – эпические сказания, сказки о животных, волшебные, кумулятивные сказки; *тэлэһ* – предания, мифы и мифологические рассказы; *укчэнэк* – бытовые рассказы, *икэ* – личные песни,

песни-импровизации; *төнүэкич* – обычаи и запреты. Собранные материалы могут способствовать дальнейшему изучению фольклора и реконструкции традиционной культуры. В зафиксированных текстах преобладают нарративные жанры – *тэлэу* (предания о *хэекэх*, о потопе, топонимические предания) и *укчэнэк*. Широкое распространение имеют различные топонимические предания. В Томпонском районе исследователями были зафиксированы сказки о животных, мифологические рассказы о сотворении животных, родовые песни.

У эвенов Якутии записаны образцы эпических сказаний, которые исполняются сказителями-нимкаланами в виде прозаических повествований со вставками диалогов в песенной форме. Архаический эпос по праву считается вершинным достижением устного народного творчества эвенов в плане художественного совершенства и историко-познавательной ценности. Мы располагаем текстами разного объема с разнообразными сюжетами, персонажами, языковой и этнографической фактурой, которые по месту записи, диалектной принадлежности можно подразделить на следующие локальные группы: момская, колымская, оймьяконско-томпонская, северная.

Момская эпическая традиция включает в себя три текста, записанные в 1955 г. В.Д. Лебедевым (сказитель П.С. Атласов) и образцы, собранные в Момском районе в 1963 году П.А. Ламутским [Ламутский, 1963]. Локальная специфика состоит в достаточно разнородном представлении образцов, тексты отличаются друг от друга и по содержанию, и по особенностям поэтики. Полевые записи В.Д. Лебедева стали началом изучения и издания эпоса эвенов Якутии, они остаются одними из лучших образцов эпического фольклора момских эвенов. Их уникальность – в высоком качестве исполнительского мастерства и уровне фиксации фольклорного материала исследователем. Однако львиная доля собранных им материалов на языке оригинала сегодня недоступна. Их местонахождение и судьба неизвестны.

Колымская эпическая традиция представлена текстом «*Нөлтэк*», зафиксированным В.А. Роббеком в 1975 г. от 83-летней сказительницы Евдокии Иннокентьевны Тайшиной [Тайшина, Роббек, 1992]; сюда же мы относим записанные нами в 2015 году от жительницы с. Березовка Среднеколымского района Якутии Анны Ивановны Хабаровской *нимканы* [ПМА].

К *оймьяконско-томпонской эпической традиции* относятся текст «*Иркэнм-эл, Ойинде, Мэтэлэ*», записанный А.А. Даниловой от жителя Оймьяконского района Якутии Егора Андреевича Данилова [Данилов, 1991] и образцы сказаний жительницы с. Тополиное Томпонского района Дарьи Михайловны Осениной [Осенина, 2013]. В 2005 г. нам удалось зафиксировать от *нимкалана* Д.М. Осениной несколько эпических сказаний, которые также можно включить в данную группу [ПМА]. Эти тексты имеют исключительную ценность для характеристики эпической традиции, ближайшей к нам по времени и понимания процессов, происходящих внутри жанра.

Северная эпическая традиция включает образец «*Умчэгин*», записанный Х.И. Дуткиным у 51-летнего Иннокентия Васильевича Едукина в 1977 г. в Ал-

лаиховском районе Якутии [Дуткин, 1980]. В 2005 г. нами от эвена рода дутки Максима Ильича Дуткина, 1968 года рождения, был записан вариант данного *нимкана* [ПМА]. К северной традиции можно отнести и текст «Өмчэни» [Ламутский, 1961], записанный в местности Хули Дюн Силяннихского наслега Усть-Янского района в 1961 г. В.Д. Лебедевым от 40-летнего Иннокентия Степановича Слепцова, эвена рода кукуюн (еще не введен в научный оборот).

Приведенный свод локальных вариантов эвенских сказаний по сюжетной структуре и поэтике отличается от других нарративных жанров и имеет признаки архаического эпоса, к которым мы относим определенные характеристики [Шарина, Бурыкин, 2014]. Из паремиологических жанров у всех групп эвенов Якутии отмечается устойчивое бытование *төнүэкич* – «запретов-оберегов». Нами записаны охотничьи запреты, женские и запреты о духе огня. *Төнүэкич* играет немаловажную роль в воспитании, в них воплотились правила этикета, отношения к пожилым людям, несоблюдение которых считается *хинимкин* «грехом» у эвенов. В традиционной музыкальной культуре эвенов отмечается наличие развитого института личных песен. Активно бытуют в современной духовной культуре народа круговые танцы *хэде* и его различные варианты (*дехрие*, *дехонди* и др.). Следует отметить устойчивое сохранение у эвенов такого жанра, как личные и родовые песни «*икэ*» и «*алма*», которые исполняются эвенами в разные моменты жизни.

Возрождаются обрядовые праздники *эвинэк* и *хэбденэк*, свадебный обряд. Отмечена фрагментарная сохранность похоронного обряда, не функционируют промысловые обряды. У всех групп эвенов имеет бытование обряд кормления *Тог мухонни* «духа Огня», имеющего сакральное значение в традиционном мировоззрении эвенов.

Современное функционирование фольклора эвенов Якутии демонстрирует в целом единство с общеэвенской фольклорной традицией, однако, обнаруживает диалектное разнообразие и определенную специфичность в некоторых этнолокальных группах. Отличительные особенности диктуются природно-климатическими условиями и культурным ландшафтом. Например, бытование нарративов с морской тематикой наблюдается только у жителей побережья Восточно-Сибирского моря, мифологические рассказы о духах рек распространены у эвенов, традиционно кочующих по устьям больших рек. Весьма распространенным у эвенов горно-таежной зоны является наличие в *нимканах* наименований горного ландшафта и зоонимной лексики, характерной для данной местности (*токи* «лось», *уямкан* «горный баран»).

В фольклорном дискурсе эвенов Якутии в настоящее время наибольшая сохранность отмечается у таких жанров, как *нимкан* (кумулятивные сказки), *тэлэһ* (мифологические рассказы о хэеке, топонимические предания) и *төнүэкич* (запреты и обереги).

В Якутии система фольклорных жанров по определенным ареалам представлена фрагментарно. В связи с тем, что уходят из жизни последние знатоки языка и культуры, с каждым годом исследователям становится все труднее

собирать аутентичный материал. Поэтому в настоящее время назрела настоятельная необходимость срочной фиксации и документации живой вербальной традиции этноса.

Литература и источники

Данилов Е.А. Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ. – Якутск: Розовая чайка, 1991. – 48 с.

Дуткин Х.И. Умчэгин (эвенская сказка) // Вопросы языка и фольклора народов Севера. – Якутск, 1980. – С. 103–117.

Ламутский П.А. Материалы диалектологической экспедиции по говору эвенов Абыйского и Момского районов. 1963 г. // Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН Ф. 5. Оп. 14. Ед. хр. 71, 72.

Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. – Л.: Наука, 1978. – 207 с.

Осенина Д.М. Эвэн нимкарни. Эвенские нимканы Дарьи Михайловны Осениной. – Германия, 2013. – 160 с.

ПМА – полевые материалы автора, собранные в разные годы в районах Якутии.

Портал Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.06.2023).

Тайшина Е.И., Роббек В.А. Нёлтэк. – Якутск: Розовая чайка, 1992. – 64 с.

Шарина С.И. Категория количественности в эвенском языке. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1999. – 144 с.

Шарина С.И., Бурыкин А.А. Эпос восточных эвенов и эпос охотских эвенов: к проблеме общих типологических свойств ранних форм эпоса // Сибирский сборник–4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. – СПб., 2014. – С. 68–79.

Шишигина А.Н., к.и.н.

Научное изучение Сибири и Якутии в XVIII в.: природные условия и ресурсы как фактор развития

Аннотация. Оценки последующих поколений материалов и работ экспедиционных исследований XVIII в. с участием ученых иностранного происхождения разнообразны, иногда весьма противоречивы, с учетом акцента внимания на том или ином атрибутивном признаке. Для достижения цели работы – показать историю научного изучения природы Сибири и Якутии в XVIII в. в контексте развития научных представлений о природных условиях и ресурсах как факторах развития территорий, в качестве источниковой базы выступили спектр опубликованных и неопубликованных источников экспедиционных исследований (Мессершмидта, Второй Камчатской, Северо-Восточной) и

научной литературы. В условиях отсутствия значимых теорий как в области производства, распределения и потребления товаров, так и в области естествознания, в ходе экспедиционных исследований тех лет природные условия, выступая объектом изучения, подвергались описанию, исходя из собственных воззрений и стремлений исследователей с учетом открытого коммуникационного пространства в научном мире, а также требований цензуры. Происходила апробация неких теоретических предтеч, которая иногда приводила к существенным результатам. Природные ресурсы рассматривались, как правило, в неразрывной связи с сообществами местного населения. Подобный подход с накоплением достаточного массива фактологического материала позволил преодолеть фрагментарную иррациональность научного мышления XVIII в. и в последующем столетии достичь существенного научного прогресса.

Ключевые слова: История науки, экологическая история, экономическая история, история Сибири, история Якутии.

Anna Shishigina, PhD

**Scientific study of Siberia and Yakutia in the 18th century:
Natural conditions and resources as a factor of development**

Abstract. The assessments of subsequent generations of materials and works of the 18th century expeditionary studies with the participation of scientists of foreign origin are diverse, sometimes quite contradictory, taking into account the emphasis on one or another attribute. In order to achieve the goal of the work - to show the history of scientific study of the nature of Siberia and Yakutia in the XVIII century in the context of the development of scientific ideas about natural conditions and resources as factors in the development of territories, the range of published and unpublished sources of expeditionary studies (Messerschmidt, Second Kamchatka, North-Eastern) and scientific literature acted as a source base. In the absence of significant theories both in the field of production, distribution and consumption of goods, and in the field of natural science, during the expeditionary studies of those years the natural conditions, being the object of study, were subjected to description based on the researchers' own views and aspirations, taking into account the open communication space in the scientific world, as well as the requirements of censorship. Some theoretical precursors were tested, which sometimes led to significant results. Natural resources were considered, as a rule, in an inseparable connection with local communities. Such an approach with the accumulation of a sufficient amount of factual material allowed to overcome the fragmentary irrationality of scientific thinking in the 18th century and to achieve significant scientific progress in the following century.

Keywords: History of science, environmental history, economic history, history of Siberia, history of Yakutia.

В начале следует пояснить, почему в конференции, посвященной арктическому региону, речь идет о Сибири, а не об ее арктических территориях. Все дело в содержании документов XVIII в., в которых слово «Арктика» не присутствовало, да и слово «Север» уступало «Сибири». В связи с этим, цель данной работы – показать историю научного изучения природы Сибири и Якутии в XVIII в. в контексте развития научных представлений о природных условиях и ресурсах как факторах развития территорий. Вместе с тем, подобная постановка вопроса также требует уточнения, поскольку использование слова «ресурс» датируется началом XVII в., но как термин, по всей вероятности, сочетание слов «природные ресурсы» стало регулярно использоваться лишь к концу XIX в. [Natural resources, 1999].

Научное изучение региона в XVIII в. осуществлялось сугубо в ходе экспедиционных работ Академии наук. В связи с этим, в работе использованы опубликованные и неопубликованные источники экспедиционных исследований (Мессершмидта, Второй Камчатской, Северо-Восточной), а также значительный спектр научного отклика последующих поколений, как в России, так и за рубежом. Изучение исторических оснований и традиций природопользования вносит определенный вклад в развитие научных дискурсов в области экологической истории, в частности исторического осмысления понятия «природный ресурс», роли природных факторов в истории изучения и освоения Севера и Сибири – территорий, отдаленных от центра и богатых природными ресурсами. С позиции истории экономической данная избранная тема представляет интерес для объяснения изменений хозяйственной деятельности.

Развитие идей о роли природного фактора в истории человечества имеет достаточно долгую историю, начиная от Ибн-Халдуна (1332–1406) и Ж. Бодена (1530–1596), Ш. Монтескье (1589–1755), А. Барнавы (1761–1793), получившие развитие в трудах К. Риттера (1799–1895) и Э. Реклю (1830–1905) и др. Заметный вклад в развитие темы внесли современные зарубежные исследователи Д. Востер, У. Кронон, Д. МакНилл, Й. Радкау, Д. Вайнер, Д. Мун, С. Брэйи и др., а также отечественные – Ю.А. Лайус, Е.И. Гололобов, А.М. Калимуллин, В.И. Дурновцев, А.В. Бекасова, Е.М. Лупанова и др. Непосредственно по теме данной работы научное сообщество по большей степени едино во мнении о том, что в описании территорий знания о ресурсах в XVIII–XIX вв. преобладал утилитарный характер. Сильная практическая направленность была характерна не только для советской, но и для дореволюционной науки [Лайус, 2010].

Оценки последующих поколений материалов и работ экспедиционных исследований с участием ученых иностранного происхождения разнообразны, иногда весьма противоречивы, с учетом акцента внимания на том или ином атрибутивном признаке. Так, статья С.Б. Бахрушина «Г.Ф. Миллер как историк Сибири» к первому тому «Истории Сибири» Миллера 1937 г., в русле «вульгарно-социологических взглядов» [Батьянова, Вайнштейн, 1999, с. 8] автора, содержит его мнение о том, что под чисто практическими целями экспедиции имелось ввиду «интенсивная эксплуатация зауральской колонии как сырьевой

базы» [Бахрушин, 1937, с. 5], что являет собой типичную «ритуальную цитату «классиков» марксизма» [Дубровский, 2015. с. 24]. Перекос в оценках в ту или иную сторону достиг, пожалуй, апофеоза в к. 70-ых гг. XX вв. который можно наблюдать в работе о развитии географической науки, в которой не найдется ни слова о трудах Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина и др., а такие приглашенные иностранцы, как П.С. Паллас, И. Гильденштадт, И.Г. Георги, оценивались лишь как стремившиеся «повернуть науку на изучение только природных условий огромной России» [Саушкин, 1980]. Обратная сторона медали наблюдалась в работах зарубежных авторов, где иногда головная роль отводилась определенному лицу иностранного происхождения, с расстановкой акцентов на концепцию русской завоевательной экспансии в Сибирь и характер проводимых колонизационных мер [напр., Dahlmann, 1999]. Другими словами, на формирование представлений исследователей результатов экспедиционных трудов имело влияние преобладание тех или иных общетеоретических воззрений.

Понятие «пользы» в эту эпоху зачастую переплеталось с нравственными общественными устоями. Так, стоявшие у истоков создания экономической мысли в России Ю. Крижанич, сочинивший свой основной труд «Политика» во время ссылки в Тобольске в 1663–1666 гг. (опубликованный в XIX в.), рассматривал экономику как «систему мер по материальному обеспечению духовного развития людей» [Бочко, 2005, с. 135], а В.Н. Татищев, разделяя науки, исходя из свойств, морали на нужные, полезные, щегольские и увеселяющие, любопытные или тщетные, а также вредительные, не ставя задачу подробного описания свойства всех наук, «естествоиспытание» (он относил сюда физику и химию), «арифметику или счисление» (математика), геометрию или землемерие, «механику – хитродвижность», «архитектуру – строительство» и другие подобные относил к полезным наукам. Под «полезностью» он понимал те, «которые до способности ко общей и собственной пользе принадлежат», в отличие от «нужных» – необходимые человеку, состоящему из свойств души и тела, для его «совершенства» [Татищев, 1780, с. 72–77].

Отдельные исследователи считают, что в это время еще не сформировалось представление о выгоде и рыночной ценности, вся полезность трактовалась как использование знаний для повышения престижа двора, символической ценности, а не с точки зрения развития производства [Лупанова, 2017]. Вместе с тем, напомним, что для мыслей экономического порядка в России периода XVII–XVIII вв. характерно влияние меркантилизма – одного из самых ранних вариантов теоретического обоснования права государства влиять на экономику, и идеей активного торгового баланса, отраженного в проектах А.Л. Ордина-Нащокина (1605–1680), Ю. Крижанича (1617–1683) и И.Т. Посошкова (1652–1726). При этом, в основе сокращения привоза иностранных товаров виделась необходимость развития собственной промышленности как основополагающего для развития экспорта и привлечения в страну денег [Громыко, 2006], а также ратование о сельском хозяйстве. Так и созданное в 1763 г. Вольное экономическое общество России, как указано в протоколах Академии наук

от 15 сентября этого года должно было способствовать развитию сельского хозяйства [Летопись, 2000, с. 510], хотя задачи по «приведению экономики в лучшее состояние» по факту ставились более широкие.

Несмотря на то, что интерес к недрам и содержащимся в них ресурсам уходит корнями в далекое прошлое, и указания на горные разработки появляются на картах уже с XV в. [Dainville, 1964], естественная история в нач. XVIII в. также не имела собственной значимой теоретической функции. В предисловии к своим «Новым экспериментам, касающимся весны воздуха» (1660 г.) британский ученый, сооснователь Лондонского Королевского общества Р. Бойль объясняет, что суть естествознания не в том, чтобы не только разрабатывать теории и принципы, но и разрабатывать эксперименты и обогащать историю природы добросовестно сделанными и доставленными наблюдениями; что благодаря этим и подобным вкладам, сделанным другими, люди могут со временем получить достаточный запас экспериментов для обоснования гипотез и теорий [Бойль, 1744, III 12]. То есть преобладающий взгляд на естествознание в нач. XVIII в. все еще предусматривал описательный характер для обеспечения натурфилософии фактами.

На примере развития темы о Северо-Восточном проходе, предположение о существовании которого имеет античные корни и более активно возбуждает умы передового человечества с XVI в., в XVIII в. демонстрируется переплетение иррационального и рационального восприятия мира в условиях сложного процесса становления научного знания [Кюнцель-Витт, 2006].

Таким образом, в условиях отсутствия значимых теорий как в области производства, распределения и потребления товаров, так и в области естествознания, в ходе экспедиционных исследований тех лет природные условия, выступая объектом изучения, подвергались описанию, исходя из собственных воззрений и стремлений исследователей с учетом, во-первых, открытого коммуникационного пространства в научном мире, а, во-вторых, требований цензуры. Так, справедливо отмечается, что не было вмешательств в «научную лабораторию» Г.Ф. Миллера до той поры пока он не приступил к написанию цельного сочинения [Бахрушин, 1937, с. 64–65], что можно видеть на примере «выключения» Конференцией Академией наук по предложению М.В. Ломоносова упоминаний о грабежах и разбое, чинимых людьми Ермака [Шишигина, 2005].

С одной стороны, происходила апробация неких теоретических предтеч, например, Стеллером о произрастании определенных видов растений возле Соляных ключей [Шишигина, 2005]. Иногда она приводила к существенным результатам. Так, выводы И.Г. Гмелина в вопросах объяснения неудачных попыток акклиматизации домашних животных в новых условиях предвосхитили взгляды Бюффона о происхождении видов путем изменяемости видовых признаков под влиянием внешних условий, развитых затем в эволюционном учении Дарвина [Белковец, 1990, с. 81–82]. С другой стороны, поскольку природные ресурсы рассматривались, как правило, в неразрывной связи с сооб-

ществами людей, которые их использовали, то научный интерес развивался также с позиции возможной «полезности». Так, Миллер, направляя осенью 1736 г. Крашенинникова из Олекминского острога на речку Кемпендй, чтобы обследовать «соляные ключи» и «соляную гору», обосновывал это возможной полезностью для нужд Якутского уезда [Миллер, 1999, с. 85], не подозревая на тот момент об отсутствии значимых потребностей местного населения ввиду бессолевых пищевых привычек (что, по всей видимости, не является свойственной только северным народам. Так, и у калмыков соль была «в небрежении» [Крижанич, 1822, с. 13]).

Подобный подход с накоплением достаточного массива фактологического материала позволил преодолеть фрагментарную иррациональность научного мышления XVIII в. и в последующем столетии достичь существенного научного прогресса, практически неравномерно реализованного в мировом пространстве.

Литература и источники

Батянова Е.П., Вайнштейн С.И. Из истории подготовки нового издания труда Г.Ф. Миллера // Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т.1. – М., 1999. – С. 5–11.

Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. – М.-Л., 1937. – С. 3–55.

Белковец Л.П. Иоганн Георг Гмелин: 1709–1755. – М., 1990. – 144 с.

Бочко В.С. Юрий Крижанич – первый экономист-меркантилист в России // Журнал экономической теории. 2006. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuriy-krizhanich-pervyy-ekonomist-merkantilist-v-rossii>.

Громыко В.В. Основоположник русского меркантилизма А.Л. Ордин-Нащокин (ок. 1605–1680) // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2006. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovopolozhnik-russkogo-merkantilizma-a-l-ordin-nashokin-ok-1605-1680>.

Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и научное наследие Г.Ф. Миллера // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018. №3 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/s-v-bahrushin-i-nauchnoe-nasledie-g-f-millera>.

Крижанич Ю. Повествование о Сибири. Латинская рукопись XVII столетия, изданная с российским переводом и примечаниями Григорием Спасским. – СПб., 1822. – 48 с.

Кюнцель-Витт К. В поисках Северо-Восточного прохода и незамерзающего Северного полюса // Век Просвещения. – М., 2006. – С. 141–167.

Лайус Ю.А. История изучения природных ресурсов как «общая территория» истории биологии и экологической истории (вместо введения) // Историко-биологические исследования. – 2010. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-prirodnih-resursov-kak-obshchaya-territoriya-istorii-biologii-i-ekologicheskoy-istorii-vmesto-vvedeniya>.

-
- Летопись Российской Академии наук. Т.1. 1724-1801. – СПб., 2000. – 994 с.
- Лупанова Е.М. История закрепощения природного ресурса. Лесное хозяйство в России 1696–1802 гг. – СПб., 2017. – 352 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 1999. – 598 с.
- Российская государственная библиотека. Фонд №173.III. Д. 209. На 150 л.
- Татищев В.Н. Разговор о пользе наук и училищах. Рукопись.
- Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. – М., 1980. – 269 с.
- Шишигина А.Н. Научное изучение Якутии в XVIII веке: (по материалам Второй Камчат. Экспедиции). – Якутск, 2005. – 299 с.
- Cooper A. Kant's universal conception of natural history, *Studies in History and Philosophy of Science*. – Part A. – Vol. 79. – 2020. – Pp. 77–86. ISSN 0039-3681. DOI: 10.1016/j.shpsa.2019.01.004. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0039368118301584>.
- Dahlmann D. Einleitung // Gmelin, Johann Georg: Expedition ins unbekannte Sibirien / Johann Georg Gmelin. Hrsg., eingeleitet und erl. von Dittmar Dahlmann. – Sigmaringen: Thorbecke, 1999. – S. 7–84.
- Dainville Cf. F. de. Le langage des géographes. Termes, signes, couleurs des cartes anciennes (1500–1800). – Paris, 1964. – P. 256 et suivante.
- Natural resources // *Environmental Geology. Encyclopedia of Earth Science*. – Springer, Dordrecht, 1999. – Pp. 425–428. DOI: 10/1007/1-4020-4494-1_231.
-

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Сардаана Анатольевна, к.и.н., с.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: alexeeva_sar@mail.ru

Alekseeva Sardaana Anatolievna, PhD in Historical Sciences, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: alexeeva_sar@mail.ru

Алексушин Глеб Владимирович, д.и.н., профессор кафедры, ФГАОУ ВО Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия. Эл. почта: gva3@yandex.ru

Aleksushin Gleb Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department, Samara State University of Economics, Samara, Russia. E-mail: gva3@yandex.ru

Андреева Тамара Егоровна, к.ф.н., в.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: taan2001@mail.ru

Andreeva Tamara Egorovna, PhD in Philology Sciences, Leader Researches, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: taan2001@mail.ru

Астахова Ирина Сергеевна, м.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: Irasta@list.ru

Astakhova Irina Sergeevna, Junior Research Fellow, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: Irasta@list.ru

Базегский Дмитрий Васильевич, к.и.н., руководитель Лаборатории комплексного изучения Арктики Отдела комплексных научных исследований, ФГБУН ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия. Эл. почта: bazegsky@krc.karelia.ru

Bazegskiy Dmitriy Vasilievach, PhD in History Sciences, Head of the Laboratory for Arctic Integrated Research Department of Multidisciplinary Scientific Research, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia. E-mail: bazegsky@krc.karelia.ru

Балабейкина Ольга Александровна, к.г.н., доцент, Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет, Санкт-Петербург, Россия. Эл. почта: olga8011@yandex.ru

Balabeikina Olga Aleksandrovna, PhD in Geographic Sciences, Associate Professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: olga8011@yandex.ru

Боякова Сардана Ильинична, д.и.н., г.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: boyakova@mail.ru

Boyakova Sardana Ilyinichna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: boyakova@mail.ru

Бравина Розалия Иннокентьевна, д.и.н., г.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: bravinari@bk.ru

Bravina Rozalia Innokientievna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: bravinari@bk.ru

Булыгин Олег Максимович, студент 4 курса бакалавриата САФУ им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия. Эл. почта: bulygin.o@edu.narfu.ru

Bulygin Oleg Maksimovich, 4th year undergraduate student of NArFU, Arkhangelsk, Russia. E-mail: bulygin.o@edu.narfu.ru

Бучек Альбина Александровна, д.п.н., доцент, директор методического центра Института реализации государственной политики и профессионального развития работников образования, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения», Москва, Россия. Эл. почта: aa.buchek@guppros.ru

Buchek Albina Alexandrovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Director of the Methodological Center of the Institute for the Implementation of State Policy and Professional Development of Educational Workers, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «State University of Enlightenment», Moscow, Russia. E-mail: aa.buchek@guppros.ru

Васильев Валерий Егорович, к.и.н., с.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: valera305@mail.ru

Vasilyev Valeriy Egorovich, PhD in Historical Sciences, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: valera305@mail.ru

Васильева Анастасия Владимировна, к.э.н., с.н.с. Лаборатории комплексного изучения Арктики Отдела комплексных научных исследований, ФГБУН

ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия. Эл. почта: vasnask@gmail.com

Vasilieva Anastasia Vladimirovna, PhD in Economics Sciences, Senior Researcher in the Laboratory for Arctic Integrated Research Department of Multidisciplinary Scientific Research KarRC RAS, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia. E-mail: vasnask@gmail.com

Васильева Римма Иннокентьевна, к.ф.н., с.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: Rimin62@inbox.ru

Vasilyeva Rimma Innokentievna, PhD in Philology Sciences, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: Rimin62@inbox.ru

Винокурова Лилия Иннокентьевна, к.и.н., в.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: lilivin@mail.ru

Vinokurova Liliia Innokentievna, PhD in Philology Sciences, Leader Researches, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: lilivin@mail.ru

Гонина Наталья Владимировна, к.и.н., с.н.с. сектора аграрной и демографической истории Института Истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия. Эл. почта: nvg7@mail.ru

Gonina Natalya Vladimirovna, PhD in Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia. E-mail: nvg7@mail.ru

Данилова Надежда Ивановна, д.ф.н., г.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: nadiv2008@mail.ru

Danilova Nadezhda Ivanovna, Doctor of Philology Sciences, Senior Researcher. Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: nadiv2008@mail.ru

Данилова Роза Александровна, аспирант 2 года обучения, младший научный сотрудник Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия. Эл. почта: r.danilova@iling-ran.ru

Danilova Roza Aleksandrovna, Postgraduate student, Junior Research Associate, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: r.danilova@iling-ran.ru

Егоров Петр Михайлович, к.полит.н., н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: epm77@mail.ru

Egorov Peter Mikhailovich, PhD in Political Sciences, Scientific Researcher. Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: epm77@mail.ru

Жукова Людмила Николаевна, к.и.н., с.н.с. лаборатории археологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: zjukova@mail.ru

Zhukova Lyudmila Nikolaevna, PhD in Historical Sciences, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: zjukova@mail.ru

Заостровских Елена Анатольевна, к.э.н., н.с., Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия. Эл. почта: zaost@ecrin.ru

Zaostrovskikh Elena Anatolievna, PhD in Economics Sciences, Scientific Researcher, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch RAS, Khabarovsk, Russia. E-mail: zaost@ecrin.ru

Ивашко Даниил Олегович, студент, Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет, Санкт-Петербург, Россия. Эл. почта: ivashko.daniil@mail.ru

Ivashko Daniil Olegovich, student, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: ivashko.daniil@mail.ru

Исаков Александр Викторович, м.н.с., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия. Эл. почта: alexandr_isakov98@vk.com

Isakov Alexander Viktorovich, Junior Research Associate, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia. Email address: alexandr_isakov98@vk.com

Ищенко Оксана Владимировна, д.и.н., профессор кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.

Ishchenko Oksana Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of state, municipal and personal management, Surgut State University, Surgut, Russia.

Краснопольский Борис Хананович, д.э.н., профессор, г.н.с., Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук, Хабаровск, Россия. Эл. почта: boriskrasno@gmail.com

Krasnopol'ski Boris Khananovich, Doctor of Economics Sciences, Professor, Chief Researcher, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia. E-mail: boriskrasno@gmail.com

Кузьмина Раиса Петровна, к.ф.н., с.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: raisakuzmina2013@yandex.ru

Kuzmina Raisa Petrovna, PhD in Philology Sciences, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: raisakuzmina2013@yandex.ru

Кушнарева Маргарита Дмитриевна, д.и.н., профессор, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск, Россия. Эл. почта: rita270880@mail.ru

Kushnareva Margarita Dmitrievna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. E-mail: rita270880@mail.ru

Леонов Сергей Николаевич, д.э.н., профессор, в.н.с., Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук, Хабаровск, Россия. Эл. почта: Leonov@ecrin.ru

Leonov Sergey Nikolaevich, Doctor of Economics Sciences, Leader Researches, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia. E-mail: Leonov@ecrin.ru

Михайлов Арчылаан Григорьевич, магистрант, кафедра истории, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия. Эл. почта: 795.arc.795@mail.ru

Mikhailov Archyalaan Grigorievich, Master's student, Department of History, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia. E-mail: 795.arc.795@mail.ru

Николаев Дмитрий Алексеевич, лаборант, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: Nikolaev.Dmitry1993@yandex.ru

Nikolaev Dmitry Alekseevich, Laboratory assistant, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: Nikolaev.Dmitry1993@yandex.ru

Николаев Егор Револьевич, к.ф.н., с.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: 1953307@mail.ru

Nikolaev Egor Revolievic, PhD in Philology Sciences, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: 1953307@mail.ru

Поварешкин Леонид Владимирович, бакалавр, студент 1 курса магистратуры САФУ им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия. Эл. почта: povareskin.l@edu.narfu.ru

Povareskin Leonid Vladimirovich, Bachelor, 1st year Master's student of NAr-FU, Arkhangelsk, Russia. E-mail: povareskin.l@edu.narfu.ru

Полянский Евгений Валерьевич, аспирант, ФГОУ ВО «Красноярский аграрный университет», кафедра «Истории и политологии», Красноярск, Россия. Эл. почта: lebrovski@gmail.com

Polyanskiy Evgeny Valeryevich, post-graduate student, FGOU VO «Krasnoyarsk Agrarian University», Department of «History and Political Science», Krasnoyarsk, Russia. E-mail: lebrovski@gmail.com

Саввинова Антонина Николаевна, к.г.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия. Эл. почта: sava_73@mail.ru

Savvinova Antonina Nikolaevna, PhD, Associate Professor, Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia. E-mail: sava_73@mail.ru

Санникова Яна Михайловна, к.и.н., с.н.с. Центра арктических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: sannikowa@mail.ru

Sannikova Yana Mikhailovna, PhD in Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Arctic Research, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: sannikowa@mail.ru.

Стручков Кирилл Намсараевич, к.ф.н., н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: kstruchkov@mail.ru

Struchkov Kirill Namsaraevich, PhD in Philology Sciences, Scientific Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: Kstruchkov@mail.ru

Урожаева Татьяна Петровна, к.и.н., н.с. лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия. Эл. почта: olgoy@ya.ru

Urozhaeva Tatyana Petrovna, PhD in Historical Sciences, Scientific Researcher at the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. E-mail: olgoy@ya.ru

Федоров Роман Юрьевич, д.и.н., г.н.с., Институт криосферы Земли Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, Тюмень, Россия. Эл. почта: r_fedorov@mail.ru

Fedorov Roman Yurievich, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Earth Cryosphere Institute, Tyumen Scientific Center, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia. E-mail: r_fedorov@mail.ru

Федоров Святослав Игоревич, м.н.с. лаборатории «Человек в Арктике», Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: fedorov.si@mail.ru

Fedorov Sviatoslav Igorevich, Junior Research Associate at the laboratory «Man in the Arctic», Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: fedorov.si@mail.ru

Федорова Айталина Родионовна, м.н.с. лаборатории «Человек в Арктике», Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: aytap@mail.ru

Fedorova Aytalina Rodionovna, Junior Research Associate at the laboratory «Man in the Arctic», Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: aytap@mail.ru

Филиппова Виктория Викторовна, к.и.н., с.н.с., и.о. руководителя Центра арктических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: filippovav@mail.ru

Filippova Viktoriya Viktorovna, PhD in Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Arctic Research, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: filippovav@mail.ru

Филиппова Дария Николаевна, м.н.с. отдела этносоциологии Института гуманитарных исследований проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: efimova_dasha@inbox.ru

Filippova Dariya Nikolaevna, Junior Research Associate at the Department of Ethnosociology, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS, Yakutsk, Russia. E-mail: efimova_dasha@inbox.ru

Фролов Иван Викторович, ООО «НПО «Северная археология-1», археолог, руководитель обособленного отделения в Сургуте, Сургут, Россия. Эл. почта: arqueolog@mail.ru

Frolov Ivan Victorovich, NPO Severnaya Archeologiya-1 LLC, archaeologist, head of a separate department in Surgut, Surgut, Russia. E-mail: arqueolog@mail.ru

Чарина Ольга Иосифовна, к.ф.н., доцент, с.н.с. отдела фольклористики и литературоведения, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: ochar@list.ru

Charina Olga Iosifovna, PhD in Philology Sciences, Senior Researcher of the Department of Folklore and Literature, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: ochar@list.ru

Шарина Сардана Ивановна, к.ф.н., в.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Эл. почта: sarshar@mail.ru

Sharina Sardana Ivanovna, PhD in Philological Sciences, Leader Researches, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. E-mail: sarshar@mail.ru

Шиишгина Анна Николаевна, к.и.н. Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия), Якутск, Россия. Эл. почта: schanan@yandex.ru

Shishigina Anna Nikolaevna, PhD in Historical Sciences, Arctic Centre for Scientific Research of the Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Russia. E-mail: schanan@yandex.ru

~Научное электронное издание~

**ОСВОЕНИЕ АРКТИКИ:
ТРИ ВЕКА ПОИСКОВ И ОТКРЫТИЙ**

Сборник научных тезисов

Составители:

к.и.н. *В.В. Филиппова*

к.и.н. *Я.М. Санникова*

к.и.н. *А.А. Сулейманов*

С.И. Федоров

Т.П. Максимова

Оператор компьютерной верстки: Степанова А.Н.

Дизайн обложки: Степанов И.Г.

Подписано в печать 12.12.2024. Формат 70х100^{1/16}.

Усл.п.л. 11,1. Уч.изд.л. 12,1. Объем 3,42 Мб

Якутск, ИГИиПМНС СО РАН, 2024

77027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, тел.: +7(411)236-14-49

Е-mail: inip@vsn.ru

Официальный портал: www.igi.vsn.ru
